афиша

№12 (396) 18+ AFISHA.RU

ЛЕА СЕЙДУ, герои нового поколения ♫♪♫, «Иерей-сан», «Мобилизация», Людмила Улицкая, ZDDZ

ВСЕ РАЗВЛЕЧЕНИЯ ВСЕЛЕННОЙ

НОЯБРЬ 2015 №12 (396)

UNIQLO
LifeWear
HEATTECH
JAPAN TECHNOLOGY
ЭКСТРАТОНКАЯ И ЭКСТРАТЕПЛАЯ
ЯПОНСКАЯ РЕВОЛЮЦИОННАЯ ТЕХНОЛОГИЯ В МИРЕ ТКАНИ.
ВПИТЫВАЕТ ВЛАГУ ТЕЛА, ТРАНСФОРМИРУЯ ЕЕ В ТЕПЛО.
*Одежда для жизни **Японская технология
РЕКЛАМА

Дух времени
с. 7–50

1

с. 8 — Часики тикают

Неудачное свидание, красивые костюмы и дорогие часы

с. 14 — Леа Сейду

Эффектная французская актриса элитарного происхождения препарирует психику Джеймса Бонда и расшатывает каноны шпионской франшизы

с. 22 — Вещи

Растерзанный гардероб светской львицы

с. 28 — Манифест

Создатели промискуитетного приложения Pure запускают журнал в попытке избавить общество от сексуальных предрассудков

с. 30 — Дарья Сельянова

Последняя коллекция создательницы модной марки ZDDZ исследует темы депрессии и техно-движения

с. 38 — Театр Фаберже

«Геликон-опера» возвращается в особняк на Большой Никитской: лепнина, колонны, иконы и другие объекты русского китча

с. 42 — Людмила Улицкая

Писательница обсуждает с Олегом Кашиным свой новый и, возможно, последний большой роман

с. 48 — «Иерей-сан»

Инструкция по борьбе с плохими парнями с помощью православных атрибутов — от креста до посоха

Как стать героем поколения
с. 53–94

2

с. 53 — 13 молодых музыкантов

Под носом у гигантских звукозаписывающих корпораций растет не одна гениальная группа, не одно новое направление, а целый музыкальный мир из неизвестных стилей и непонятных пока никому героев, которые собирают полные залы

Учебник настоящего
с. 97–144

3

с. 98

—

Побег из Каравайчука

Путешествие по вселенной самого странного и загадочного российского композитора

с. 110

—

ЧК this out

Репортаж с Индустриального биеннале современного искусства в Екатеринбурге, где китайские кураторы борются с призраками Городка чекистов

с. 120

—

Пророчество майо

Нижегородские производители майонеза запустили инкубатор гастростартапов, где среди прочего разрабатываются батончики с афродизиаками для спецназовцев

с. 128

—

Фотоистория. А я томат

Одежда на вырост

с. 143

—

Как это было

Все, что пришлось пережить редакции, пока сдавался ноябрьский номер «Афиши»

Реклама

emirates.ru

Требуются архитекторы для проекта на побережье

Увидимся в Дубае

Наслаждайтесь безмятежным семейным отдыхом на пляжных курортах.

До 2000 каналов развлечений

Приветствуя Завтра Emirates

Для бронирования и получения дополнительной информации, пожалуйста, связывайтесь с Эмирейтс по телефону 8 (800) 555 19 19 (звонок бесплатный по России) или посетите сайт emirates.ru

Журнал «Афиша»

Главный редактор
Даниил Трабун
Ответственный секретарь
Элина Маркина
Арт-директор
Роман Горницкий
Дизайнер
Дарья Браженко
Фэшн-директор
Наталья Истомина
Редакторы
Михаил Левин
Нина Назарова
Феликс Сандалов
Фоторедактор
Александра Рожкова
Продюсер
Алла Мельникова
Цветоделение
Александр Каштанов
Верстка
Ильяс Лочинов
Принт-менеджер
Анастасия Чеканова
Старшие корректоры
Венера Ветрюк
Лариса Звягинцева
Директор по рекламе
Кристина Татаренкова

Афиша

Управляющий редактор
Алина Капацина

Компания Афиша

Управляющий директор
Варвара Мельникова
Управляющий редактор
Юнна Бакал
Директор по дистрибуции
Иван Сорокин
Руководитель отдела персонала
Наталия Головашкина
Административный директор
Дмитрий Бойко
Руководитель препресс-студии
Ирина Семенова
Менеджер по производству и издательским технологиям
Борис Воропаев
Редактор службы информации
Марина Халдина

На обложке
Леа Сейду
Фотография
Колье Шорр/Artist Commissions

Перепечатка материалов журнала «Афиша» невозможна без письменного разрешения редакции. При цитировании ссылка на журнал обязательна. Редакция не несет ответственности за достоверность информации, опубликованной в рекламных объявлениях, а также информации о мероприятиях, предоставленной их организаторами. Мнение авторов может не совпадать с точкой зрения редакции

В наборе использован шрифт Afisha Serif, созданный Александром Тарбеевым специально для журнала, и шрифт Afisha 2015, спроектированный Романом Горницким

Журнал «Афиша» №12 (396)
Выход из типографии 29 октября 2015 года

Для читателей старше 18 лет

Периодическое печатное издание
журнал «Афиша»

Учредитель и издатель
ООО «Компания Афиша»

Адрес редакции и издателя
117105, Москва, Варшавское ш., 9, стр. 1
(495) 785 17 00
info@afisha.ru

Отдел рекламы
ad@afisha.ru

Отдел classifieds PA Up Media
(495) 641 64 76
afisha@upmedia.pro

Тираж 184 300 экземпляров отпечатан в соответствии с предоставленными материалами в ООО «ИПК Парето-Принт»
Адрес типографии: 170546, Тверская обл., промышленная зона Боровлево-1, №3а,
www.pareto-print.ru
Заказ №3943/15
Цена свободная

Свидетельство о регистрации
СМИ ПИ №ФС77-61074 от 19.03.2015.
Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Подписаться на журнал можно по адресу:
http://shop.afisha.ru/prod-4-607004-030697.htm

Правда
В статье «Как выглядит физиологическая реакция на страх» редактор Нина Назарова посетила не квест «Коллекционер», а перформанс «Коллекционер». Редакция благодарит компанию «Клаустрофобия» и приносит свои извинения

Hotpoint

ОТСТИРЫВАЕТ БОЛЕЕ 100 ПЯТЕН ПРИ 20°

ЧУДЕСА В БАРАБАНЕ

Как удалить более ста видов пятен при температуре всего 20°С и при этом не нанести никакого ущерба ткани и цвету?

Ответ на этот вопрос один — нужно воспользоваться стиральной машиной из новой линейки Hotpoint. Самые разные пятна легко удаляются за счет сочетания двух новейших технологий — Direct Injection и Digital Motion. Барабан каждой стиральной машины Hotpoint во время работы совершает своего рода танец, в котором каждое движение отвечает за определенный вид загрязнения и имеет свое собственное название. Эта технология электронного управления вращением барабана получила имя Digital Motion. Вторая технология, работающая в тесной связке с Digital Motion, — Direct Injection. Она обеспечивает предварительное смешивание моющего средства с водой, создавая активный мусс, который с первых минут стирки глубоко проникает в волокна ткани.

ТАБЛИЦА ОСНОВНЫХ ДВИЖЕНИЙ DIGITAL MOTION

	ПЯТНО	СЛОЖНОСТЬ	КАК ИЗБАВИТЬСЯ
	Зубная паста	●●●○○	«Полумесяц». Динамические движения позволяют моющим средствам осесть на субстрат пятен, начиная смягчать их. Это облегчает их удаление в других фазах.
	Томатный соус, яйца, молочные продукты	●●●●○	Благодаря специальному движению барабана, названному «Захват», происходит активирование энзимных компонентов моющего средства, позволяя им эффективно воздействовать на любые загрязнения белкового происхождения.
	Декоративная косметика	●●○○○	Быстрое однонаправленное движение, названное «Вихрь», равномерно распределяет одежду в барабане и полностью растворяет моющее средство, позволяя загрязнениям отделиться от ткани.
	Варенье, оливковое масло	●●●●○	Это сложное пятно удаляет движение под названием «Импульс». Короткие и интенсивные двунаправленные движения механически воздействуют на ткань. В этой фазе происходит импульсное трение волокон ткани для удаления из них загрязнений, обработанных моющим средством.
	Продуктовые жиры, оливковое масло	●●●●○	Во время движения «Меланж» барабан выполняет аккуратные, замедленные вращательные движения, оставляя одежду в нижней части. Благодаря этому моющее средство наиболее эффективно действует на жирные пятна.
	Трава, сильные загрязнения	●●●●●	Движение «Энергетический микс» — сильное механическое воздействие, своего рода интенсивный скраб для одежды. Оно улучшает воздействие моющего средства на пятно внутри волокон. В этой фазе стирка происходит в большом количестве воды.

РЕКЛАМА

Реклама

non/fictio№17

17 Международная ярмарка
интеллектуальной литературы
25–29 ноября
Центральный дом художника
moscowbookfair.ru

Раздел гастрономической книги

Кулинарные книги
Встречи с популярными авторами и блоггерами
Лекции и мастер-классы
«Гастрономические маршруты»: страноведение и путешествия

Детский раздел

Лучшие книги детских издательств
Встречи с писателями
Выставки книжной иллюстрации
Комиксы, игры-квесты
Фильмы и конкурсы
Площадка «Территория познания»

Книжная антикварная ярмарка

Антикварные книги, букинистика
Гравюры, литографии, карты
Фотографии, автографы
Альбомы, энциклопедии

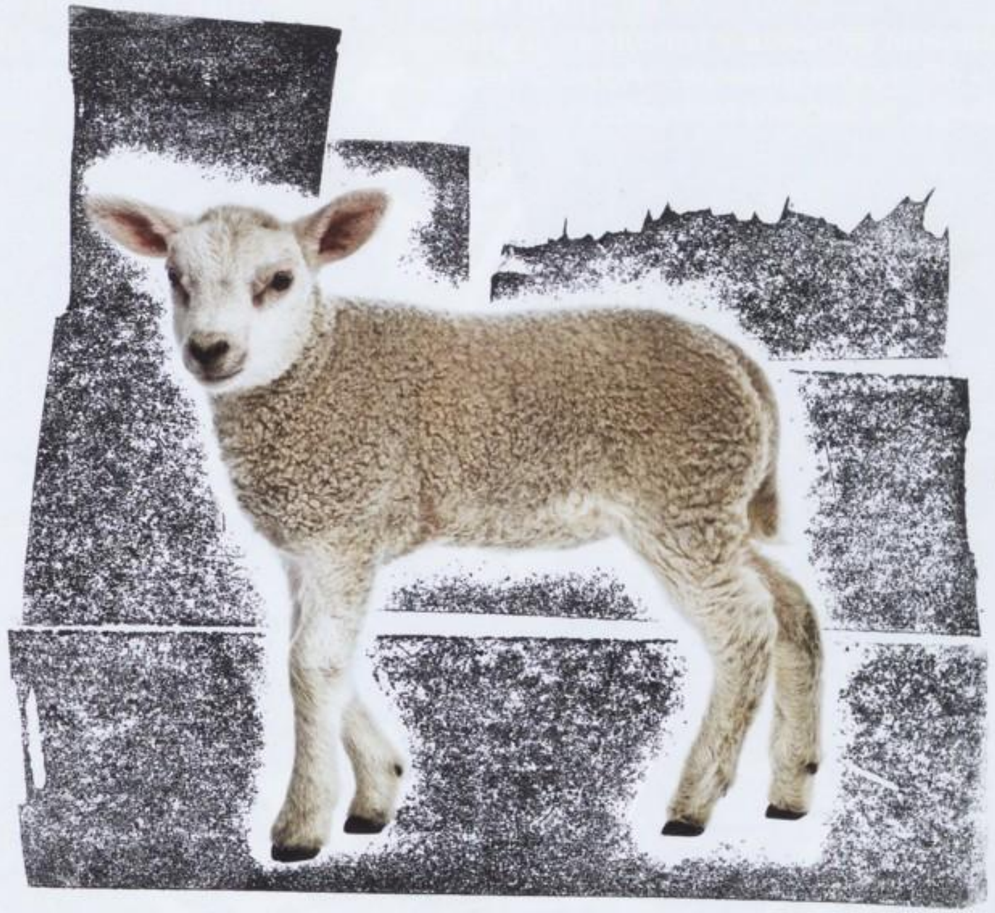
Vinyl Club

12 Музыкальная ярмарка
Виниловые пластинки и компакт-диски
Винтажная аппаратура и аксессуары
Музыкальная литература

0+

ВЫСТАВОЧНЫЕ ПРОЕКТЫ EXPO-PARK

Главное в этом месяце

с. 8 — Часики тикают

с. 14 — Актриса Леа Сейду

с. 22 — Вещи

с. 28 — Манифест журнала о сексе Pure

с. 30 — Дизайнер Дарья Сельянова

с. 38 — Реставрация «Геликон-оперы»

с. 42 — Писатель Людмила Улицкая

с. 48 — Фильм «Иерей-сан»

Часы

В эпоху мобильных телефонов часы утратили свою практическую функцию и в этом смысле стали таким же артефактом, как и долгие ожидания звонков у городского телефона. Чтобы вспомнить, как дела обстояли раньше, «Афиша» предложила молодому человеку подождать звонка возлюбленной.

16.30 УВЕРЕННОСТЬ

Рубашка **Topman**, пиджак, булавка и часы **Versace**

16.45 НАПРЯЖЕНИЕ

Свитер **Gucci**, часы **Casio**

Водолазка **Uniqlo**, рубашка **Prada**, часы **Hamilton**

17.15 ПАНИКА

Свитер **Tommy Hilfiger**
часы **Tag Heuer**

ОТРЕШЕННОСТЬ

Предметы
Лера Агузарова

Фотографии
Иван Кайдаш

«Я ВСЁ ЗАМЕЧАЮ И ЗАПОМИНАЮ
ДО МЕЛЬЧАЙШИХ ДЕТАЛЕЙ.
МНЕ КАЖЕТСЯ, ДАЖЕ ТО, КАК МУЖЧИНА БРЕЕТСЯ
ПО УТРАМ, ДОСТОЙНО ПРИСТАЛЬНОГО ВНИМАНИЯ».

Ian Fleming™

Ян Флеминг –
создатель романов про Джеймса Бонда

007

СПЕКТР

ТОЛЬКО В КИНО

Билет на «007: СПЕКТР» в качестве комплимента от Gillette.
Подробности на Gillette.ru/007

Организатор акции – ООО «СИ ЭМ ДЖИ».
Срок проведения: 01.10.2015–30.11.2015.
Количество призов ограничено. Полные правила: Gillette.ru/007

Gillette
Лучше для мужчины нет

СПЕКТР, 007 и другие торговые знаки, связанные с Джеймсом Бондом, ©1962-2015 Danjaq, LLC и United Artists Corporation. СПЕКТР, 007 и другие торговые знаки, связанные с Джеймсом Бондом, – торговые знаки Danjaq, LLC. Все права защищены. Торговые марки IAN FLEMING, права на изображения и цитаты Яна Флеминга принадлежат и используются по лицензии от: The Ian Fleming Estate. Цитаты из произведений Яна Флеминга ©Ian Fleming Publications Limited 1957-1964. ©P&G

РЕКЛАМА 16+

«НИКОГДА НЕ ГОВОРИ ПРИКЛЮЧЕНИЯМ "НЕТ".
ВСЕГДА ГОВОРИ "ДА".
ИНАЧЕ ЖИЗНЬ БУДЕТ ОЧЕНЬ СКУЧНОЙ».

Ian Fleming™

Ян Флеминг –
создатель романов про Джеймса Бонда

007

СПЕКТР

ТОЛЬКО В КИНО

Открой в нем агента 007. Новая бритва Gillette с технологией FlexBall в составе подарочного набора. Следует контурам лица и сбривает буквально каждый волосок.

Gillette
Лучше для мужчины нет

СПЕКТР, 007 и другие торговые знаки, связанные с Джеймсом Бондом, ©1962-2015 Danjaq, LLC и United Artists Corporation. СПЕКТР, 007 и другие торговые знаки, связанные с Джеймсом Бондом, – торговые знаки Danjaq, LLC. Все права защищены. Торговые марки IAN FLEMING, права на изображения и цитаты Яна Флеминга принадлежат и используются по лицензии от: The Ian Fleming Estate. Цитаты из произведений Яна Флеминга ©Ian Fleming Publications Limited 1957-1964. ©P&G

Девушка Бонда

Хрупкая француженка Леа Сейду боялась, что не сможет заставить людей поверить в свою героиню — девушку Бонда, которая способна быть не только красоткой, но и сообщником. «Афиша» поговорила с актрисой о том, каково это — ругать и анализировать на экране легендарного спецагента.

— Оставь меня в покое! — кричит на фоне заснеженных гор растрепанная, но строго одетая блондинка в лицо самому Джеймсу Бонду.— Почему я вообще должна тебе доверять?

— Потому что прямо сейчас я твой лучший шанс остаться в живых,— с фирменной серьезностью отвечает он, но по лицу заметно: нервничает. Во-первых, женщины редко с ним так разговаривают. Во-вторых, любой, кто смотрел хотя бы пару фильмов франшизы, знает, что красивых девушек шпиону удается спасти от гибели гораздо реже, чем он планирует. Но конкретно ее с экрана так просто отпускать не хочется: есть в ней что-то неуловимо живое, из-за чего к ней необходимо приглядеться внимательнее.

«Когда мне предложили играть Мадлен Сванн, я еще не знала, какой именно она будет»,— рассказывает с заметным французским акцентом Леа Сейду. Сегодня действительно становится все труднее с уверенностью говорить про ожидания от очередной серии бондианы. Десятилетиями это была стройная система, состоящая из, как однажды написал в «Афише» Лев Данилкин, типичного набора слагаемых: «песня под титры + девушки + автомобили + экзотические места + злодеи + шутки + гаджеты + история про спасение мира, максимально напоминающая сценарий детского новогоднего утренника». Но чтобы быть живым, нужно быть гибким, и периодически новому режиссеру доверяют расшатать канон. Сегодня над этой задачей работает Сэм Мендес, в прошлой серии отправивший Бонда в исполнении Дэниела Крейга по кругам ада: на порог смерти, через профнепригодность к встрече с собственным злым альтер эго и дальше — прямым текстом — «в прошлое», где только и можно разобраться с настоящим. В «Скайфолле» из старых запчастей режиссер построил какую-то новую, явно шикарную и быструю машину, но как она поведет себя на поворотах, пока неизвестно. «СПЕКТР» развивает все главные конфликтные линии предыдущей серии: секретный отдел британской разведки здесь расформирован, а Бонд вновь уходит в самоволку и чуть ли не в одиночку пытается разобраться с целой подпольной агентурной сетью, которая странным образом оказывается завязана именно на его личности. Его гидом как раз и станет волевая блондинка в черном пальто, сыгранная Сейду.

«Все держалось в строжайшем секрете, так что я даже сценарий прочитать не могла. Но невозможно было сказать нет Джеймсу Бонду, никто бы так не поступил»,— смеется Сейду, для которой вообще характерно соглашаться на фильм не ради собственной роли, а во имя какой-то большой идеи. Это может быть желание стать частью чего-то классического (помимо бондианы были «Красавица и чудовище» и «Миссия невыполнима»), но чаще — возможность поработать с большим режиссером. В качестве подтверждения достаточно беглого взгляда на ее фильмографию: три десятка картин, половина — звездные авторские проекты, в которых она сыграла героинь второго и третьего плана. Да, среди них было несколько блокбастеров,

Все девушки Бонда

#1
Сильвия Тренч
Юнис Гейсон

Пыталась убить Бонда ..... нет
Дожила до конца фильма ..... да
Профессия ..... светская львица

#2
Мисс Таро
Зена Маршалл

Пыталась убить Бонда ..... да
Дожила до конца фильма ..... да
Профессия ..... секретарь

#3
Ханни Райдер
Урсула Андресс

Пыталась убить Бонда ..... нет
Дожила до конца фильма ..... да
Профессия ..... собирательница ракушек

#4
Татьяна Романова
Даниела Бьянки

Пыталась убить Бонда ..... нет
Дожила до конца фильма ..... да
Профессия ..... шифровальщица

#5
Джилл Мастерсон
Ширли Итон

Пыталась убить Бонда ..... нет
Дожила до конца фильма ..... нет
Профессия ..... картежница

#6
Тилли Мастерсон
Таня Маллет

Пыталась убить Бонда ..... да
Дожила до конца фильма ..... нет
Профессия ..... безработная

#7
Пусси Галор
Хонор Блэкман

Пыталась убить Бонда
Дожила до конца фильма
Профессия

#8
Миранда Фиринг
Инге Питерс

#11
Фиона Волпе
Лучана Паллуччи

#12
Кисси Судзуки
Мие Хама

Пыталась убить Бонда ..... нет
Дожила до конца фильма ..... да
Профессия ..... собирательница ракушек

#13
Хельга Брандт
Карин Дор

Пыталась убить Бонда ..... да
Дожила до конца фильма ..... нет
Профессия ..... ассистент

#14
Аки
Акико Вакабаяси

Пыталась убить Бонда ..... нет
Дожила до конца фильма ..... нет
Профессия ..... агент

#15
Трейси Бонд
Дайана Ригг

Пыталась убить Бонда ..... нет
Дожила до конца фильма ..... нет
Профессия ..... светская львица

#16
Руби Барлетт
Анджела Скулар

Пыталась убить Бонда ..... нет
Дожила до конца фильма ..... да
Профессия ..... безработная

#17
Тиффани Кейс
Джилл Сент-Джон

Пыталась убить Бонда ..... нет
Дожила до конца фильма ..... да
Профессия ..... контрабандистка

#18
Пленти О'Тул
Лана Вуд

Пыталась убить Бонда ..... нет
Дожила до конца фильма ..... нет
Профессия ..... проститутка

#19
Солитер
Джейн Сеймур

Пыталась убить Бонда ..... нет
Дожила до конца фильма ..... да
Профессия ..... экстрасенс

#20
Мисс Карузо
Мэделин Смит

Пыталась убить Бонда ..... нет
Дожила до конца фильма ..... да
Профессия ..... агент

#21
Рози Карвер
Глория Хендри

Пыталась убить Бонда ..... да
Дожила до конца фильма ..... нет
Профессия ..... агент ЦРУ

#22
Мэри Гуднайт
Бритт Экланд

Пыталась убить Бонда ..... нет
Дожила до конца фильма ..... да
Профессия ..... секретарь

#23
Андреа Андерс
Мод Адамс

Пыталась убить Бонда ..... нет
Дожила до конца фильма ..... нет
Профессия ..... светская львица

#24
Аня Амасова
Барбара Бах

Пыталась убить Бонда ..... нет
Дожила до конца фильма ..... да
Профессия ..... агент КГБ

#25
Наоми
Кэролайн Манро

Пыталась убить Бонда ..... да
Дожила до конца фильма ..... нет
Профессия ..... летчица

#26
Холли Гудхед
Лоис Чайлс

Пыталась убить Бонда ..... нет
Дожила до конца фильма ..... да
Профессия ..... агент ЦРУ

#27
Коринна Дюфур
Коринна Кларк

Пыталась убить Бонда ..... нет
Дожила до конца фильма ..... нет
Профессия ..... летчица

#28
Мелина Хэллок
[illegible]

Пыталась убить Бонда ..... нет
Дожила до конца фильма ..... да
Профессия ..... агент

#29
Лисл фон Шлаф
Кассандра Харрис

Пыталась убить Бонда ..... нет
Дожила до конца фильма ..... нет
Профессия ..... светская львица

#30
Биби Дал
Дини-Холли Джонсон

Пыталась убить Бонда ..... нет
Дожила до конца фильма ..... да
Профессия ..... конькобежка

#31
[illegible]
[illegible]нна Уэйборн

Пыталась убить Бонда ..... нет
Дожила до конца фильма ..... да
Профессия ..... контрабандист

#32
Осьминожка
Мод Адамс

Пыталась убить Бонда ..... да
Дожила до конца фильма ..... да
Профессия ..... контрабандист

#33
Домино Петачи
Ким Бэсингер

Пыталась убить Бонда ..... нет
Дожила до конца фильма ..... да
Профессия ..... безработная

#34
Фатима Блаш
Барбара Каррера

Пыталась убить Бонда ..... нет
Дожила до конца фильма ..... нет
Профессия ..... наемная убийца

#35
Пола Иванова
Фиона Фуллертон

Пыталась убить Бонда ..... да
Дожила до конца фильма ..... да
Профессия ..... КГБ

#36
Мей Дей
Грейс Джонс

Пыталась убить Бонда ..... нет
Дожила до конца фильма ..... да
Профессия ..... агент ЦРУ

#37
Стейси Саттон
Таня Робертс

Пыталась убить Бонда ..... нет
Дожила до конца фильма ..... да
Профессия ..... виолончелистка

#38
Кара Миловы
Мария Ли Мэр

#39
Мисс Памела
Альба Сото

Пыталась убить Бонда ..... нет
Дожила до конца фильма ..... да
Профессия ..... агент ЦРУ

#40
Дэйн Бурке
Шарлиз Терон

Пыталась убить Бонда ..... нет
Дожила до конца фильма ..... да
Профессия ..... агент ЦРУ

#41
Миранда Онатопп
Фрэнки Янссен

Пыталась убить Бонда ..... нет
Дожила до конца фильма ..... да
Профессия ..... агент ЦРУ

но их ставили такие люди, как Уэс Андерсон, Ридли Скотт и Квентин Тарантино.

Если она с кем-то хочет работать, то согласна на любой сценарий — все страхи отходят на второй план. Так же было и с Бондом. «Единственное, что я точно понимала: будь это «обычная» героиня, меня бы просто не позвали. Сам факт того, что меня пригласили, означает, что Бонд и все с ним связанное изменились. Раз выбрали меня, то явно были нужны какие-то характерные качества, которые у меня есть»,— рассуждает Сейду, не уточняя, какие именно качества имеются в виду. О себе и о своей личной жизни она вообще говорит не очень охотно, хотя в ее положении это непростая задача: за плечами у нее солидная модельная карьера, статус парижской светской иконы и с десяток журнальных обложек, от Vogue до AnOther Magazine, снятых фотографами с мировыми именами. Она выросла в фантастически богатой семье, про что тоже, разумеется, не любит упоминать — это и так делают за нее все остальные.

Мама — актриса и дочь нефтяного магната, отец — крупный бизнесмен и сын бывшего директора кинокомпании Pathé. Ее двоюродный дедушка и вовсе возглавлял самую старую в мире киностудию Gaumont. Поэтому у журналистов давно вошло в привычку звать ее наследной принцессой французской кинодинастии. Родители развелись, когда ей было три года. Мать переехала в Сенегал, где занялась благотворительной помощью женщинам, ставшим жертвами насилия, и Сейду росла между двумя континентами. В детстве она была замкнутой, а уже в подростковом возрасте лечилась в Париже от неврозов и навязчивых страхов. Особенно важной проблемой стала клаустрофобия: в какой-то момент она развилась до такой степени, что Леа больше не могла не то что сесть в самолет и отправиться в Сенегал, а даже спуститься в метро, чтобы доехать до школьных занятий. Лучше, чем любая терапия, по ее словам, ей помогла театральная студия, где она начала заниматься с восемнадцати лет: постоянные репетиции позволили преодолеть застенчивость и научиться бросать себе вызов. В двадцать она просто купила билет на самолет, села в него и переборола себя. Спустя год сыграла свою первую роль в кино.

Когда в двадцать три Сейду впервые номинировали на премию «Сезар» за «Прекрасную смоковницу» Кристофа Оноре (она сыграла роль интровертной школьницы — новой девочки в классе, от которой терял голову учитель итальянского в исполнении Луи Гарреля), Леа тоже во всех интервью рассказывала, как страшно нервничала: ужасно боялась идти на кастинг, была уверена, что не понравится режиссеру. На тот момент актриса уже работала с Бертраном Бонелло и Катрин Брейя, так что звучали эти слова скорее кокетливо, но спустя семь лет и два десятка фильмов она продолжает их повторять. «Я действительно всегда чего-то боюсь. И сцены тоже боюсь, но мне нравится этот страх, я даже немного зависима от него. На «СПЕКТРе» было особенно не по себе. Начнем с того, что я не очень хорошо говорю по-английски. Но главное — Сэм, Дэниел — они же суперпрофессионалы, а я только начинаю. И Дэниел весь из себя такой мужчина, большой и сильный, а я — ну вот такая вот, я себя вообще сильной женщиной с трудом вижу, я совсем не femme fatale. Боялась, что не смогу сыграть убедительно и никто не поверит, что я способна быть с Бондом».

Она, кажется, сознательно строит свою карьеру на попытках каждый раз бросать себе новый вызов и преодолевать очередной страх, будь то прыжок с восьмиметровой высоты, который понадобилось исполнить для «СПЕКТРа», или прославившая ее на весь мир десятиминутная лесбийская сцена в скандальной «Жизни Адель». «Когда снимаешься, все эти страхи становятся реальностью, приходится сталкиваться с ними лицом к лицу. Я боюсь высоты и открытых пространств, а там ведь не только Альпы были, мы еще и в пустыне снимали несколько сцен — тоже очень страшно! Жарко и пусто, ничего вокруг. Но когда я играю, когда работает камера, я обо всем забываю, меня будто там нет. Перед камерой остается только персонаж — себя саму я на него не проецирую. Вообще, все это страшно лишь на бумаге, когда читаешь сценарий и думаешь — ну нет, я никогда этого не смогу сделать. А потом просто — раз! — и делаешь. Когда мы снимали этот прыжок с дома, тоже был такой момент: сначала очень-очень страшно, а потом будто кнопку нажали — и все пропало. Все страхи, вообще все чувства. Я просто нашла ради роли ту часть себя, которой этот страх высоты не знаком. И тогда прыгнула. Но я потом еще несколько дней от этого отходила, в шоке была. И высоты, кстати, бояться не перестала». На вопрос, как же она справляется с постоянными перелетами, если страх не пропадает после того, как его один раз пересилишь, Сейду отвечает с лаконичной элегантностью спецагента всего одним словом: «Ксанакс».

На первую пробу к Мендесу она пришла сильно заранее. Так нервничала, что успела перед прослушиванием выпить и забыла свои строчки. Режиссера это не смутило: «Мендес меня спас. Я вообще чувствую себя каким-то персонажем только тогда, когда режиссер считает, что я могу это сделать. А он очень тонко работает, находит к каждому подход, направляет

#42
Наталья Симонова
Изабелла Скорупко

Пыталась убить Бонда ..... нет
Дожила до конца фильма ..... да
Профессия ..... программист

#43
Пэрис Карвер
Тери Хатчер

Пыталась убить Бонда ..... да
Дожила до конца фильма ..... нет
Профессия ..... модель

#44
Вай Лин
Мишель Йео

Пыталась убить Бонда ..... нет
Дожила до конца фильма ..... да
Профессия ..... агент

#45
Кристмас Джонс
Дениза Ричардс

Пыталась убить Бонда ..... нет
Дожила до конца фильма ..... да
Профессия ..... физик-ядерщик

#46
Электра Кинг
Софи Марсо

Пыталась убить Бонда ..... да
Дожила до конца фильма ..... нет
Профессия ..... нефтяной магнат

#47
Миранда Фрост
Розамунд Пайк

Пыталась убить Бонда ..... да
Дожила до конца фильма ..... нет
Профессия ..... агент

#48
Джинкс Джонсон
Халле Берри

Пыталась убить Бонда ..... нет
Дожила до конца фильма ..... да
Профессия ..... агент

#49
Валенка
Ивана Миличевич

Пыталась убить Бонда ..... да
Дожила до конца фильма ..... нет
Профессия ..... безработная

#50
Соланж Димитриос
Катерина Мурино

Пыталась убить Бонда ..... нет
Дожила до конца фильма ..... нет
Профессия ..... светская львица

в нужную сторону и в то же время оставляет возможность внести в роль что-то свое. Он помог мне понять: это просто новый «Бонд». Совсем другой, и ему подходит такая девушка, как я». Сама Леа, в свою очередь, из всех агентов 007 больше всего любит именно Крейга: считает, что с его приходом вся история стала гораздо интереснее и глубже. Конечно, из предшественниц ей особенно нравится Ева Грин, сыгравшая Веспер Линд в ревизионистском «Казино «Рояль», с которого и начался новый виток сегодняшней бондианы. Это не значит, что актриса не чтит традиций,— со стороны хорошо воспитанной девушки, в чьем фамильном доме можно найти подлинники Пикассо и Макса Эрнста, это было бы как минимум невежливо. Вообще, в своих предпочтениях Сейду, наоборот, часто кажется слегка старомодной: в качестве актерского эталона называет Чаплина, лучшей экранизацией «Красавицы и чудовища» считает версию Жана Кокто. Слепой консервативности в ее рассуждениях нет, скорее — породистая сдержанность, искренний и спокойный вкус к большому стилю. В «СПЕКТРе» у 007 две подруги — может быть, именно этим сочетанием Леа Сейду заслужила право играть главную из них.

«Бонд как персонаж стал глубже и психологически сложнее, так что и остальным теперь приходится соответствовать: мы с Моникой Беллуччи — необычные девушки Бонда»,— рассказывает актриса. Итальянская мафиозная вдова, которую Бонд встречает в начале фильма, в этом сюжете отвечает за классические страсть и пожар. Необычна она скорее тем, что ее в свои 50 лет играет Беллуччи — самая старшая женщина в этой роли за всю историю. А вот Мадлен Сванн — психолог из частной клиники в Австрийских Альпах, загадочная дочь старого бондовского врага Мистера Уайта — действительно получилась непривычно многозначительным персонажем. Для Бонда она не просто девушка, но и проводник в поисках утраченного (на что настойчиво намекает уже ее имя, составленное для верности из целых двух отсылок к романам Пруста).

Мендес всегда помнит о традициях, но не следует им слепо. Сюжет, за который он взялся на этот раз,— оригинальный сценарий, не основанный целиком ни на одном из романов Яна Флеминга. Уже в «Скайфолле» железная М (Джуди Денч) вынуждена была отстаивать право MI6 на существование перед начальством: «Мы единственные, кто работает в тени, и в тени все еще есть с чем разобраться». Теперь лучшие времена MI6 прошли, и противостояние со «СПЕКТРом» оказывается для Бонда именно этим боем в тени — войной с собственными страхами, попыткой поднять не разрешенные когда-то вопросы и посмотреть в глаза собственной двойственной сути. Сегодня, когда идея беззаветного служения любой государственной разведке уже выглядит сомнительной для каждого второго зрителя, странно было бы не наделить этими сомнениями и самого Бонда. Мендес сталкивает его с внутренними демонами — не только своими, но и системы. И дает ему в напарники героиню Сейду — редкую женщину, которой дана не только обязанность блистательно ужинать со спецагентом в красивом шелковом платье, но и право подвергнуть его анализу. Которая на пути в ад не постесняется спросить прямо, как могла бы спросить разве что ее любимая Веспер Линд: «Ты не устал жить так, как ты живешь?» А в ответ получит слегка растерянное: «Я никогда об этом не думал».

#51
Веспер Линд
Ева Грин

Пыталась убить Бонда	нет
Дожила до конца фильма	нет
Профессия	агент

#52
Строберри Филдс
Джемма Артертон

Пыталась убить Бонда	нет
Дожила до конца фильма	да
Профессия	агент MI6

#53
Камилла Монт
Ольга Куриленко

Пыталась убить Бонда	нет
Дожила до конца фильма	да
Профессия	агент

#54
Северин
Беренис Марло

Пыталась убить Бонда	да
Дожила до конца фильма	нет
Профессия	бывшая проститутка

#55
Ив Манипенни
Наоми Харрис

Пыталась убить Бонда	нет
Дожила до конца фильма	да
Профессия	агент

ИТОГО:

Пытались убить Бонда:	18
Дожили до конца фильма:	32
Военных:	22
Безработных:	11
Спортсменок:	3
Секретарей:	3
Ученых:	2

Текст
Наиля Гольман

Интервью
Георгий Биргер

Вещи

Примерно так выглядит золотая осень, если представить, что вместо красных кленовых листьев с деревьев свалились лаковые ботфорты, вместо мокрого асфальта дороги вымощены клатчами, голые ветки — это колье, а пенек в парке — ведро для шампанского.

1. Туфли **Miu Miu**
2. Туалетная вода **Esteban Tonka**
3. Сапоги **Versace**
4. Колье **Bernard Delettrez**
5. Браслет **Louis Vuitton**
6. Ремень **Versace**

7. Сумка **Marques' Almeida**
8. Перчатки **Prada**
9. Туфли **Nicholas Kirkwood**
10. Лоферы **Prada**
11. Ведро для шампанского **Maison Martin Margiela**
12. Браслет **Louis Vuitton**
13. Платье **Dior**

14.

15.

16.

17.

18.

19.

20.

14. Перчатки **Christopher Kane**
15. Жакет **Rodarte**
16. Платье **Roksanda Ilincic**
17. Сумка **J.W.Anderson**
18. Ботинки **Miu Miu**
19. Очки **Emporio Armani**
20. Ботинки **Asos**

Предметы
Лера Агузарова

Фотографии
Иван Кайдаш

Новый журнал про секс

Создатели приложения для быстрых знакомств Pure запускают дайджест о сексе и искусстве под названием «Sex Is Pure». «Афиша» связалась с создателем приложения и издателем журнала Романом Сидоренко и записала его манифест.

НАШ ЭЛЮФ — ЖЕНСКИЙ ВЗГЛЯД НА СЕКС

Нас как создателей интересует все, что считается неприемлемым, возмутительным и провокационным. И, конечно, самое главное, что до сих пор таковым считается,— это женская сексуальность. Я не имею в виду женскую сексуальность, принятую мужским миром, где женщина предстает как гипертрофированный сексуальный объект. Наш фокус, наоборот, женский взгляд на секс. Я бы даже сказал, что мы хотим и будем поощрять сексуальную объективацию мужчин.

«Sex Is Pure» выходит раз в две недели и распространяется только по электронной почте. В отличие от обычных онлайн-изданий, выкладывающих материалы на вебсайт, мы считаем, что электронная почта — самый интимный способ коммуникации. В каждом письме будут ссылки на материалы, составляющие выпуск, и у каждого материала, соответственно, отдельная страница на сайте sexispure.com. Перекрестных ссылок не будет — да, статьи можно расшаривать в фейсбуке или твиттере, но ваши друзья увидят только конкретный материал. Если он им понравится, они тоже смогут подписаться на наш дайджест.

Главного редактора у издания нет. Вместо него мы придумали систему с приглашенными кураторами. Каждый выпуск готовит новый человек. Все-таки сексуальность — вещь крайне субъективная, и мы хотели бы показывать взгляды на нее самых разных людей: художников, музыкантов, журналистов, писателей. Первый выпуск для нас сделала Жюли Реше — куратор философии и соосновательница издания Syg.ma. Один из ближайших подготовит Анатолий Ульянов — арт-критик, писатель и создатель интернет-журнала Loooser. Иные живущий в Нью-Йорке. С создательницей альманаха «Носорог» Катей Морозовой было бы неплохо сделать визуально-литературный номер. Или с группой «Кровосток». Или с художником-иллюстратором Родионом Китаевым.

Рабочим языком журнала изначально стал английский: значительная часть нынешних пользователей приложения Pure (всего их сейчас около миллиона) живет в Великобритании и США. Но вряд ли язык станет проблемой: мы, безусловно, фокусируемся на визуальном искусстве. При этом мы не просто собираем какую-то случайную эротику. Важно, чтобы визуальная коммуникация была погружена в определенный контекст, мы хотим рассказать, почему возникла та или иная картина, скульптура или видеоарт.

Нас интересует провокационность во всех ее формах. Она не обязательно должна передаваться через новые произведения. К примеру, изображения вагины авторства Эгона Шиле актуальны и провокационны до сих пор. Или картина Гюстава Курбе «Происхождение мира», по мотивам которой мы нарисовали иллюстрацию на главную страницу сайта. Несмотря на то что полотно Курбе сейчас висит в музее, для широкой аудитории оно не менее шокирующее, чем в момент создания, в 1860-х. Главное — не закрываться в гетто арт-критиков и знатоков искусства, а нести смыслы в массы. Наша глобальная цель — общество, свободное от сексуальных предрассудков, включая самый главный из них под названием «моногамия».

афиша рестораны

Быстрее, ближе, вкуснее

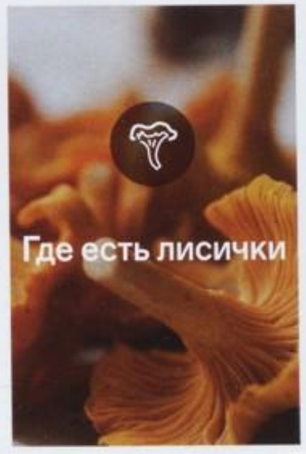
Скидки и специальные акции в мобильном приложении

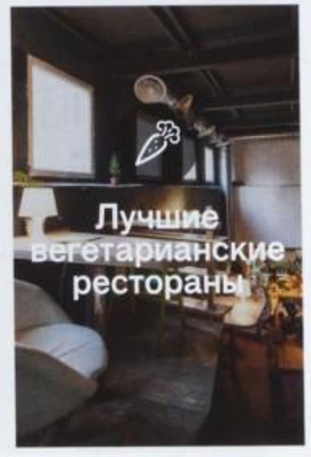
Загрузите в App Store · Google play

18+

реклама

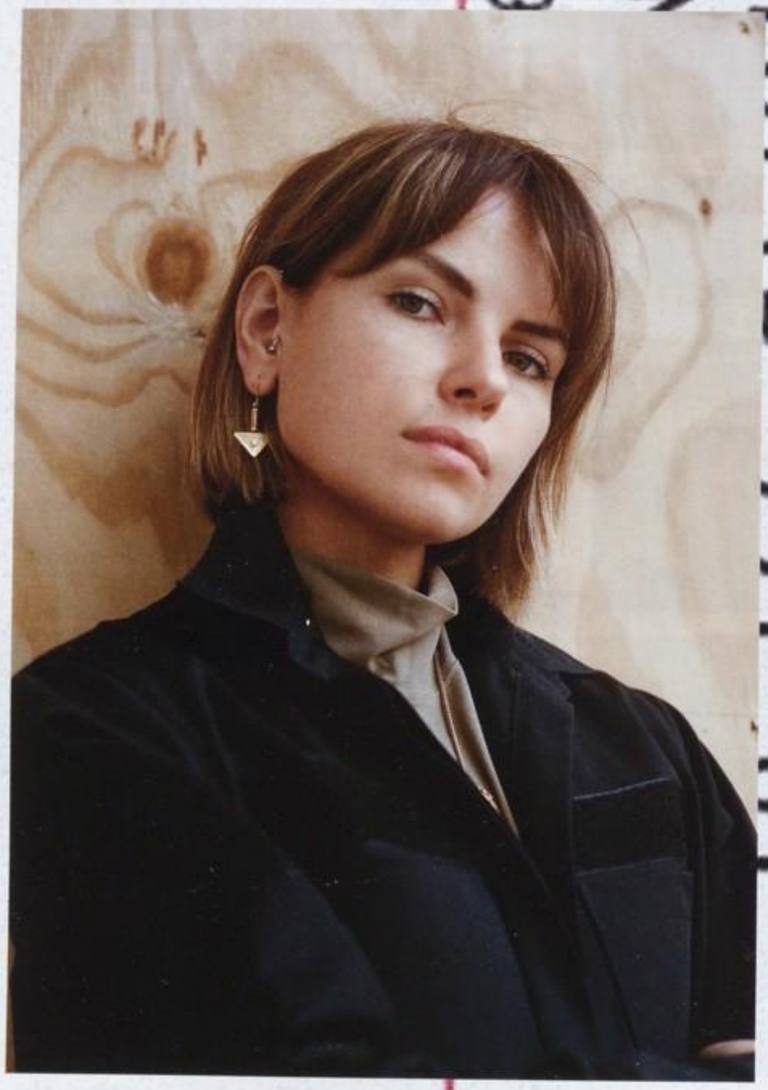

Марка одежды ZDDZ

Дизайнер Даша Сельянова за три года существования марки ZDDZ успела организовать показ в Нью-Йорке, поработать на Рианну и наладить продажи в американском онлайн-гиганте VFiles. «Афиша» поговорила с дизайнером о ее отце, депрессии, российских улицах и одежде как медиа.

Вещи дизайна **Даши Сельяновой** помимо VFiles можно купить в «Артплее», в магазинах «КМ20», Wood Wood и на сайте марки

Фотограф: Мария Мет

Фотограф: Николай Бирюков; стиль: Маргарита Зубкова

1

ZDDZ сотрудничают с агентством неформатных моделей Lumpen, а также ищут **моделей** в инстаграме — для презентации новой коллекции там устроили кастинг с хэштегом #zddzcasting; откликнулось несколько сотен человек

Rx only

TINE

SP

ISPENSE WITH

VIDED SEPARATELY.

Фотографии: Эрик Панов, стиль: Светлана Танакина; макияж: Ка

Новая коллекция ZDDZ посвящена депрессии и техно-движению. **Лукбук** снимали на Карачаровском механическом заводе, а коллекцию презентовали в баре «ЭМА»

Вы из богемной петербургской семьи — ваш отец, Сергей Сельянов, продюсировал все фильмы Алексея Балабанова, от «Брата» до «Груза 200». У вас бывали домашние кинопоказы и квартирники?

Удивительно, но семейных просмотров работ папы у нас не было, хотя дом на 3-й линии Васильевского острова был завален видеокассетами. Как сейчас помню, валялись «Рассекая волны» Ларса фон Триера и «Нога» с Иваном Охлобыстиным о последствиях афганской войны (этот фильм до сих пор сложно найти). Засыпала я в коммуналке на проспекте Обуховской Обороны под ритмичный звук клавиш печатной машинки — папа всегда работал допоздна. Леша Балабанов часто приходил на праздничные ужины. Я и младший брат его, если честно, побаивались: остальные взрослые были милыми, а Балабанов — молчаливым и замкнутым в себе. Сейчас мне его картина мира куда понятнее. Она реалистична — я особо не верю в радужные поля и в цветочный принт.

Петербургское детство в 90-е было похоже атмосферой на балабановские фильмы?

Нет, тяжесть времени не ощущалась совсем. Стоять с мамой с купонами за едой было весело, а американское сухое молоко — это просто вкусно. В средних классах школы самыми крутыми считались рэперы. В Питере мы тусовались во дворах 7-й линии и в парадной у Чулка. У всех были кликухи: Буба, Контроль с Приморской. Сидели на лестницах, бухали, курили, обсуждали хип-хоп. Местом силы считался двор со статуей дракона. Мы так себя и называли — драгоны. Ходили на стрелки со скинами. У меня были розовые волосы и спущенные штаны. Разумеется, слушали KRS-One и Onyx. Они у меня до сих пор в наушниках. Говорю себе: «Даша, хватит. Повзрослей». Но взрослым быть скучно. Мне 30 лет, и процесс формирования продолжается. С той разницей, что теперь понимаешь: все — внутри.

А модой вы в какой момент увлеклись?

Меня с детства привлекало визуальное искусство, однако модой я не интересовалась. Рисовала, снимала на пленочную Minolta объекты — знаки, текстуры стен, люки, столбы, двери. Вообще, мне нравился японский язык, я даже хотела пойти на восточный факультет или филологию в СПбГУ, но как-то увидела учебное расписание у филологов, испугалась и выбрала факультет графического дизайна и визуальных коммуникаций. Проучилась два года, влюбилась, все бросила и переехала в Москву. Там я поступила сразу в два университета — Международный институт рекламы и «Британку» на курс графического дизайна. Счастье было недолгим, из-за проблем с наркотиками учебу я бросила и много времени провела бессознательно — хотела все попробовать. После нескольких лет наркотической зависимости я закончила на героине и шесть месяцев провела в рехабе.

И как выглядит рехаб в России?

Это был загородный дом в Подмосковье. Там жили двадцать человек с наркотической и алкогольной зависимостью. Целый день мы выполняли задания. Утром наводишь порядок, готовишь еду, потом терапевтические группы, где делишься своими чувствами и учишься осознанно относиться к тому, как ты реагируешь на реальность. Героин и вообще любые наркотики — лишь симптом, а не причина. Причина крылась в неудовлетворенности реальностью. Если бы я туда не поехала, не уверена, что выжила бы. Это был сильный опыт, но я рада, что все позади.

После рехаба я в третий раз вернулась к учебе. Повышивала крестиком в МХПИ и вновь пошла в «Британку», но уже на курс дизайна одежды. Серьезно задуматься про моду меня побудили коллекции Вивьен Вествуд — страшно заинтересовало, как сконструированы вещи: непонятно как сидят на теле и при этом завораживают. У нее все технически умно сделано. Кажется, рукав — полукруг, а на деле — квадрат, собранный в драпировки «ступеньками». Обыватель этого никогда не увидит и не поймет.

Когда вы оказались в Лондоне?

На четвертом курсе «Британки» едешь на год в Хартфордшир шить выпускную коллекцию посреди английских полей. Виза позволяла учиться и работать. Я мастерила корсеты в ателье вечерних платьев, стажировалась у британского дизайнера Даниель Скатт (она работает на Topshop, Matthew Williamson, а ранее занималась второй линией Alexander McQueen). «Британку» закончила с отличием, влюбилась в парня и поняла: точно остаюсь в Лондоне. Дальше — трехмесячный курс по инновационному конструированию в Central Saint Martins. Задания были вроде «сконструируй вещь по фотографии». Перед тобой рукав из коллекции Пьера Кардена 1967 года; у тебя есть два часа сшить его один в один.

До запуска ZDDZ вы проходили стажировку у Мела Оттенберга, стилиста Рианны. Каково это было?

Не понимаю, когда говорят: «Сложно устроиться на стажировку». Через год обучения в Лондоне я взяла и написала Оттенбергу сообщение в фейсбуке. Мел ответил: «Будем в Англии — дадим знать». Естественно, такие люди не дают знать. Я писала и писала им год. Упорно. Писем сто! В конце концов Оттенберг говорит: «У нас тур в Англии, нужна помощь». Так я оказалась единственным интерном. Собирала наряды для выступлений Рианны в туре, для выходов на улицу, а заодно и костюмы концертной группе. Работа строилась так: в каждом городе Оттенбергу помогает стилист, стайлер (им была я) и его бойфренд Адам Сельман, он делает часть нарядов вручную — вроде бомбера с вышивкой из пайеток. Адам и Мел уже приезжают из Штатов с двадцатью огромными сумками с одеждой молодых марок и новейшими кроссовками Джереми Скотта. Оттенберг дает бриф с картинками и описанием. Например, на выступление для BBC Weekend Рианне надо было собрать образ «Клеопатра из гетто» — и будьте уверены, он прочитал не один исторический труд о Клеопатре. Человек Мел требовательный. Забыла 20 кожаных кепок? Магазины закрываются через 15 минут? Не волнует. Езжай, … Стайлинг — это бесконечное мотание с тяжелыми тюками. Очень развивает смирение. На примерки Рианны нас не пускали. Это таинство, которое всегда ароматно пахло травой. Наверное, поэтому и не пускали.

С кем вы запустили ZDDZ?

На протяжении учебы в «Британке» рядом были подруги Зоя и Маша. Вместе учились, вместе переехали в Лондон, стажировались и запустили марку одежды. Название ZDDZ составлено из букв имен Даша и Зоя. Первую коллекцию шили дома на полу. Потом я осталась одна. Видимо, был сильнее интерес. Теперь Зоя в Harrods, а Маша разочаровалась и работает в кофейне в Хэмпстеде.

Вообще, люди вокруг ZDDZ появляются случайно. Лиза Колотреева первая из российской прессы написала про ZDDZ для Wonderzine, а потом напросилась пожить у меня во время Лондонской недели моды. Мы подружились, и работа закрутилась. Лиза с порога заявила: «Надо тебе снять нормальный лукбук» — и сняла. Собрала команду, силой притащила меня на встречу с Денисом Ерхавым из Items и Wood Wood и Катей Петуховой — сейчас ребята занимаются менеджментом марки. Лиза знает, кого пригласить на показ или в шоу-рум. Кто такая Джованна Баттальи? Кто такой Хэмиш Боулс? Я имена из мира моды до сих пор не выучила. Случайно появилась не только Лиза. Скажем, когда мы загрузили в твиттер и фейсбук лукбук самой первой сырой коллекции, нас нашла одна англичанка и стала помогать марке в Лондоне. Благодаря ей вещи оказались у Вити Оры, и она же рассказала нам о конкурсе VFiles.

VFiles — один из самых прогрессивных модных магазинов в мире с собственной медиаплатформой и социальной сетью. Как тебе удалось к ним попасть?

VFiles организуют показ молодых марок в рамках Нью-Йоркской недели моды. Стать участником шоу может каждый. Загружаешь лукбук на сайт VFiles и ждешь. Жюри выбирает трех дизайнеров со всего мира. Это шанс пробиться в индустрию без связей. Мы загрузили и забыли. Через два месяца — звонок: «Есть наброски новой коллекции? Пришлите сегодня». Я за ночь все нарисовала, отфотошопила и отправила.

В коллекциях ZDDZ очень много принтов с лозунгами — «Fragile», «Hard Work», «Relax», «Pay please here», «Open as usual». Откуда они?

Во время обучения в «Британке» я увидела работы Кэтрин Хэмнетт. В середине 80-х она прославилась футболками с политическими лозунгами «Worldwide Nuclear Ban Now», «Leaders Suck», «Use a Condom» — их носили музыканты Queen. С тех пор мне интересна одежда простого кроя, но с высказываниями. Фразы я заимствую из окружающего мира. На груди у девушки даже невинное «Open as usual» звучит провокационно. Одежда для меня — медиа, а не способ поднять самооценку. Вещи говорят за тебя, когда ты молчишь.

И Лондон, и Нью-Йорк требуют финансовых вложений. Вам помогает отец?

Есть такое выражение — «бизнес-ангел», оно появилось в театральной среде Нью-Йорка в начале XX века. Так называли обеспеченных зрителей, готовых рисковать и вкладываться в новые постановки. Вот и мой папа так: выдал марке кредит и следит за ее делами. Может прислать сообщение: «Был в «Цветном». Красивый постер с коллекцией. Но почему мало твоих вещей?» Держит в тонусе. Еще он часто говорит: «Ты режиссер. Нужен продюсер, который будет дела вести». И он прав. Я так себе бизнесмен. Сейчас на встрече с отцом сидят Денис и Катя, у них все таблицы и цифры. Мне приходиться «букировать» папу заранее, чтобы поужинать с ним. Он трудоголик и даже сейчас, в шестьдесят лет, как работал до ночи, так и работает. У него такой задор в глазах, что я сама ему иногда завидую!

Вы сами никогда не хотели заниматься кино, а не модой?

Мой звездный час в кино наступил, когда я с братом попала в массовку плохого фильма «Время печали еще не пришло». Попробовала пальчиком воду и больше туда не стремилась. Папа дал понять: актеры уязвимы и зависимы от кастингов, а нужно стремиться к независимости. Кино трудоемко в производстве, по сравнению с ним мода куда легче. К тому же, чтобы делать фильмы, нужен жизненный опыт. У меня его не было. Сейчас я постепенно начинаю снимать.

Два сезона назад вы стали снимать короткометражки про московских подростков в поддержку своих коллекций. Почему именно они стали героями?

Меня интересуют подростки как социальная прослойка. Их мир, жизненный опыт, переживания. Когда тебе 17–20 лет, ты не всегда понимаешь, что с тобой происходит и как с этим справляться. Это мне близко. Когда мне плохо, я сама легко ухожу в пике: парни, безудержный шопинг на «Амазоне». Хотя все ищут спокойствие, любовь и счастье. Мини-фильмы для ZDDZ — личный проект. С первым опытом мне помогал молодой режиссер МХТ Саша Молочников, чьи контакты дал папа. Для второго фильма я сама взяла VHS-камеру в руки и проинтервьюировала молодых людей на тему депрессии в Москве.

Почему вы взялись за эту тему?

Большинство ребят считают, что депрессия — это тренд. Модно быть злым. Для коллекции мы придумали несуществующий антидепрессант «Зонакс». Создали логотип и даже сняли рекламную кампанию. «Зонакс» — метафора всех заменителей счастья, а слоган коллекции — «Help Yourself». В 17 лет я много времени провела в питерском техно-клубе «Туннель». Так появилась история про техно — оно очень хорошо подходит к депрессии. Год назад я сама пережила этот опыт. Внешне все было супер: только вернулась с Нью-Йоркской недели моды, сделала шоу с командой VFiles. Это феномен фасада: вы с айфоном, показами в Америке — и при этом несчастны, а просто фасад держите.

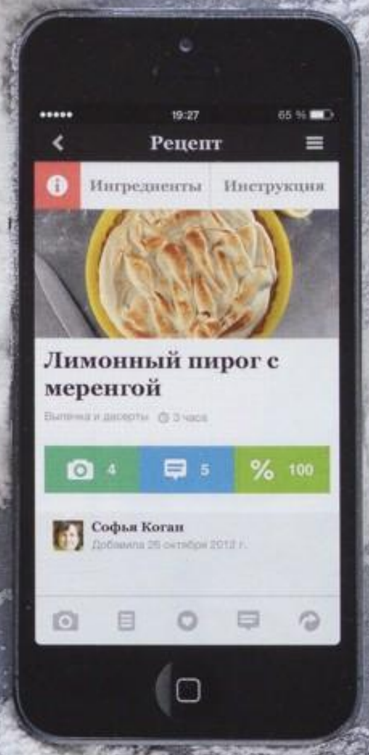
Вашу первую короткометражку опубликовали Dazed & Confuzed, Hypebeast, Clashmusic, Bullet Media. Им понравилась история российских «деток», но они описали ее словами «постсоветское поколение». Не бесит?

Очень. Идея России как постсоветского пространства — скучная, предсказуемая и коммерческая. Я же не вышиваю на одежде серп и молот, не спрашиваю молодежь в своем фильме о Путине или о том, как им жилось в 1991 году! Наоборот, молодые ребята из Москвы говорят о вещах, понятных всем: о любви, злости, нежности, свободе, а не о «нашей России».

Сейчас вы много времени проводите в Сербии, куда перенесли производство марки. Как вам там?

В Сербии меньше зарабатывают и выбор меньше — здесь нет миллиона брендов, зато благодаря этому куда больше свободы. Студия у нас на окраине Белграда на реке. Утром по пути на работу я захожу на рынок, где покупаю килограмм персиков за 20 рублей. Почти никто не заботится о том, чтобы выглядеть модно или круто, люди просто живут — и это чудесно. Не ломаешь часами голову, какую зубную пасту выбрать, как в Нью-Йорке, например.

Текст: Олеся Иад
Фотографии: Маша Мей

Загрузите в App Store
16+

«Еда» под рукой
БОЛЕЕ 32 000 РЕЦЕПТОВ
Книга рецептов, энциклопедия ингредиентов, видеоуроки по самым нужным поварским техникам теперь в вашем айфоне
афиша Еда
реклама

Реконструкция театра

«Геликон-опера» отмечает собственное возвращение в роскошный особняк на Большой Никитской. Теперь здесь есть царская ложа, колокола, кристаллы Swarovski и несколько тщательно отреставрированных залов для камерных концертов. «Афиша» изучила детали.

1

2

1. Помимо исторической части здания украшает **гипсовая лепнина**, восстановленная методом научной реставрации. Точно таким же орнаментом мог любоваться Клод Дебюсси, игравший свой первый в России концерт.

2. В залах первого этажа расположилось выставочное пространство. Всему зрителя встречают **классицистские колонны**, созданные многовековым секретным методом натирания мраморного порошка.

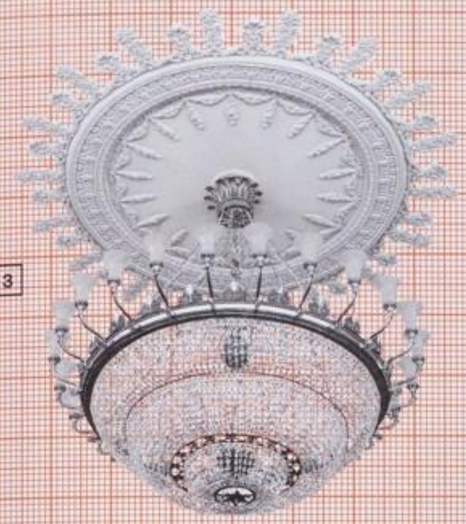
3. У каждого зала есть фамилия. Главный, на 500 мест, — «Стравинский». Предназначенный для небольших спектаклей — зал княгини Шаховской со **впечатляющей люстрой по центру**.

4. Особняк Шаховских-Либольных-Стрешневых обрел блеский и нынешнему облик в 80-е годы XIX века, когда здесь поселился театр «Парадиз». Фонды сохранились не все, и **восстановленные элементы лепнины** скорее напоминают об утраченном.

5. **Игривые часы в виде лиры**, висящие на входе в театр, вряд ли имеют какое-либо дизайнерское или конструктивное обоснование.

6. **Шахматный пол** и зеркальные стены гардероба первого этажа неизменно зрителей в сон Джеффри Лебовски.

7. Лаконичный куполом усадебный двор. Прямо напротив сцены возвышается парадное крыльцо XIX века, превращенное **в VIP-ложу**.

3

4

5

6

7

На семи сводах установлена **икона Георгия Победоносца**, портал сцены украшают **отлитые в Воронеже колокола**, а люстры блестят **кристаллы Swarovski**, повторяющие положение звезд 10 апреля 2015 года – в день 25-летия «Геликон-оперы».

Текст
Дарина Трибут

Фотографии
Иван Хабаров

на правах рекламы

0+

Maroc Export

6 ноября
Торжественное открытие Фестиваля и фудмаркет в Торговой Галерее «Модный сезон»
октябрь-декабрь 2015 марокканское меню в ресторанах Новиков Групп

MOROCCO
A History, A Modernity ...to Share
Starting with the fine gastronomy

7 ноября
Большой марокканский праздник на Дорогомиловском рынке
Все дни Фестиваля – дегустации, промоакции и мастер-классы по приготовлению блюд марокканской кухни

Большой фестиваль Марокко в Москве
6-20 ноября 2015г.

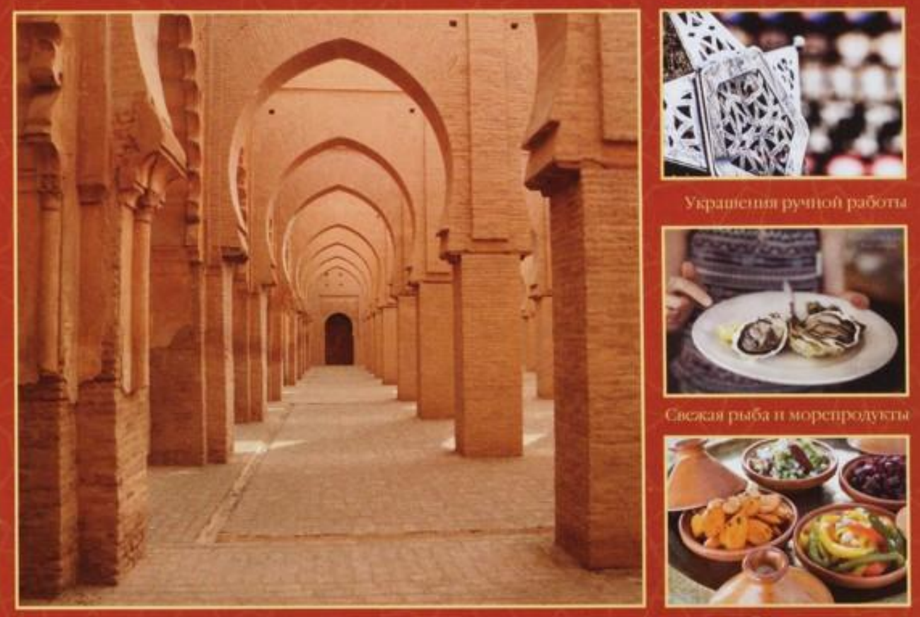
Вкуснейшие марокканские мандарины нового урожая

Марокканское чаепитие

Восточные сладости

Украшения ручной работы

Свежая рыба и морепродукты

Лучшие рецепты от знаменитых шеф-поваров

глобус гурмэ
Перекресток СУПЕРМАРКЕТ
Дорогомиловский КР КОЛХОЗНЫЙ РЫНОК
Модный Сезон ТОРГОВАЯ ГАЛЕРЕЯ
Rahal رحال Maitre Traiteur Depuis 1946
NOVIKOV GROUP OF COMPANIES

Улицкая и Кашин

В конце октября вышел новый роман Людмилы Улицкой «Лестница Якова» — по словам писательницы, он должен стать ее последней большой книгой. Олег Кашин поговорил с Улицкой о семейных сагах, судьбах русской интеллигенции и последней Нобелевской премии по литературе.

Вопрос о нобелевском лауреатстве Светланы Алексиевич сейчас задают всем российским писателям, но если задавать его вам, то возникнет дополнительная двусмысленность. Понятно, что вы не станете говорить, как Захар Прилепин или Сергей Минаев, что Алексиевич плохая писательница и что решение Нобелевского комитета кажется вам политизированным. Но и дежурного «я рада за Алексиевич, она прекрасный писатель» от вас слышать тоже не хочется. Из писателей России вы, наверное, сейчас первый, кто мог бы получить Нобелевскую премию: соотношение известности в мире, художественных качеств и гражданской позиции у вас в этом смысле идеальное. И хочу спросить: вот именно с позиции конкурента как вы оцениваете успех Алексиевич? Нет ли у вас писательской или человеческой ревности к ней? Ее документальный жанр — считаете ли вы его таким же достойным, как классическая проза? Дали ли бы вы ей Нобелевскую премию?

Спасибо, вопрос хороший, потому что сложный. И для меня это не вопрос о том, достойна Светлана Алексиевич премии или не достойна. Присудили, следовательно, Нобелевский комитет счел достойной. И точка. Но благодаря этому выбору, который назревал несколько лет, я сделала то, что давно уже собиралась сделать, но руки не доходили: прочитала завещание учредителя премии, Альфреда Нобеля, изобретателя динамита, которым разгрохали половину существующего мира. Эта история — великая, потому что к старости лет изобретатель и промышленник основывает фонд, чтобы поощрять людей, которые принесут «наибольшую пользу человечеству». Так в человеке работает страдающая совесть. Что же касается литературы, то премию надлежит по завещанию Нобеля давать тому писателю, который наиболее достойно «выразит человеческие идеалы». Обратите внимание — искусство как таковое господина Нобеля совершенно не интересует. К старости он становится идеалистом. Принимая во внимание динамит, это грандиозно.

Идеалы Светланы Алексиевич простые и позитивные, всему миру понятные. То, что взгляд Нобелевского комитета упал в сторону России, тоже понятно: слишком много «не простого и не позитивного» происходит сегодня на нашей земле и в нашем обществе. Книги Светланы Алексиевич принадлежат к тому жанру литературы, который не всеми воспринимается как собственно литература. Но в целом ее серия — многолетний подвиг журналистской работы, отчаянной, временами опасной работы «на передовой линии». Она ищет правды о жизни нашего народа, она взывает к совести — это высокая цель. Но у литературы, строго говоря, такой цели нет. В Нобелевке по литературе изначально заложен динамит: у литературы нет задачи «отражать человеческие идеалы». У нее, как и у искусства в целом, нет вообще никаких задач, кроме свидетельства человеческого присутствия в мире. Критерий нобелевский, таким образом, прекрасный, но наивный.

Теперь что касается нобелевской «пользы человечеству». Сорок пять лет назад премия была присуждена Солженицыну за «Архипелаг ГУЛАГ», великий подвиг и великую книгу. Масштабы не сопоставляем. Мир прочитал эту книгу и содрогнулся. А в нашем отечестве? Тоже прочитали. И что? Что усвоил наш народ, если через полтора десятилетия после этой ошеломляющей энциклопедии советских лагерей пошел и дружно проголосовал за человека, воспитанного в недрах КГБ, плоть от плоти этой сатанинской организации…

В рамках главного критерия (человеческих идеалов) — с награждением Светланы Алексиевич все в полном порядке. Хочу напомнить для уточнения, что Владимир Набоков этому критерию, по мнению экспертов, не соответствовал. На этом закончу. Светлана Алексиевич не хуже нас с вами понимает, что как писатель она уступает «не нобелированному» Набокову. Но критериям комитета соответствует она, а не гений, который ни слова об идеалах не сказал.

Да, о ревности и зависти. Зависти точно нет. Я узнала о присуждении премии Алексиевич из звонка моего старшего сына. «Поздравляю,— сказал он,— можешь спать спокойно, ты выбыла навсегда из числа претендентов». И мы немного повеселились по этому поводу. Что же касается ревности — интересная тема. Меня давно занимает ее соотношение с любовью. Об этом можно подумать и поговорить за чаем.

О «Лестнице Якова» вы говорите как о последнем своем романе. Я не спрашиваю — почему, я спрашиваю, насколько вы сами

считаете это возможным — просто взять и перестать писать романы. Вы собираетесь запрещать себе писать? Как?

Я любила писать рассказы. И писала лет десять. Потом возникла тема, которая рассказом никак не могла быть разрешена. Написала роман «Медея и ее дети». Это было очень трудно. Роман — непосильная для обычного человека вещь. Ну для меня, во всяком случае. Каждый раз после того, как я заканчивала роман, я говорила себе: все, это задание выше моих возможностей, но это просто наваждение, меня туда засасывает, я дотягиваю до конца, и это всегдашний мой образ: я спринтер на стайерской дистанции. Над «Даниэлем Штайном» плакала: почему нет на свете сильного мужика с талантом и твердой рукой, который это напишет? Почему я должна этот ужасный груз тянуть? Когда я писала «Зеленый шатер», пыталась облегчить себе жизнь, собрав роман из рассказов, построить такой фасеточный глаз. В каком-то смысле удалось. Только легко все равно не получилось. «Лестница Якова» тоже вынужденный роман. Открытая мною переписка деда с бабушкой увлекла в такое пространство, что я опять туда провалилась, четыре года жизни эта история длилась. Закончилась.

Я себе ничего не запрещаю — сейчас я свободна. И менять эту свободу на рабство ужасной, непосильной работе я не хочу. Мне хотелось бы написать одну пьесу, давно придуманную, одну условно детскую книжку, а главное — прочитать много книг, которые штабелями стоят у кровати «до лучших времен». Думаю, может, меня ожидает счастливая судьба читателя? Хорошо бы.

Семейный жанр — это эпос или нет? Можно ли без искажений описать национальную историю с семейной точки зрения? Вообще, история России с точки зрения человека, а не государства, как она должна выглядеть? И как бороться с тем, что человек сам приучен смотреть на себя с какой угодно точки зрения, кроме собственной?

Конечно, эпос. Возьмите исландские саги. История нескольких семей. Я когда в Исландию попала, мне показали место, где жили герои «Саги о Гисли» и «Саги о Ньяле». С точки зрения генетика, Исландия — чистый клад. Там 270 тысяч населения, и все потомки десятка-двух людей, которые одновременно герои саг. Вот у них история вытекает из семейных отношений с большой прозрачностью. Для России такое практически невозможно — огромная смесь племен, укладов. Какая может быть национальная история с семейной точки зрения? Сто разных историй! Вот у Фазиля Искандера одна история, у молодой писательницы Гузель Яхиной другая история. История, которую вы найдете в романе «Лестница Якова», третья. Это разные национальные истории в рамках огромной империи. Кроме того, у государства тоже не одна точка зрения. Оно либо нанимает историков, которые каждый раз пишут «новую» историю с точки зрения сегодняшней политики, либо использует труды профессиональных историков в той мере, в которой они совпадают с точкой зрения государства в данный момент. Литература в этом отношении более точный градусник для измерения исторических процессов. И читать гораздо увлекательнее. Мне — поколенчески — государственная точка зрения всегда представлялась заведомо неприемлемой. По той причине, что государство находится с частным человеком в непримиримой конфронтации. Всякое и любое государство, а не только наше.

Действие романа **«Лестница Якова»** охватывает более ста лет российской истории — на примере жизни нескольких поколений одной семьи

Писатель, о чем бы ни писал, помещает своих героев в определенное историческое время. Разве «Жизнь Арсеньева» Ивана Бунина не больше рассказывает нам о предреволюционной истории, чем глава учебника? А уж про «Войну и мир» просто упоминать неприлично: это и есть подлинный документ времени с точки зрения человека. Замечу, что историки — современники Толстого предъявили ему огромный список ошибок и погрешностей против исторической науки…

Я бы не стал говорить, что Украина както особенно расколола нашу интеллигенцию, она расколота давно, но все же — есть какое-то безусловное деление на две партии. Про одну все понятно, она лояльна к Путину и с теми или иными оговорками одобряет все, что он делает. Но вы принадлежите к другой, и хочу спросить про нее. В течение этих полутора лет были ли у вас сомнения по поводу нашего либерального мейнстрима? Вот какие-то совсем прямолинейные вещи — например, Крым. Считаете ли вы, что ситуация с ним описывается какой-то простой формулой вроде «это безусловно украинская земля, Россия ее оккупировала и аннексировала, Крым должен быть возвращен Украине». Или Донбасс: «Сепаратизм — это терроризм, он должен быть подавлен любыми способами, включая военные, украинские власти были правы, начав АТО, территориальная целостность Украины — абсолютная ценность». Согласны ли вы с такими утверждениями? Если да, то почему, если нет, то как их можно отредактировать, чтобы они звучали корректно?

Расколотость интеллигенции — это естественно. Каждый думающий человек думает по-своему, поэтому сколько интеллигентов, столько точек зрения. Отсюда и неспособность договориться.

Лично я не принадлежу ни к какой партии. Ужасно удобно принадлежать к партии, потому что ты автоматически оказываешься в среде «большинства», даже такого, которое не является большинством в абсолютном смысле. Люди, которые считают, что Крым «безусловно украинская земля», так же далеки от меня, как люди, которые считают, что Крым «безусловно русская земля». Крым — это Крым. Сестры моей бабушки жили в Феодосии. В детстве я гуляла по развалинам Генуэзской крепости. А как раз вчера я гуляла по Генуе, которая когда-то владела прибрежным Крымом. Еще на моей памяти жили в Феодосии женовезы, потомки генуэзцев, владевших когда-то Феодосией. Но я никогда не слышала от современных генуэзцев ни слова о том, что исторически Крым — владение Генуэзской республики. Через Крым, кусочек дальнего Средиземноморья, пролегала цивилизационная дорога, и, как любая такая дорога, она была и военной. Ничего нового в истории не происходит. Меняются правительства — в данном случае одно другого не лучше, что украинское, что российское,— Крымская земля при любом правлении неустроенная, с нехваткой воды, с разоренным сельским хозяйством, о промышленности вообще ни слова. Захват Крыма — а был, несомненно, захват — произвели незаконно, но бескровно, за последнее спасибо. С управлением, насколько я знаю, стало еще хуже. Может, стало и лучше, просто у меня информации не хватает? Снова проблемы с татарским населением, которое, замечу, имеет полные права на проживание в Крыму, поскольку и татарское государство существовало на этой территории.

Политические лозунги, которые вы упоминаете, отражают интересы того или иного государства. Что же касается населения Крыма и самой его земли, которую я полюбила с детства, ни одно из существующих правительств не может сегодня обеспечить процветания этой земли. Кто сможет — не знаю. Идеи самоуправления, столь модные в России в конце XIX века, мне лично очень симпатичны, но вряд ли их реализация в наших условиях возможна. Сказать — почему? Потому что со времени Октябрьской революции по сей день шел грандиозный процесс деморализации населения. Помните замечательный разговор Авраама с Ангелом: сколько должно быть праведников, чтобы устоял город? Шла долгая торговля, но в конце концов праведников не нашлось в нужном количестве, Содом и Гоморра были сожжены небесным огнем. Донецк и Луганск горят, а какую идею выкинули люди, жаждущие власти, не так уж важно.

Есть о чем подумать. Я вспоминаю в связи с этой историей крымского праведника Максимилиана Волошина. Он был один. Было бы таких десять, страна, может, и устояла бы. Кажется, сегодня нет ни одного.

Смогла ли, по-вашему, советская интеллигенция в России в постсоветские годы стать национальной? Если да, то в чем это выражается? Если нет, то нормально ли это? Почему, если сравнивать нас с той же Украиной, между нашими интеллигенциями такая разница — украинский интеллигент может сказать «Слава Украине», российский не скажет «Слава России» (а «Слава Украине» скажет)? Почему украинский интеллигент повесит у себя дома украинский флаг, а наш российский не повесит? Даже на Болотной было очень мало российских флагов. Считаете ли вы это проблемой? Если нет, то почему, если да, то что с ней делать.

Мы живем во времена тотального кризиса, но на поверхности — кризис экономический. Более глубокий — понятийный. Сегодня, прежде чем вести любой разговор, надо заново договариваться о содержании понятий. В прежнее понятие интеллигентности входили кроме хорошего профессионального образования такие качества, как бескорыстие, проистекающее из идеализма, служение идее, способность предпочитать интересы общественные интересам личным. В этом смысле интеллигенции нет, она закончилась как историческое явление. Далее про «национальную» составляющую: в XIX веке, когда русская интеллигенция сформировалась, идея национального тоже имела другое содержание. В XXI веке само это понятие мне представляется сомнительным. Мы живем в «постновые» времена, если позволите такое выражение, и современная интеллигенция носит планетарный характер. Сегодня интересы всего человечества в целом стали важнее, чем интересы одной нации. Это то самое в переводе на современный язык, о чем говорил апостол Павел: нет в христианстве ни пола мужского, ни пола женского, нет иудея, нет эллина. Мы все в одном корабле, и он трясется от бурь и волн, и если он перевернется, шанс выжить будет только у водоплавающих животных из этого ковчега, но не у человека.

Я была на Украине после Майдана. Мне нравится, что народ смел прогнившего правителя с золотым батоном в активе, но кричать «Слава Украине» мне почемуто не хотелось. Как и «Слава России». Не думаю я, что интеллигент — украинский или русский — повесит у себя в доме государственный флаг. Все советские интеллигенты дружно вешали портрет Хемингуэя в свитере, это я помню. И значило это одно: нам не нужны ваши кумиры, мы себе выберем самостоятельно, без государственных подсказок, кому поклоняться, кому молиться, в чью сторону смотреть.

Себя вы считаете каким интеллигентом — советским, русским, российским? В чем разница между «русским» и «российским», есть ли она? Вообще, русские в России — это один из двухсот живущих в ней народов или что-то еще? Если да, то что?

Советским интеллигентом я уже побыла, больше не хочу, в русские интеллигенты меня, может, и не примут по пятому пункту, кто такие российские, я пока не расчувствовала. Я бы предпочла быть европейским интеллигентом, но, как Василий Иванович, языков не знаю. Только в магазине могу двести грамм сыра спросить, а этого недостаточно, чтобы культурный разговор произвести, как мы с вами сейчас разговариваем,— ни по-английски, ни по-немецки, ни по-французски. Борис Акунин тянет, а я нет. Кроме шуток — не смогу ответить на этот вопрос. Та русская культура, в которой я воспитана, которая и есть моя родина, собирается стать «российской». Несомненно, что за годы советской власти народилась чрезвычайно интересная литература, созданная людьми не русскими: имена их всем известны — абхаз, кореец, казах, про евреев не говорю, они давно в русской литературе прописаны. Можно сказать про них, что они «российские». Мне лично это совершенно

все равно, я даже не возражаю, когда меня приписывают к «женской литературе». Однако сам процесс формирования, кристаллизации нации занимает не одно столетие, и никто не может сказать, есть ли у нашей страны такой запас исторического времени, чтобы русские стали россиянами. Чисто лингвистически «русские» мне больше нравится, чем «российские». Вообще же, сам вопрос имеет какой-то схоластический характер.

Вопрос о народе, о котором у нас принято говорить в третьем лице: говоря «народ», имеете ли вы в виду себя? Имеете ли вы в виду свою аудиторию? Корректно ли говорить, что народ несет ответственность за происходящее в стране, как бы вы описали ответственность лично свою и своей аудитории — чего вы не сделали, что сделали неправильно, что должны сделать, чтобы что-то исправить?

То, что я про народ думаю, я вам не скажу. Я в молодые годы немного занималась генетикой популяций. Коллективные, инстинктивные действия. Мой муж Андрей Красулин говорит: все, кто народились, вот и народ. Если освободить это слово от мистического наполнения, будет проще хозяйство вести. А сейчас мне интересно исключительно про частный случай! Мое чувство ответственности распространяется на ближний круг, он-то и есть моя основная аудитория.

Боюсь ошибиться, но имена наших главных писателей — вы, Сорокин, Акунин, Быков, Прилепин, Проханов, Лимонов, Шишкин, еще кто-нибудь — могут идти через запятую только в редакционном плане какой-нибудь издательской монополии. В литературе, в которой есть Проханов и Прилепин, нет вас. Есть ли в вашей они? Что должно измениться (и где — в литературе, в обществе, в политике), чтобы по этому поводу не было никаких сомнений: да, роман «Обитель» и роман «Лестница Якова» — это элементы одного и того же литературного процесса. Возможно ли такое единство, нужно ли оно?

Проханова я не читаю, Прилепина в руки не беру после его «Письма к Сталину». Тем не менее литература испокон веку была разнообразной, поэтому в книжном магазине каждый найдет то, что ему по вкусу. Вы правы, что есть литературный процесс, каждый из писателей занимает свое место в нем. Я как читатель тоже имею право выбирать книги для чтения. Точно так же, как и любой грамотный человек.

Вы тогда сняли свою кандидатуру, но все равно выдвигались в 2012 году в Координационный совет российской оппозиции. Стоит ли писателю заниматься политикой — вот сегодня, сейчас, при позднем Путине, — нужно ли это, вредно или полезно? Сейчас, когда страна воюет, когда есть политзаключенные, художник, который сторонится политики, он прав или нет? Возможен ли сегодня в России Солженицын образца семьдесят какого-нибудь года, который публично противостоит власти и не выглядит при этом пародийно? Готовы ли вы быть таким писателем? Почему?

Стоит ли писателю заниматься политикой — это каждый писатель решает самостоятельно, никакого общего рецепта нет. В стране всегда что-то происходит: воюем, спорим, убиваем, спасаем. Наше сегодняшнее государство категорически не хочет вмешательства граждан в решение и даже в обсуждение любых проблем. Это и есть его политика — отойдите, граждане, в сторону, разберемся без вас. Как в любом авторитарном государстве, вмешательство граждан и даже выражение их мнения нежелательно. И государство это постоянно демонстрирует. Иногда в мягкой форме, иногда в жесткой. Никакому государству никогда не нужен никакой Солженицын.

Политику как сферу деятельности я не люблю. Более того, я даже общественную работу не люблю, хотя трачу время на некоторую работу, которую можно назвать общественной. Пока жива была моя подруга, директор Библиотеки иностранной литературы Екатерина Юрьевна Гениева, я иногда ездила вместе с ней по программе, связанной — простите, но это так называлось — с «продвижением чтения», по большим и маленьким библиотекам нашей страны. Некоторые подруги, не писатели, занимаются эффективной общественной деятельностью — покойная Вера Миллионщикова, основавшая первый московский хоспис, ее дочь Нюта Федермессер, которая продолжает эту работу, Наташа Дзядко, которая пятнадцать лет работает, чтобы улучшить хоть немного положение заключенных женщин и подростков, Чулпан Хаматова и Катя Гордеева, Лина Салтыкова, еще много прекрасных людей. Когда я могу быть им полезной, я не отказываюсь. Это мой максимум.

Но на роль Солженицына никак не претендую. Кстати, именно Светлана Алексиевич в некотором смысле его наследница. Я частный человек, только обстоятельства таковы, что иногда я письма подписываю и на митинги иногда хожу. Стыдно совсем ничего не делать, а делать вид, что все в порядке. В нашем отечестве далеко не все в порядке… но я не берусь «обустраивать Россию». Писательство — мое частное дело.

Текст
Олег Кашин

Фотографии
Сергей Сараханов

РЕКЛАМА

Белая Дача
в сотрудничестве с журналом
афиша Еда

Этот салатный микс не только вкусный, но и очень полезный. Рукола содержит очень много витамина С, который считается прекрасным антиоксидантом. В шпинате есть белки, углеводы и даже жиры. А мангольд буквально наполнен полезными минеральными солями калия, кальция, лития и железа. Еще один плюс этого салатного микса в том, что листья не нужно мыть: они уже вымыты в ключевой воде.

Алексей Зимин
главный редактор «Афиша-Еда»

EDA.RU

«Афиша-Еда» — это и специальное отношение к еде, и образ жизни. В нашей редакции мы тестируем все рецепты и выбираем только самые свежие ингредиенты. Мы часто пишем в рецептах: «Возьмите салатную смесь». У себя на кухне мы всегда смешиваем шпинат — для свежести, руколу — для перечного привкуса и мангольд — для баланса и красоты. Эта смесь так понравилась нашим друзьям из «Белой Дачи», что они решили выпустить ее под своим брендом. Что нам попросту удобно, потому что теперь всегда есть готовая салатная смесь, а с другой стороны — страшно, потому что такая смесь теперь есть у всех. Когда вы читаете у нас на сайте про салатные смеси, знайте, что если нет специальных оговорок, то имеется в виду именно эта».

«Афиша-Еда» — «Белая Дача»: листья руколы, шпината и мангольда

Совместный проект «Афиши-Еда» и «Белой Дачи» — идеальный салатный микс, который подходит как для легких салатов, так и для мясных и рыбных блюд.

Православный боевик Ивана Охлобыстина

В прокат выходит картина «Иерей-сан: Исповедь самурая» о том, как священник из Японии борется с рейдерами в русской глубинке. Юрий Киршев, консультант по боевым сценам фильма, продемонстрировал, как можно справиться с бандитами с помощью православных атрибутов.

---

1. Посох

1.1.1

1.1.2

1.2.1

1.2.2

1.2.3

1.3.1

1.3.2

1.3.3

TORRES

первое
БЕЗАЛКОГОЛЬНОЕ
ВИНО*
максимум вкуса
без лишних калорий

Natureo
22 ккал / 100 мл

обычное белое вино
68 ккал / 100 мл

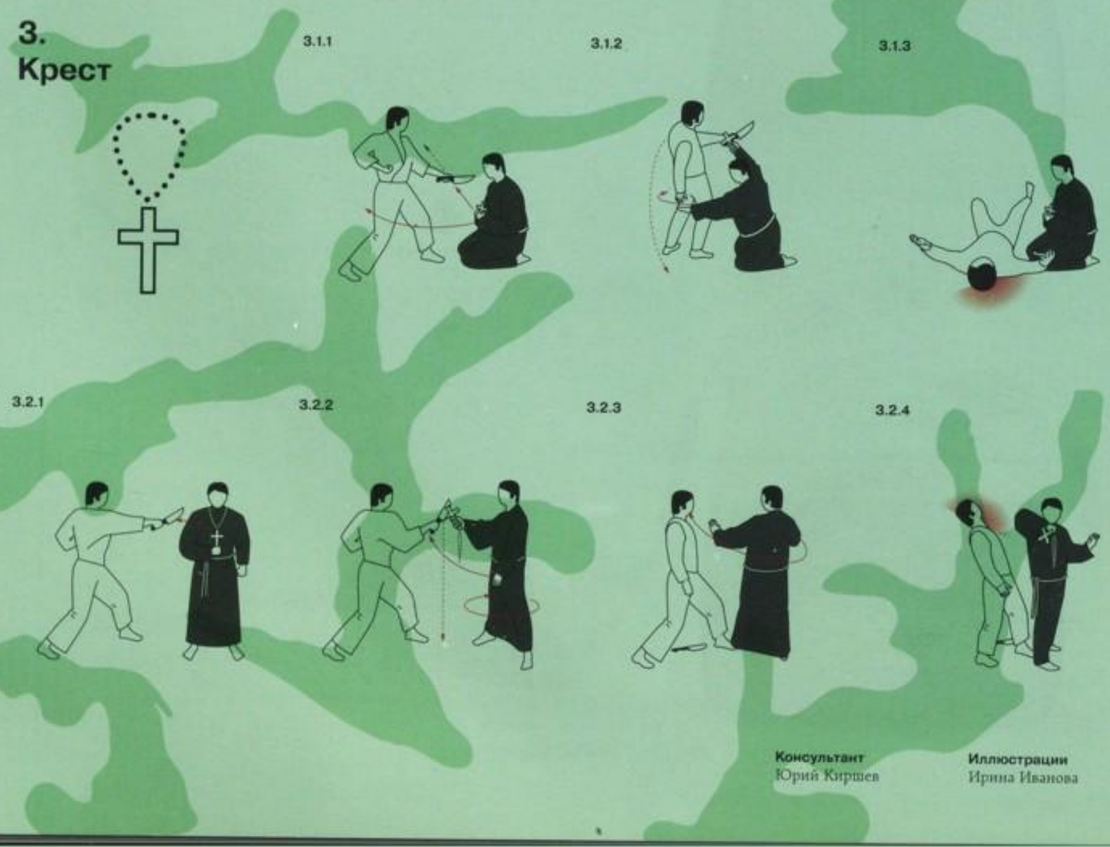
*Первое безалкогольное вино в линейке вин от компании Torres.

На правах рекламы

2. Пояс

3. Крест

Консультант
Юрий Киршев

Иллюстрации
Ирина Иванова

На правах рекламы

Благотворительный фонд «Старость в радость»

Комплексная помощь пожилым людям и инвалидам в домах престарелых и палатах сестринского ухода

- Приобретение необходимого оборудования
- Индивидуальная помощь и реабилитация
- Дополнительные помощники по уходу за лежачими
- Переписка и поздравления с праздниками
- Регулярные поездки с концертами
- Летние волонтерские лагеря
- Досуг и арт-терапия для пожилых
- Издание книг воспоминаний бабушек и дедушек

Мария Николаевна, ветеран Великой Отечественной войны. Живет в доме престарелых

Узнайте, как помочь, на starikam.org
Отправьте СМС на номер 3443 со словом «Бабушка» и суммой пожертвования, например, «Бабушка 500»

Старость в радость

КАТОК
КАТОК
КАТОК
КАТОК
КАТОК
5 ЛЕТ В ПАРКЕ ГОРЬКОГО
ОТКРЫТИЕ КАТКА 13 НОЯБРЯ
ОТКРЫТИЕ КАТКА 13 НОЯБРЯ
ОТКРЫТИЕ КАТКА 13 НОЯБРЯ
ОТКРЫТИЕ КАТКА 13 НОЯБРЯ
ПОДРОБНОСТИ PARK-GORKOGO.COM
Парк Горького
БИЛЕТЫ В ПРОДАЖЕ НА САЙТЕ ПАРКА ГОРЬКОГО
0+ Реклама
ОТКРЫТИЕ КАТКА 13 НОЯБРЯ
ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СПОНСОР
КАТКА ПАРКА ГОРЬКОГО
JACOBS

Инструкция по выживанию в музыкальной среде, составленная молодыми артистами

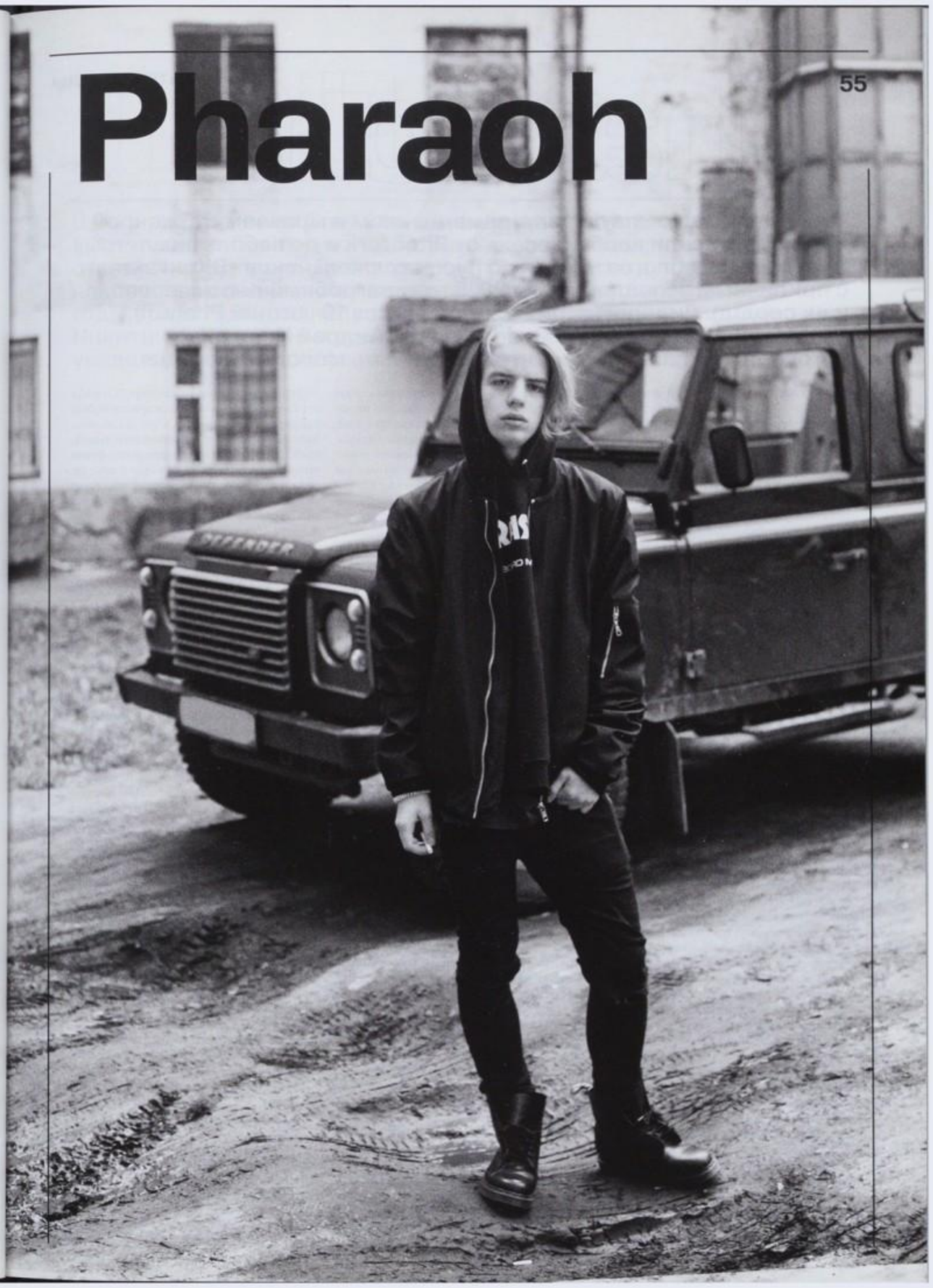

с. 55 — Pharaoh: Будьте молоды
с. 57 — «ЛСП»: Не бросайте начатое
с. 61 — Митрошин: Чем больше проектов, тем лучше
с. 64 — Mana Island: Музыка — это бизнес
с. 67 — «Буерак»: Ищите вдохновение в неожиданных местах
с. 70 — «Вхоре»: Станьте мемом
с. 74 — Hellspin: Больше секса
с. 78 — Ic3peak: Смешивайте оперу и эстраду
с. 80 — Нейромонах Феофан: Творите мифы
с.84 — Антоха МС: Несите добро
с. 87 — Forestеppe: Играйте на странных инструментах
с. 90 — «ЖИФФ»: Стройте культ
с. 93 — «Убийцы»: Не расстраивайтесь из-за мелочей

Как стать героем поколения

«Музыкальный герой поколения» — определение, которое стараются давать за прошлые заслуги. «Афиша» решила пойти другим путем и собрала 13 важных молодых артистов в разных жанрах. Эти герои зарабатывают себе культовый статус, с одной стороны, по универсальным, выведенным десятилетиями развития поп-культуры правилам, а с другой стороны, их модели поведения искажены постинтернет-миром, где мем важнее хита, а подписчики и просмотры — купленных копий альбомов. Под носом у гигантских звукозаписывающих корпораций растет не одна гениальная группа, не одно новое направление, а целый музыкальный мир из неизвестных стилей и не понятных пока никому героев, которые собирают полные залы. Инструкция к новой музыкальной вселенной, составленная со слов ее представителей, начинается со следующего разворота.

Pharaoh

Pharaoh

Будьте молоды

Три года назад о клауд-рэпе, замедленном и мрачном субжанре хип-хопа, писали вообще все — от Pitchfork и до небольших музыкальных блогов. Дойдя до русских школьников «ВКонтакте» с приличным запозданием, в 2015 году загробный рэп завоевал и их сердца. Лидером этой сцены является 19-летний Pharaoh, входящий в объединение Dead Dynasty. Андрей Никитин поговорил с Pharaoh о том, что значит быть молодым сегодня.

«Мне говорят — отличный микстейп «Доллар». То есть людям даже гуглить лень!» — возмущается Pharaoh.

На самом деле последний его микстейп называется «Dolor», на латыни — «боль». Другим вариантом названия был «Клуб 18», и это отсыл к так называемому «Клубу 27», куда входят Хендрикс, Моррисон, Кобейн. Говорить о том, что Pharaoh метит в этот ряд, было бы перебором. Но бесprосветности подросткового толка в его треках предостаточно.

«Каждый день одно дерьмо», «Нет друзей, нет врагов, нет родных, никого» и прочие подобные трюизмы хорошо усваиваются, когда ты только закончил школу. Бывает и немного иначе: «Когда Фара курит бонг, сук трясет, словно от Дорна» или «Фараон … [безумный] псих, курит сканк за четверых, я … [трахаю] их в саркофаге, Догер крутит OCB». Эмо-рэп; музыка, чтобы триповать; главным образом его треки про то, что мир жесток — так давайте же немедленно упоремся.

Этим вечером в «Известия Hall» выступает шведский клауд-рэпер Yung Lean. Каждый третий посетитель — в панамке (говорят, что слушателей этой музыки называют сэд-боями). Бармены показательно скучают: людей, которым можно продать спиртное, в клубе раз-два — и обчелся. Открывает концерт выступление Pharaoh. Он и несколько его друзей, похожие на персонажей из скейт-журналов, прыгают по сцене — это называется флексить. Внизу беснуется толпа — действительно толпа, большинство в которой слышит эти треки не в первый и даже не в десятый раз. Тем не менее в какой-то момент происходит то, что непременно происходит на выступлении любой суппорт-группы: кто-то в зале начинает кричать «… [К черту!]».

«Кричали человек 30, не больше», — без удовольствия вспоминает Pharaoh и начинает рассказывать, как парень во втором ряду кричал ему «… [К черту, к черту!]». «Он столкнулся со мной взглядом, резко закрыл рот, я подхожу, и у него просто меняется выражение лица. Я говорю: «Сука, еще раз … [рот] откроешь, я тебе его сломаю», и человек осел мгновенно». Pharaoh объясняет, что у него очень много ненавистников в этом жанре, «потому что эти пидорасы не могут смириться с тем, что у кого-то в этой стране что-то получается».

Этот жанр — клауд-рэп или, как сейчас его называют, триллвейв. Pharaoh не соглашается, когда его сравнивают с иностранными героями этой сцены, например, с тем же Yung Lean. «Мы более агрессивные, а Lean — он на спокухе читает, как трахает толстых телок и пьет коктейли Oreo Milkshake». Формулу «Pharaoh — это русский Bones» он тоже отвергает. И говорит, что никогда не был его поклонником, «хотя слушал Bones, когда тот был краснощеким подростком, назывался себя Th@ Kid и читал полную ерунду». Зато тепло отзывается о SpaceGhostPurrp и его группе Raider Klan, который когда-то считался ключевым соперником Эйсепа Роки. «Мне просто нравилось, что они делают,

Юноша с белыми длинными волосами читает на заснеженном пустыре у подножия новостроек

я переносил это на себя, вдохновлялся черными чуваками», — говорит он.

Первым заметным клипом Pharaoh стал «Black Siemens». Его снимали в поддержку живого выступления, но выложили, когда концерт уже прошел. В клипе юноша с белыми длинными волосами читал перед пожилым «линкольном» на заснеженном пустыре у подножия московских новостроек. В начале песни юноша говорил «скёр-скёр-скёр» — и, кажется, это взбесило всех его зрителей.

«Скёр» — это звук, который издавал Брюс Ли делая приемы», — объясняет Pharaoh. И говорит, что если, выпустив этот клип, он чувствовал в основном хейт, то после следующего клипа «Сквирт шампанского в лицо» — в основном поддержку. И интерес. А съездив в так называемый шоукейс-тур «Yungrussia», убедился в существовании этого интереса лично.

«Движуху Yungrussia придумал рэпер Boulevard Depo, — рассказывает Фара. — Это новая волна, новое видение. Вся суть заключается в стыке аналогового и цифрового поколений. Boulevard Depo сначала толкал эту тему один, завел блог на тамблере. А потом мы тоже зацепились».

Тур на семь городов, в который поехал отряд мало кому известных артистов, был расписан на коленке за полтора месяца. Человек по имени Даниэль, выполняющий в Dead Dynasty менеджерские функции, говорит, что даже не искал в этих городах промоутеров или организаторов. Искал людей, которые помогут ему договориться с площадкой и сделать концерт. В итоге 16 человек — артисты и их друзья — сели в «Мерседес-Спринтер» и просто поехали выступать.

Наверное, история Pharaoh выглядела бы менее колоритно, если бы вокруг него не существовало объединения Dead Dynasty. Это люди, нашедшие друг друга в интернете: кто-то из них MC, кто-то пишет инструменталы или электронную музыку. Есть также штатный режиссер и штатный татуировщик. «Татуировка тоже творчество, а мы рассматриваем Dead Dynasty как объединение людей искусства, — объясняет Pharaoh и перечисляет города, где базируются участники объединения: — Республика Коми, Краснодар, Ставрополь, Ярославль, Питер, Харьков, Одесса. Мы — сеть. We global». Pharaoh особенно подчеркивает, что Dead Dynasty — это некоммерческий лейбл. «Мы просто делаем то, что мы любим, — говорит он крайне серьезно. — Ну а бабки сами приходят, если о них не думать. Может быть, это всех и бесит».

На прощание я спрашиваю, откуда у молодых людей, у которых вообще все в жизни впереди, весь этот пессимизм и мрак. «Просто я такой, — пожимает плечами Pharaoh. — Не могу на этот вопрос ответить. В моем любимом сериале «Настоящий детектив» Раст Коул говорит: «Я хорошо разбираюсь в людях, потому что ищу в них худшее».

«Вся жизнь впереди, это, наверное, громко сказано. Легенды обычно до 27 не доживают», — смеется Pharaoh.

ЛСП

Не бросайте начатое

В четырнадцать лет Олег Савченко увидел по телевизору выступление Тимати на «Фабрике звезд» и решил, что рэпу теперь открыты все дороги. Двенадцать лет спустя его группа «ЛСП» наконец-то добилась популярности, но перед этим были долгие годы утомительного полуизвестного существования. Андрей Никитин отправился в тур вместе с группой, чтобы своими глазами увидеть полные залы фанатов и сладкую жизнь рэперов.

«Мы … [разломали] это лето», — говорит Олег Савченко, автор песен и лицо группы «ЛСП», долго ходившей в статусе надежды русскоязычной музыки и рисковавшей так никогда ее и не оправдать. Плотно забитый зал в Минске (неделей ранее то же самое происходило в Москве и Петербурге), чутко реагирующий на первые же ноты каждой следующей песни и улетающий к потолку на дропах, подтверждает его слова. Бутылка алкоголя, с которой Олег и его напарник Рома Англичанин вышли на сцену, успевает опустеть задолго до конца выступления. «Вы молодые и не понимаете, что сейчас мы здесь делаем историю», — вдруг говорит Олег. И тут же поправляет себя: «Точнее, это вы ее делаете. Мы просто бухаем».

Но так было не всегда.

* * *

Во время прогулки Рома и Олег рассказывают, как недавно вместо себя отправили на интервью белорусскому сайту двоих друзей. Когда они просят водителя их высадить по дороге домой, а потом подобрать в другом месте, я жду от этих веселых людей какого-то похожего подвоха. Но они возвращаются: Роман с полным пакетом кукурузы («кукуруза — это лучшее, что может произойти с тобой в октябре!»), Олег — со свежей копией игры NBA 2K16. Четвертая PlayStation тоже куплена им буквально на днях — после долгого периода застоя жизнь «ЛСП», похоже, налаживается.

В квартире плотно задрапированы окна — понять, какое сейчас время суток, довольно сложно. Она досталась в пользование Роману от куда-то уехавшей хозяйки. Роман из Могилева, но не живет там уже три года. Да и вообще с постоянным жильем у него не складывается: он рассказывает, что сейчас снял квартиру в Петербурге вместе с Порчи, португальским музыкантом из команды Оксимирона, — но уже три месяца там не появляется.

Олег со смехом цитирует афроамериканскую формулу успеха, давшую название одному из выпусков документального сериала о рэп-группе из Атланты — Migos: «From the Bando to the Mansion». Под бэндо (abandoned house used to sell drugs — дает словарное определение Олег) имеется в виду хрущевка в его родном Витебске, под особняком — эта трехкомнатная квартира в минской высотке. В одной из комнат сидит, закрывшись, какая-то девушка. До наступления вечера приедут еще две.

Компанию нам составляет друг Олега, рэпер Young Bumer. Все знают, что «бумером» называют BMW, но Young Bumer тут же расшифровывает это почему-то как «безработный молодой Валера». Все трое ожесточенно «разламывают» кого-то в Diablo, сосредоточенно глядя в экран. «Шлем, 20 к интеллекту — давай сюда. Кинжал — … [бросай], — комментирует происходящее на экране Олег. — Ты спрашивал про подготовку к концерту? Она в разгаре!» Иногда они отрываются от геймпадов, чтобы накатить (пьют разлитую в кофейные чашки водку, запивая чаем).

Рома Англичанин учился в худграфе, работал санитаром, а однажды сам очнулся на столе кардиолога

У них протяжный, мелодичный говор, Белоруссию они называют Белкой, а друг друга — «братан» или «господин». Пятница, но никому не надо идти на работу.

«Не работал ни дня!» — говорит Олег, окончивший Минский государственный лингвистический университет по специальности «лингвист-преподаватель». «Были моменты, когда понимал: ты, … [типа], нищий, — объясняет Рома и добавляет: — Ну как были, они закончились всего пару месяцев назад».

Пару месяцев назад группа «ЛСП» не стала продлевать контракт с занимавшейся их концертами Booking Machine — компанией, имеющей прямое отношение к Оксимирону и баттлу «Versus». Год сотрудничества не сделал существенно богаче ни одних, ни других: концертов у «ЛСП» было мало. А через неделю вышел совместный с Оксимироном клип «Безумие», один из хитов этого лета и главная причина того, что творится сегодня на концертах «ЛСП». Сейсмическое возмущение, произведенное этим треком, не уловили ни iTunes, ни взрослые консервативные медиа. Хотя клипы, собирающие миллион просмотров на YouTube за неделю, стоило бы заметить.

* * *

«Я всегда думал, что буду рэпером, — рассказывает Олег, раскачиваясь в кресле. — Наши кенты курили, ходили на работу и говорили, что в следующем году точно соберутся и будут писать. А мы лежали на диване, … [бездельничали], думали о том, как плохо нам живется, и записали об этом пару альбомов. Мне для жизни не надо ничего лишнего. Супержрачка, всякая такая тема побоку… Семья у меня — вшивая интеллигенция, ничего сверхъестественного. Богатых кентов никогда не было, в основном маргиналы и уроды. Были деньги купить в магазине халвы, сосисок — и все. Ну и когда с телками мутишь, сразу говоришь, что денег нет. «Я крутой чувак, видишь, товар при мне».

Свои песни он записывает тоже на скромном оборудовании — если слово «оборудование» вообще подходит к 50-долларовому микрофону.

«Он висит у меня на люстре над диваном, прямо где я сплю, жру, пью и трахаюсь, — объясняет Олег, как устроен его творческий процесс. — Я складываю диван, встаю и записываюсь на самую дешевую стодолларовую звуковую карту. Эти отрыжки потом присылаю Роме, который делает из них конфетку».

Изначально «ЛСП» (расшифровывается как little stupid pig) — это был Олег. По привычке его продолжают называть так. Хотя группа «ЛСП» на сегодня — союз двух в равной степени важных людей.

Напарник Олега, Рома Англичанин, он же — Рома Мертвец, учился в худграфе, но бросил, когда понял, что сидеть за мольбертом ему скучно. Полтора года Рома работал санитаром скорой помощи («на труповозке», уточняет он), а однажды сам очнулся на столе кардиолога, переборщив с «лекарством». Рома занимался собственной музыкой, а к «ЛСП» присоединился не сразу, но вскоре стал незаменимым человеком — автором музыки, звукорежиссером, бэк-MC и мастером на все руки. «Могу уколоть», — подытоживает он свое резюме и мрачно смеется.

Англичанин говорит, что на момент знакомства с Олегом стоял в Минске на углу и впаривал стероиды качкам. Это незаконно. Но если завести группу в «ВКонтакте» и проявлять необходимую осторожность, то пара месяцев у тебя есть.

ЛСП

На странице слева: Олег Савченко; на странице справа: Рома Англичанин

ЛСП

После того как в «Афише» появилась позитивная публикация о дебютном миниальбоме «Видеть цветные сны», Роман решил, что со стероидами пора заканчивать. И уехал обратно в Могилев «на квартиру к якобы менеджеру Олега», где собирался работать над новым материалом. Но этому мешали круглосуточные тусовки. «Трек «Коктейль» в такой обстановке я записал со 150-го раза, — вспоминает Роман. — Потом мы сняли клип, начались первые концерты».

Следующий толчок в карьере «ЛСП» связан с Максом Коржом — тоже выходцем из белорусской рэп-среды. Его дебютный альбом попал на лейбл группы «Каста» Respect Production, где в Максе разглядели будущего стадионного артиста. Корж быстро начал набивать поклонниками большие залы. В Минске это был Дворец спорта, вмещавший порядка пяти тысяч зрителей. Открывать концерт он пригласил нескольких белорусских рэперов, рядом с которыми начинался его путь, — в том числе и «ЛСП».

«С Коржом я знаком с первого курса института, — объясняет Олег. — У нас была рэперская банда. Он позвал нас выступить во Дворце спорта. А мы с Ромой как раз за три дня до этого написали «Больше денег». Спели ее на Корже, и после концерта в группе «ВК» каждый десятый коммент был «что за чел пел про деньги на разогреве?», а у нашей группы «ВК» удвоилось число подписчиков. Потом мы выпустили клип «Коктейль», его взяли на A-One, а Корж у меня поинтересовался: «Что за челик тебе пишет музло?» Так Англичанин попал в команду, которая продюсировала и записывала самый успешный альбом Коржа — «Жить в кайф».

«Все было как на Западе, — вспоминает Олег. — Арендовали на месяц студию в Минске, собрали трех разных звукарей: Рому и еще двух. Они месяц этим занимались — и получился «Жить в кайф», самый качественный и цельный альбом Коржа. В то время мы выступали раз в 3–4 месяца, баксов за 300. А Рома начал постоянно ездить с Максом, набивать опыт. И вот случился день, когда у нас был какой-то обоссанный рэп-фестиваль за 400 баксов, а у Коржа нормальный концерт. Но Роман сказал: своих не кидаю, сорри, я буду с Олегом». А через год Англичанин поехал в тур уже с Оксимироном.

• • •

«Наш первый концерт в Москве организовал Коля Редькин, за что ему спасибо», — говорит Олег. Николай Редькин, редактор сайта The Flow и большой поклонник «ЛСП», уточняет, что ответственен за билетный концерт, а на первом выступлении был всего лишь зрителем. «Это было в баре на «Красном Октябре», перед сценой стояли только я и четверо моих друзей, — говорит Николай. — После концерта Олег спустился в зал и познакомился с девушкой одного из них. Через две недели девушка уехала в Витебск. Ее парень говорил: «Еще раз встречу педика, ноги сломаю».

Первый сольный концерт «ЛСП», организованный Редькиным, прошел в клубе «16 тонн». Было лето, четверг, по билетам пришло 140 зрителей, артисты заработали свою тысячу долларов, организатор потерял немного денег. Дальше начинается что-то вроде городской легенды. На концерте присутствовал представитель Respect Production. Его заметил кто-то из людей, близких к Оксимирону и Booking Machine, и рассказал своим, что «ЛСП» теперь тоже на «Респекте». Через неделю Оксимирон сам поинтересовался у «ЛСП», есть ли у него контракт. А узнав, что тот свободен от обязательств, предложил работать с его букинг-агентством.

Безусловным плюсом этого сотрудничества стало появление двух совместных с Оксимироном песен — «Скучно жить» и «Безумие». О существовавшем почти пять лет проекте «ЛСП» узнала новая аудитория. Англичанин в роли звукорежиссера уехал в тур с Оксимироном. Олег сидел дома без денег и сочинял новый альбом «Magic City».

Олег спустился в зал и познакомился с девушкой. Ее парень потом говорил: «Еще раз встречу педика, ноги сломаю»

Предыдущие работы «ЛСП» несложно назвать мрачной версией Макса Коржа. Это тоже бодрый EDM с рэп-речитативом и вокалом в духе раннего Кида Кади, только не про оптимизм и улыбку в 32 зуба, а про «у меня все не слава богу, но пофиг». На «Magic City» «ЛСП» неожиданно запрыгивает на новую территорию. Не надо быть знатоком, чтобы заметить, как сильно повлияла на звучание последнего альбома «ЛСП» чрезвычайно плодовитая региональная рэп-сцена Атланты. Но и удивляться этому не стоит.

«Я слушал южную рэп-сцену класса с восьмого, начиная с Техаса, когда американский юг только поднимался, с Bun B и Pimp C, — вспоминает Олег. — Потом мне наскучило. Я решил делать инди-фигню, чтобы «Афиша» писала, — и это получилось. Потом Рома довел звучание до полного блеска на релизах «Ёп» и «Виселица». Причем это был уже свой звук: я читаю, пою и мелодекламирую, смешиваются драм-н-бейс, дабстеп и хип-хоп. Но потом Рома стал ездить по турам, а я — сидеть дома и копаться в своем говне. И обратно влился во всю рэп-движуху. И сейчас я снова шарю во всех этих черных темах». Поэтому в его новых треках качают трэпбасы, стрекочут 808-е перкуссии и вокал упрятан в автотюн — все как в Атланте.

За последние год-два Олег успел навести мосты с другими деятелями местной трэп-сцены. В их числе Yung Trappa — совсем молодой рэп-эксцентрик из Петербурга, который этим летом был арестован по 228-й статье. «Чувак в 16 лет такое писал — суперкруто и супертупо одновременно! — восхищается Олег. — Я приехал к нему в Питер на полном рандоме, без бабла. Висел с ним четыре дня, ездили на студию, писались, угорали. Я думал что-то ему рассказать, что не рассказали мне, когда это было нужно. Он учтиво все это принимал, но, как выяснилось, у него через заднюю дверь это добро вываливалось мешками. А он еще постоянно хотел какой-то хастл промутить. Говорят, что ему светит семерка».

Другой типажный представитель русского трэпа, с которым стал записываться Олег, — магнитогорский рэпер Sil-A, выпускавший микстейпы под названиями «Spice Boy» и «Spiceology», а параллельно развернувший в Москве сеть по торговле спайсом. К моменту, когда ее накрыл наркоконтроль, Sil-A успел покинуть территорию страны. «Когда я сочинял трек «Бэнкролл», я подумал, с кем делать трек про деньги? — говорит Олег. — Конечно, с Большим Силом». На вопрос, известно ли что-нибудь о местонахождении Sil-A, отвечает: «Я не свидетель».

Хит «Безумие» — тоже плод коллаборации, но уже совсем невероятный. Инструментал написал Breezey Muzik для своего микстейпа — и попросил Олега добавить припев.

«А у меня в жизни был такой период, — вспоминает Олег, — телки, тусуемся, бухаем, записываем песни моего сайд-проекта Piggy Bang. И я набрал бухла, пришел домой, напился и сделал этот припев. Breezey мне отвечает: «Что же ты одним хуком весь альбом мне убрал?» Олег предложил написать и куплет, но куплеты для песни уже сочинял Sil-A. Возникла идея сделать ремикс — у рэперов так называют ставшие хитами песни, к которым дописывают новые куплеты. Оригинал остался незамеченным, ремикс выстрелил.

«Я скинул трек Ромке, Мирону, — продолжает Олег. — Ромка сказал: «Слушаю второй день подряд». Мирон написал: «Знаешь, я, пожалуй, запрыгну сюда, мне нравится». После этой песни меня стали узнавать». Но важнее, видимо, другое — то, что теперь каждые выходные у «ЛСП» расписаны под гастроли.

«Никто не ожидал, что мы придем и сделаем всех на этой площадке, а мы пришли и сделали весь рэп, — подытоживает Олег. — Если кто-то готов это оспорить, мне было бы интересно на это посмотреть».

«Мне насрать», — мрачно бормочет Роман.

Митрошин

Митрошин

Чем больше проектов, тем лучше

Белокурый растрепанный омич плодит музыкальные проекты один за другим, у каждого своя история и жанр. Чтобы не потеряться в бесконечных записях, Андрей Митрошин даже основал лейбл Dopefish Family, где среди калейдоскопа собственных идей иногда появляются альбомы его друзей-музыкантов. Даниил Трабун выпил с Андреем 14 шотов и обсудил, зачем все это нужно.

(Два шота.)

У тебя групп больше пятнадцати штук. Почему бы одну не сделать?
Никогда не задумывался об этом. Но точно скажу, что если взять все мои группы и соединить в одну, то слушать это будет невозможно. Они все со своими референсами, идеями, звуком, стилем — есть несколько рок-групп, есть электроника с массой поджанров. А есть юмористические: например, проект «Календула» — я его придумал как неофициальный саундтрек к игре «Герои-3», который полагается слушать ролевикам-толкиенистам. Это фолк, который сделан на компьютере. Там есть клавесин, много этнических барабанов, но все цифровое. Соответственно, это не музыка, а полная херь и абсурд. Технофолк.

А первым проектом был какой?
Milky Toad, «Млечная жаба», мечтательная кассетная электроника. Я еще в Омске тогда жил. Благодаря Milky Toad на меня обратили внимание. Помню, звонит Шурик Горбачев, тогда еще музыкальный редактор «Афиши», и говорит: «Слушай, ты крутой, давай-ка мы о тебе в журнале напишем». Но в какой-то момент я понял, что выступаю с Milky Toad в клубах и барах, а писал-то я эту музыку для наушников и леса. В лес никто не зовет, а «для наушников» — значит, можно и в интернете послушать. Да и мне скучно на лайвах — стою, жму в семплер. Нужно было что-то веселое, так и появился проект «АРМ Автор», ритмичный и танцевальный.

(Четыре шота.)

А у него какая легенда?
Мы с другом, Сергеем Мячиным, придумали целый параллельный мир. Мы тогда работали в коммуникационном узле нашего Омского университета имени Достоевского: настраивали маршрутизаторы и поддерживали пользователей. У нас директором был слегка шизофазийный математик, постоянно рассказывающий нам вещи, которые никому не были нужны. Например, он хотел сделать библиотечную систему, которая будет работать на уровне всего мира. Настоящий план по захвату вселенной. И вот на совещаниях он с нами планами делился, при этом оперируя терминами, которых мы — да и никто в мире — не знали. И мы из этого придумывали истории, составляли их с музыкой. Собственно, «АРМ Автор» — один из его терминов.

И что он значит?
«Автоматизированное рабочее место АВТОР». Такая … [штука], которая связывает библиотеку с пользователем. Звучит скучно, но если бы можно было телепортировать сюда нашего директора, ты бы просто улетел. Мы когда приходили на совещания, как будто в другое измерение попадали. Мы новые знания использовали для описаний альбомов, между песнями могли рассказать отрывок из какой-нибудь речи нашего директора со сцены.

Интернет — это винил для бедных. Звук плохой, но удовольствия столько же

(Шесть шотов.)

Я знакомство с твоим творчеством начал с вейпорвейва и пабликов с постинтернетными картинками. С «Продавцов-консультантов», например.
У «Продавцов» только название и стилистика постинтернетные. А музыка — гаражный панк. А вот в «Бизнесмене» все связано с компьютерами, Windows 95, презентациями. Каждый трек придуман для определенной офисной задачи.

Картинки на Pinterest хранишь или в папке на жестком диске?
На Tumblr. Когда мы «Продавцов» придумали, Tumblr был важнейшим источником визуального вдохновения. Открываешь, а там просто вынос мозга. Сразу масса ассоциаций, можно не то чтобы … [украсть], а вдохновиться и сделать что-то подобное в визуальном плане. Я абсолютно не стыжусь таких подходов, мне кажется, это забавно.

«Продавцы-консультанты» — это музыка чуваков, которые в «Евросети» работают?
У меня было много товарищей, которые в Москву переехали и работали продавцами в каком-нибудь магазине одежды. И это был полный … [ад], они получали жалкую зарплату и едва сводили концы с концами. Сложно жить в Москве, будучи продавцом-консультантом, у них ничего не остается, кроме самоиронии. Это вроде как песни от лица этих ребят, которые весь день … [вкалывают] в Zara, вешают вещи на вешалки, приходят домой и отрываются.

Отдушина у них есть.
При этом название осталось, а музыка со временем развилась и превратилась из гаражного рока во что-то вроде панк-хардкора.

(Восемь шотов.)

То есть ты как маркетолог работаешь?
Есть такое. Когда мы, например, придумали группу «Продавцы-консультанты», я сначала создал паблик, в котором просто … [постил] визуалы. Мы даже не знали, что будем играть вообще, только название было. На момент, когда мы выпустили первую EP, на наш паблик уже было человек 300 подписано. И это было смешно, и я понял, что это работает.

Сначала картинки, а музыка уже потом, как пойдет?
В интернете это важно — ты не только делаешь музыку, тебе нужно ее приукрашивать постоянно всяким оформлением, обложками, рисунками, видео. Это круто работает, красиво и приятно. Как винил раньше. У меня была проблема — я понял, что если начну коллекционировать винил, то просто утону в нем. Купил пару пластинок и понял: «… [Ай], нет, остановите меня, пока не поздно». Потом подарил их кому-то. Интернет — это такой винил для бедных. Там бедное качество звука, и ты можешь все на мониторе посмотреть, но удовольствия почти столько же.

А бедное качество звука тебя не смущает?
Оно меня будет смущать, когда хотя бы у четверти всех интернет-пользователей появятся классные саунд-системы. Я понимаю чуваков, которые заморачиваются по звуку, слушая пластинки и FLAC, но когда 90% твоей аудитории — школьники, которые потребляют музыку

Митрошин

в наушниках за 500 рублей, нельзя говорить, что mp3 чем-то хуже.

(Десять шотов.)

Раньше мало кто из музыкантов публично признавался в любви к «Гражданской обороне», а сейчас это уже мейнстрим, признак хорошего вкуса.
Откуда это взялось — я могу, конечно, на ходу порассуждать, но я же из Омска…

Я знаю группы из Омска, которые отрицают свою связь с «Гражданской обороной».
Это странно. Для меня единственная связь, единственная гордость этого города — это Егор Летов. Любой адекватный человек, если его биографию прочитает, поймет, что это великий чувак. Это же … [величина]. Я часто говорил девочкам, пока жил в Омске: «Вот, послушай, я тебе подборку «Гражданской обороны» сделал». Но девочки иногда в силу своей романтичности с трудом воспринимали столь жесткую музыкальную подачу, поэтому я дарил в придачу сборник его стихов. Он же гениальный поэт. Очень талантливый человек во всех смыслах с нелегкой совсем судьбой. Он тоже делал все сам, оформлял обложки альбомов — коллажи вот эти с котиками, какие-то еще штуки.

Он еще удивительно модный для своего времени. Сейчас бы он все то же самое делал.
Конечно, он слушал все то, что для других было недоступно. Но он умудрялся каким-то образом находить. В Академгородок Новосибирска ездил, общался с прошаренными чуваками, которые там преподавали и учились. Академгородок в Новосибирске раньше был культурной столицей страны вообще, туда со всего мира съезжались, даже в Питере не было такого обмена информацией в плане музыки. Ну то есть, по сути, чувак, так получилось, что он родился просто не в то время. На него же охотились, запрещали в Омске выступать. Ну это … [кошмар]. Прикинь бы сейчас просто сказали группе Pompeya — вам нельзя выступать в Москве. Ну что вообще за … [кошмар].

После смерти в 2008 году о нем стали больше говорить, и это дошло даже до тех, кто был не в теме.
Да. Я его увидел за месяц до смерти, он стоял на автобусной остановке. Я просто сел вместе с ним в автобус, доехал до его района, вышел с ним, прошел до подъезда, он зашел в дом, закрыл дверь на домофоне. И я поехал обратно. Через месяц он умер.

Ты не заговорил с ним?
Нет. Я дико стеснялся.

(Двенадцать шотов.)

Я все равно не понимаю, как можно столько проектов иметь. Какой у тебя творческий метод?
Ну вот когда мы придумали Slackers, мы просто с другом бухали пять дней на кухне и думали, … [черт], если мы сейчас из себя не выжмем музыкальный проект, это будет странно. «Мы с тобой пивные бродяги, чувак, давай от этого отталкиваться». Начали петь все, что в голову лезет, я притащил гитару, и сразу придумали четыре песни, которые стали нашими основными хитами. Импровизация. Бывает наоборот: возникает образ — и ты начинаешь под него что-то подгонять, структурировать.

А последний проект, Glue?
Сначала концепт. Мы полгода с Антоном (Бруновым, вокалистом группы One Gin Please. — *Прим. ред.*) слушали Christian Death, я его подсадил на это дерьмо. Это панки, которые в Лос-Анджелесе 80-х годов, еще до того, как появились готы, говорили: «Мы хотим носить черное и быть мрачными. Мы мрачные панки! Назовем

Девочки не всегда воспринимали музыкальную подачу Летова, поэтому я дарил в придачу сборник его стихов

это death rock!» Мы слушали много такой музыки, новой и старой. И все через себя как губка пропускали.

А потом типа сели и подумали — хороший способ заработать.
Совсем нет. Во-первых, мы поняли, что такого дерьма сейчас никто не делает. Во-вторых, нам хотелось играть что-то новое. А death rock — это … [о-го-го], мы смотрели на музыкантов и думали, какие же они все … [красивые]. Они перформансы на сцене устраивали, все с какой-то такой нежностью, романтикой, отрешенностью, отчуждением, замкнутостью связаны. Это прекрасное дерьмо, и мы подумали, пусть мы хотя бы сделаем вид, что готы, и проект получится. Антон устал от своей группы и хотел чего-то нового. Ну я и сказал: «Ладно, чувак, ты же знаешь, я, как говорится, многостаночник и рад с тобой поиграть».

То есть это первая группа, в которой ты не единственный человек, который все двигает за собой?
Да, потому что, во-первых, Антон начал сам писать музыку, это значит, что я уже … [растерялся], потому что я это делаю всегда первый. Во-вторых, он все время меня подталкивал с репетициями, с концертами, пинал-пинал-пинал меня, и мы в итоге скооперировались и сделали все быстро.

Я почему про заработать спросил: мне кажется, что Glue — самый профессиональный. Все остальные твои проекты очень диайуайные.
Он наиболее серьезный, потому что у нас была цель поработать со звуком. Мы еще долго после записи сидели и дрочили каждую партию.

Звуки дождя добавляли…
Да, вставляли эффекты. Там такая микроскопическая работа шла, только чтобы нас самих торкало от этого. Я не скажу, что это записано на студийном уровне, все равно мы в итоге дома мастерили, но похоже на это. Это более или менее серьезная вещь для нас.

(Четырнадцать шотов.)

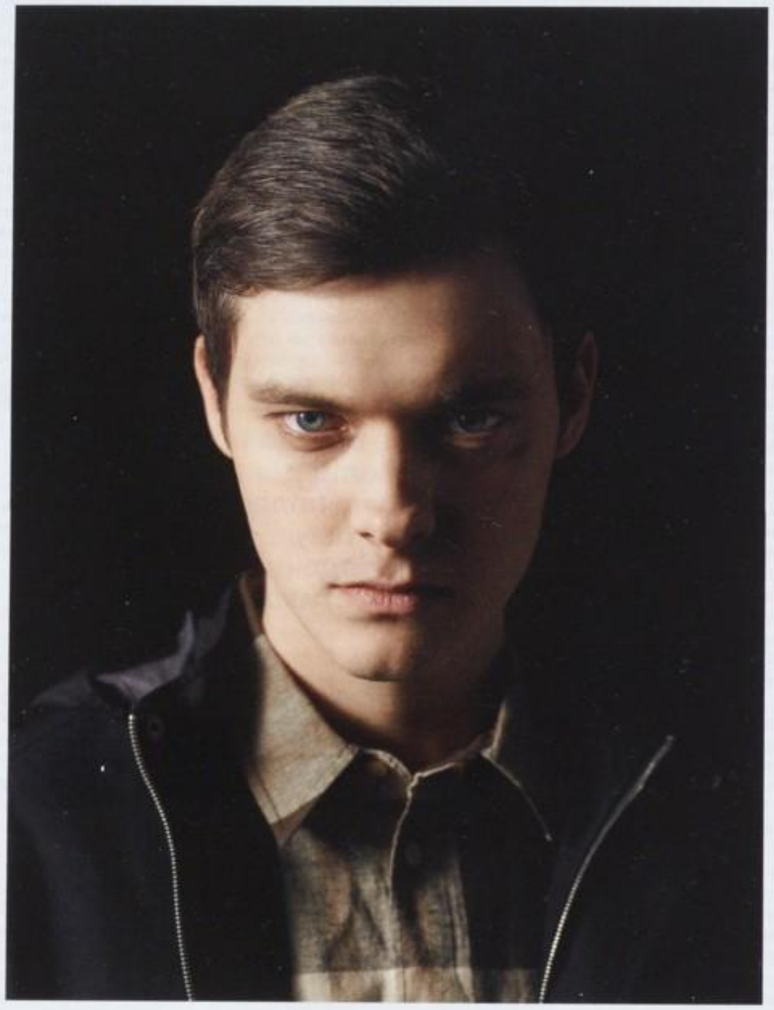
Мне рассказывали, что ты постоянно ломаешь что-нибудь.
Ломаю, в смысле в офисе там или стол? Бывало такое.

Нет, ноги-руки.
У меня была в течение года череда неудач со здоровьем. Я выпал из окна после первого концерта «Продавцов-консультантов», сломал себе пятку, лежал три месяца.

Пятку??
Да, я упал плашмя солдатиком на асфальт со второго этажа. Пятка — это самая крепкая кость, чтобы ее сломать, надо либо в автоаварии … [пострадать], либо просто выпасть из окна на асфальт. Мне два независимых врача говорили: «Чувак, это надолго. Ты будешь полгода ходить в гипсе, потом с двумя костылями, потом с одним костылем. Ты себе жизнь испортил». Через три месяца я … [к чертям] снял этот гипс, начал бегать.

Нога не болела?
Болела сначала, но я расходился. Но за тот период, пока я в гипсе был, у меня сначала случился сильный ожог, а через некоторое время заболел живот, я вызвал скорую — оказалось, аппендицит, лег под нож. Помню, на костылях в гипсе ходил по больнице и чувствовал себя … [дурацким] лузером. Снял гипс, упал со скейта на руку, огромная шишка была. Потом в тот же год я поехал в Тай, работал удаленно, и вот через три дня в рабочий чат всем от меня приходит сообщение: «В общем, чуваки, я … [попал в автоаварию] на мопеде, у меня опять с ногой траблы». Все меня окрестили «Андрей — мастер неудачи». У меня такого никогда не было. Но я по-прежнему живой, все хорошо.

Mana Island

Алексей Доронин

Mana Island

«Идеальная поп-музыка» — так описывают инди-бойз-бенд музыкальные критики. Так, в общем-то, и есть: познакомившись в «ВКонтакте», Алексей и Никита собрали группу и решили делать не просто то, что нравится им, но то, что полюбится всем. Так Tesla Boy и Pompeya обрели последователей, а девичьи сердца по всей России — новую любовь. Даниил Трабун поговорил с Mana Island о бизнес-составляющей их творчества

1.

Выбрать звучание

Алексей Доронин, вокалист: Чтобы альбом пошел в массы, мы осознанно сделали понятное поп-звучание, похожее на Джая Пола и Бена Хана. В 2014-м эти артисты задали тон инди-волне — тысячи музыкантов, в том числе российских, скопировали этот дерзкий лязгающий гитарный звук. Мы тоже сделали на него ставку — и, получается, не зря. Сейчас мы начинаем экспериментировать: Никиту вдохновило недавнее выступление Koreless с лейбла Young Turks, где в качестве басовой линии используется хор православных священников. Почему мы так не можем? Русскость можно создавать не только с помощью родного языка. Во втором альбоме будет больше рефлексии на эту тему.

2.

Писать музыку в GarageBand и работать с хорошим звукоинженером

Никита Сташевский, композитор и гитарист: Большую часть музыки я написал в кровати с планшетом. Я не стесняюсь писать композиции в GarageBand на айпэде. Все современные поп-музыканты, например Grimes или Haim, просто приходят к продюсерам с набросанными в айпэде партиями. У нас с Корнеем (Кретовым, звукорежиссером и саунд-продюсером Xuman Records. — *Прим. ред.*) это совместная работа, собираемся вместе и переносим звуки в аналог.

3.

Договориться о коллаборациях

Доронин: В России не приняты коллаборации, по крайней мере в нашем жанре. Мы решили переломить эту линию и сделали на альбоме «Levin» три дуэта: с Omma, Даниилом Бродом и Гаяной. Времени было мало: в студии все расписано, поэтому мы за неделю записали десять песен, в том числе и с приглашенными гостями. Буквально устроили конвейер: в одном конце студии Оля Omma писала текст для «Hello», в другом Брод оттачивал вокальную партию для песни «Bae». У Дани классный, уникальный тембр, и песня до его прихода просто не складывалась. Но и другой наш мотив тут тоже понятен: бренд Pompeya мощно продвинул «Bae» в массы.

4.

Устроить репетиционный марафон

Сташевский: У всех нас есть постоянная работа. Но после записи альбома мы решили подготовить концертную программу, поэтому в течение месяца с девяти вечера до полуночи сидели в студии. Подходили к этому как к работе на полставки: так оно по деньгам впоследствии и получилось. Первый концерт — важный итог работы, может быть, важнее, чем сам альбом.

5.

Заказать площадку для первого сольного концерта

Доронин: Для презентации альбома мы арендовали площадку Red на тысячу человек. Понимали, что столько людей не придет, но нужно было поставить себе планку. Мы в группе скинулись поровну, собрали около ста тысяч и получили большую сцену, мощный звук, крутой экран и огромный зал. Такая вот инвестиция в будущее. Никаких обязательств с нашей стороны перед Red не было, к нам мог и один фанат прийти, мы же заплатили за аренду. Вместо 1000 человек пришли 500, но это было совсем неплохо. Репутационно первый концерт в Red стал толчком для буккеров: они увидели, что группа старается, рвется вперед, и стали приглашать нас играть живьем.

6.

Придумать сувенирную продукцию

Сташевский: Мы даже вышли в небольшой плюс после первого концерта. Главным образом благодаря мерчандайзу. Это были футболки в духе Hotel Pigalle, мы потом на них посмотрели и подумали: «… [Да уж]. Надо быть проще». Но на удивление половину зрители раскупили на презентации альбома, а другую смели на фестивале Bosco Fresh Fest.

7.

Пережить первый кризис

Доронин: Мы так много вложили в создание первого альбома и концертной программы, что случилось эмоциональное выгорание. Страстное желание делать музыку вдруг пропало: просыпаешься в день концерта и думаешь: «Ох». Готовы ли мы сделать из музыки не просто хобби, а полноценную профессию? Потому что выглядит все как вполне себе работа: доски с таймлайнами и графиками, таблицы в Excel, SMM. Четкого ответа пока у нас нет, но второй альбом мы все-таки записываем.

8.

Вести концертный календарь

Сташевский: Важно найти хорошего менеджера, который сможет в короткие сроки организовать нестыдные концерты. Мы познакомились с дельной девушкой, Гаей Мариной Гарбарук, которая раньше занималась группой Thett Maitz. Она организовала наши выступления на главных летних фестивалях: Пикнике «Афиши», «Усадьбе Jazz», Bosco Fresh Fest, V-Rox. В общей сложности за последний год у нас было около тридцати выступлений. Сейчас мы с ней разошлись, поэтому концертный календарь ведем сами — постепенно весь декабрь забивается: это наши первые новогодние праздники, говорят, в эти дни много корпоративов.

9.

Создать образ и снять клип

Сташевский: Раньше мы думали, что для съемки группы нужно обязательно нанять стилиста. А выхлоп со стороны людей обычно был такой: «Что это?» Да я и сам смотрел и думал: «Ну и уроды! Зачем нам эти золотые костюмы?» Потом мы поняли, что нужно быть проще. Но в клипе у нас по задумке все-таки появились яхта и вилла с бассейном. Решили: зачем нам жить в халупе и приезжать на съемки в шикарный дом, лучше снимем виллу на пять дней. В итоге видео стоило бешеных денег, около 300 000 рублей. За год клип посмотрели 40 тысяч человек, я считаю, это успех. Значит, следующий клип должны посмотреть 100 тысяч.

10.

Заниматься соцсетями и вести аналитику

Доронин: Я журналист по образованию, и для меня важен текст. С этим связан стиль наших анонсов в паблике «ВКонтакте»: это всегда небольшие истории. У нас сейчас 4000 подписчиков, но интереснее считать по количеству песен, которые распознали с помощью приложения Shazam. Это самый честный индикатор, нравится или не нравится наша музыка. Вот сейчас у нас 9000 «шазамов».

Mana Island

Буе

Слева направо: Иван Апельченко, Дмитрий Лукьяненко, Максим Василевич, Никита Сташевский

Фотограф: Артем Черепанов

Буерак

Ищите вдохновение в неожиданных местах

«Вы здесь все — криминал!» — тюремная поэтика, как оказывается, порождает не только чистосердечный шансон, но и вполне ироничный постпанк. Новосибирская группа «Буерак» сделала себе имя на зарисовках из жизни деклассированных элементов родом из вымышленного Усть-Чилима — Феликс Сандалов узнал, зачем им это нужно.

С чего начался «Буерак»? Вы же несерьезно все это?

Артем Черепанов: Изначально — да, мы ставили себе цель просто посмеяться над постпанком русским. Кто раньше постпанк играл у нас? Всякие модники. И это поверхностно очень было, они дальше Joy Division, как правило, особо не копали. И у всех в текстах экзистенциализм европейский, а по лицам видно, что люди техникум максимум закончили. До смешного доходит, настолько поверхностно все это. Ну что это за название — «Капитан ненавидит море»?

Саша Макеев: Еще бы назвались «Ельцин ненавидит водку».

Артем: Да! И мы возникли как протест против такого подхода. Хотелось элемент нелепости и абсурда привнести, вот как у «Звуков Му» в свое время. Понятно же, что один Петр Мамонов в сто раз лучше всех этих чуваков новомодных.

С другой стороны, термин «экзистенциальный панк» изначально был прикреплен к проектам Егора Летова, которого в поверхностности сложно обвинить.

Саша: Это чувство можно поймать и здесь, и в Москве, наверное, но я не знаю, зачем это делать сегодня.

Артем: Накрутить себя можно на что угодно, но я с таким лично не сталкивался ни разу. Даже тема зоны куда ближе Сибири и Новосибирску.

А как вы пришли к криминальной линии в песнях?

Артем: А это из-за статьи на Furfur про русскую тюремную татуировку. Ею же в один момент на Западе стали активно люди забиваться, это до сих пор модное течение. И альбомы продаются с фотографиями, и много татуировщиков, которые в этом стиле с кириллицей работают. Но вместе с тем здесь, в нашем городе, если ты на пляже разденешься и такое покажешь, то к тебе могут подойти и предложить их срезать ножиком. Потому что если ты татуировке не соответствуешь, то за такое могут и опустить — такова тюремная этика. И я решил, что можно песню про это сделать, про то, как человек пострадал от такого несоответствия.

Это сквозной персонаж для песен «Буерака»?

Артем: Раньше да, но сейчас нам это уже поднадоело — и мы собираемся от него избавиться. По предыдущим записям можно его судьбу проследить — как он живет в воображаемом городке Усть-Чилиме со своими деревенскими суевериями и преступным прошлым, его беспокоит конокрадство, он боится некоего харьковского змея и так далее. А если взять EP «Пролетариат», то он уже уезжает из Усть-Чилима, и потом его приключения в большом городе продолжаются на мини-альбоме «Корни»: даже в мегаполисе он остается тем же человеком — пьет одеколон, медляки в клубах заказывает. Не очень классный персонаж. Но поучительный.

Лучший троллинг — это тонкий троллинг, когда его не все считывают

В вас самих есть какая-то частичка от него?

Саша: Интересный вопрос.

Артем: Наверное, есть, чего уж. Может, он как наш лучший друг из Усть-Чилима, мы замечаем в нем то, что не видим в себе. Но он вообще не воспринимает иронии — то есть, условно говоря, он пойдет Круга в кабаке послушать, а не на концерт «Черниковской хаты» (Chernikovskaya Hata — постпанк-группа из Уфы, играющая кавер-версии шансона и эстрады девяностых. — *Прим. ред.*), а если там и окажется случайно, то их после концерта на перо посадит. Он им не поверит просто.

Многие ваши слушатели тоже, похоже, иронию не воспринимают.

Саша: Да, к сожалению, на школьном уровне все это воспринимают: о, зона, прикольно.

Артем: Пишут мне: «Здарово, грязь».

У вас же другие клички?

Саша: Я Копыто.

Артем: А я Ошпаренный. Еще были басист Жареха и барабанщик Корявый, но мы от него потому и избавились, что он лажал по-страшному. Теперь с драммашиной играем.

Почему для вас важно высмеивать воровскую эстетику?

Артем: Так мы гасим всю ее серьезность. Вот если сейчас к нам завалится в бар мужик в наколках, то, если его начнут бояться, он тут все разметает. А если посетители как на клоуна посмотрят и дальше будут пить, то поймет, что не по адресу пришел. Раньше тут, к слову, такое сплошь и рядом было.

Саша: Блатная романтика — это ужасно же на самом деле.

Артем: Да, нам вот недавно написала одна новосибирская уличная марка — предложили фотосессию в их одежде. Я посмотрел, а там футболки в этом псевдокриминальном стиле с надписями «Достал нож — режь!». Я отказался, естественно, зачем такое пропагандировать, это опасно элементарно. И меня покоробило, когда они сказали, что прутся от нашего творчества. Это же надо быть очень глупым человеком, чтобы не понять, что мы это все стебем. А романтизировать это крайне неправильно. Мне поэтому нравится Федор Яичный намного больше, чем «Черниковская хата», потому что он правильные каверы делает, маргинальные: «Ах, какая женщина, только с … [членом]». Да потому что изначально это все было андеграундом, блатняк был гоним, песни подпольно на бобинах распространялись. И это честная музыка была, ведь реально полстраны сидело, а полстраны охраняло. А в девяностых стала извращенной версией поп-музыки.

Вас не смущает, что вы на деле-то на ту же мельницу романтизации воду льете?

Артем: Нами сложно вдохновиться так, чтобы пойти и ограбить кого-то. Это все просто балабановщина, сарказм. Это может вызвать только протест. Но что до сатиры, то тут надо быть очень аккуратным. Мне не нравятся группы, в которых это сразу считывается: вот как «Пруд» или «Срут», которые, соответственно, у «Труда» и «Сруба» названия взяли и давай про магазин Fott и постпанк шутить. Круто, помимо этого, еще и музыку хорошую делать. Да и вообще, лучший троллинг — это тонкий троллинг, когда его не все считывают.

Буерак

Саша: У нас не все песни — троллинг!

Артем: Я почему-то вспомнил фильм «Такси-блюз», там сцена была, где Шлыков учит героя Мамонова: «Гони чернуху! Вот плохо тебе, ты отожмись двадцать раз. Не помогло — отожмись еще двадцать!» И у нас вот так же. Очень грустно, что для кого-то постпанк скатился в шуточки сплошные. Взять группы 80-х годов — о чем они пели? О том, чем жили, о своих настоящих чувствах. Ну ладно там «Вхоре», но даже тупо в «Буераке» меньше глубины, чем в группах тех лет. А сейчас такое ощущение, что само время обязывает делать нечестно.

Ты не можешь спеть от первого лица?

Артем: Я могу, конечно, но просто не вижу в этом смысла. Может, надо, конечно, пожить еще, получить жизненный опыт. По улице ходить и получать по жопе не хочется, проще дома сидеть и выдумывать интересные ситуации. Хотя, наверное, получить по голове в жизни все-таки полезнее, чем этот постмодерн городить.

Перед поездкой я много слышал, что Новосибирск довольно опасный город. Иду по улице, думаю, не похоже как-то. А потом поднимаюсь в гостиницу, вижу на окнах следы от пуль и понимаю: да нет, не показалось все-таки. У вас какое у самих впечатление от места проживания?

Артем: Когда мне было лет 16, наверное, я увлекался всяким готик-роком и дружил с одним чуваком, который эту страсть мою разделял. Но жил он на … [далекой] окраине, шестой микрорайон Новосибирска, самый последний. Там остановка, магазин и три девятиэтажки, а дальше вообще ничего, мир кончается. И совет один только: выходишь из маршрутки — и быстрым шагом в нужный подъезд, ни с кем не разговаривая по дороге. И на каждой лавке гопники, которые каждому молодому чего-то в дорогу кричат, привлекая внимание. Так вот, договорились мы с этим парнем, приятелем моим, встретиться, он приехал в гоповском таком пухане, с челкой-ресничкой, но в черных очках и со шмотником Lacrimosa. Никаких диссонансов нет, ему … [все равно]. Куда пошли, легко догадаться — в подъезд. И он мне рассказал, что у него рядом клуб был «Щука» и его одноклассники туда ездили на выходные только ради того, чтобы подраться с кем-нибудь. То есть вся публика была к этому готова, и люди ходили не баб снимать или транс слушать, а чисто … [порубиться]. А клуб сгорел не так давно.

Саша: Университетская среда не сильно лучше, если честно. Я знаю массу людей, которые учатся на четвертом-пятом курсе и скупают русскую фантастику тоннами. То есть русская классика для них параша, а вот про киберэльфов почитать двадцать томов — самое то. Ну это еще не самый худший случай, многие вообще ничем не интересуются, только водку пьют.

Артем: Вспомнил, тут на днях новость из Новокузнецка прочел. Там тип откинулся с зоны и пошел бухать с друзьями старыми на улице. Выпили, обнялись, а какая-то девушка пошутила, что он гей. Он обиделся и всех собутыльников порезал, а того, с кем только что обнимался, друга своего, так и вовсе убил. Это вот очень похоже на образ нашего героя из Усть-Чилима. То есть это даже не отсутствие иронии, это какая-то … [глупая] рыцарская честь у человека.

Вас пытались к стенке припереть за блатную составляющую?

Саша: Если спросят, то мы вывезем за все это. У нас здесь не то чтобы сказка. Мы пересекаемся постоянно с зэками и рабочим народом.

Артем: У нас в песне «Пролетариат» описывается жизнь такого человека, который книжек не читает, а … [работает] на заводе каждый день с утра до ночи. Он каждый день честно долбит камни и не ищет легких путей разбогатеть — и вот смотрит он по сторонам и видит, что те, кто ворует, у тех все хорошо, один разбогател, другой поднялся. Но он говорит себе, что так жить стыдно, и остается там же, где был. Это я искренне, потому что мне это все понятно — мы же не росли в столице, и хоть никакой особой жести в нашей жизни не было, но так, если подумать, все время — в школе, на работе, где угодно — постоянно … [лицом] в грязь … [окунали]. И ориентиры от этого сбиваются очень сильно: ты в Сибири общаешься с людьми — и от них злоба какая-то идет. Все неудачники, у всех несбывшиеся мечты, утраченные перспективы. Ну нам вот повезло, мы ездим куда-то, играем, но наши знакомые уже на нас смотрят как на полных уродов. Делают про нас мемы, что я придурок конченый; вот почему это? Откуда столько желчи?

Получить по голове в реальности все-таки полезнее, чем постмодерн городить

Саша: Жить не получается нормально — говоришь кому-то «здравствуйте», а в ответ «че ты сказал?». А если наезжаешь, вызываешь на разборку, то все сразу как по маслу.

Вы не находите, что группа «Буерак» своим существованием и обширным гастрольным графиком свидетельствует об ослаблении всей этой криминальной истории в России?

Артем: Конечно. Это абсурдный пережиток прошлого. Мне кажется, что все это сродни той истории с «рашн криминал тату», которые очень опосредованно к реальным зэковским наколкам относятся. Да и вообще, раз наступило время, когда это стало сравнительно позволенным и безнаказанным, то почему и бы нет, собственно? Риск — это круто, конечно, но мы реально не какие-то панки идейные, готовые на все. Ладно бы за что-то серьезное, но за приколы на перо садиться не хочется, нет, спасибо.

ВХОРЕ

Если мерить успех лайками и мемами, то томская группа «Вхоре» должна находиться на верху хит-парада: мало про кого столько шутят в «ВКонтакте», как про них. Феликс Сандалов составил короткую биографию коллектива.

Наталья Казаченко, клавиши: До «Вхоре» я играла только в томской шугейз-группе «Борщ и слезы» и в «Звездах» немного — ну это роль такая была, обезьянка на клавишах. А потом всех кинула и осталась только с девчатами. Тут погорячее как-то.

Алина Дырова, гитара: Я — алкоголик, поэтому на вопрос о том, где я была до «Вхоре», отвечаю, что была в вытрезвителе. Это почти правда. А на самом деле я с музыкой вообще никак почти не была связана, есть у нас фотография с первого концерта, где я кручу в руках гитару и ищу, где у нее струны, лады, колки и все остальное. На этом концерте я была уверена, что все и закончится.

Ольга Китаева, бас-гитара: У меня была группа «Осторожный сход снега», играли такой поп-панк веселый с текстами вроде «Хочу быть мужиком, дерзким и … [мерзким]».

Яна Казанцева, вокал, тексты: А я замужем была. Закончила университет, встретила любовь, мы поехали путешествовать и ездили так несколько лет — три месяца в Европе, три в Азии. У нас была счастливая семейная жизнь, а потом я встретила Гену из «Звезд» и влюбилась в него. Так получилось. Познакомила его с мужем, сказала, что ухожу. И вернулась в город, стала жить тут. «Вхоре» — мое первое предприятие такого рода. В музыкальную школу меня не взяли в свое время — я сделала сливу женщине, которая меня экзаменовала и вредничала.

Александр Цайзер, группа «Цайзер Оркестра»: «Новая волна» началась с того, что тусили в 2010-м «Цайзер Оркестра» и Гена Квитков — и было у нас несколько разных групп. Потом уже, в 2012 году, я пошел на вечеринку к Леше Первякову из «Убийц» домой, и там Гена уже был с Яной. При встрече она представилась журналисткой. Познакомилась с Геной по интернету, такая типичная love story современная. Никто не мог предположить, что она займется музыкой.

Геннадий Квитков, группа «Звезды»: Одним утром мы с Яной проснулись после очередной пьянки, и она мне говорит: «Гена, а как ты думаешь, будет ли круто, если я соберу девичью группу?» Я глаза протер: «Будет». Тогда она позвонила самым модным крошкам, которых знает.

Дырова: На втором нашем концерте на опен-эйре в Тахтамышево стояли мужики и комментировали наши тексты очень громко: «Кафку она читала? Ну как же. … [блин], посмотри на себя». Туда вообще каждый год съезжаются местные с области и дерутся со всеми. С топорами даже.

Казанцева: Когда мы увидели группу Slackers живьем в Москве, Наташа сказала: «После этого, девчонки, можете не волноваться насчет своего выступления».

Казаченко: Изначально мы думали назваться «Мафки». Но это … [очень] какое название тупое. Еще был вариант — «Русские Алки», он хотя бы честнее. Еще «Янка Кертис» была, но Яна потом забрала его для личного проекта.

Квитков: «Янка Кертис» — это наш совместный с Яной проект, семейное предприятие. Он родился из-за вечеринки «Зураб». Мы как-то проводили ее в необычном формате — своего рода корпоратив для причастных к организации. И все должны были сделать группу друг с другом; собственно, «Янка Кертис» — единственный коллектив, который пережил этот вечер. «ЯК» — это территория моей музыкальной свободы, потому что в «Звездах» я ограничен стилистическими рамками, а тут запросто реализую все самые безумные идеи. Так, как мы делаем музыку, не делает ее никто. Давно известно, что чем проще музыка, тем она популярнее. Но если у «Убийц» музыка в основном на трех аккордах, то в «Янке Кертис» в большинстве случаев на одном. Этого вполне достаточно — она отражает не какие-то эмоции, а пульсацию мироздания.

«Вхоре» меметичны и мимимишны одновременно. Это убойное сочетание

Казаченко: «Зураб» — это наша серия вечеринок, которую мы уже два года делаем. Был, например, «Зураб в поисках русской души» сразу после того номера «Афиши» со «Срубом» на обложке, мы тогда обстебали всю эту эстетику. А вообще первый наш «Зураб» был на сорок человек, квартирник, играли «Звезды» и «Бумажные тигры» в электричестве.

Казанцева: Тогда приехали менты, и я кричала им: «Два … [члена], идите … [прочь]», потому что была очень пьяная. Но они так посочувствовали Гене, что я его женщина, и не стали меня забирать. А вообще мы пробовали репетировать дома, но снизу живет бабушка, которая, чуть мы начинаем играть, стучит по батарее. Мы как-то с ней встретились, она говорит: «Что у вас за звуки ужасные?» Мы отвечаем: «Да вот, мы музыканты, у нас группа». А она: «Что? Это в другой квартире музыкант живет, на пианино играет, а у вас не музыка, а вообще не пойми что».

Цайзер: Визитная карточка «Зураба» — это забитый группами до отвала лайнап. Ну и мифология бренда присутствует, что хорошо и плохо. Хорошо, потому что ходит много людей, а плохо, потому что это люди, которые вообще не понимают, что это за музыка. Трезвым невозможно воспринимать такое.

Казанцева: Наше ноу-хау, опробованное на последнем большом фестивале, куда мы Sonic Death привезли, — это конферансье. Думаю, что мы в авангарде моды — после нас пойдет волна из Сибири. Где еще станут кормить людей блинами с журнала «Метрополь»?

Казаченко: «Вхоре» впервые выступили на третьем «Зурабе», который назывался «Пойдем отплывем». Была еще дионисийская вечеринка на недостроенной даче, когда мы вывезли за сорок километров от Томска двести пятьдесят человек. Наше развитие подстегивалось «Зурабом», потому что события были каждый месяц и на них можно было выступить. «Зураб» же всю эту тусовку и сложил наконец-то. Если бы его не было, то все сидели бы по полгода на репточке, выдрачивая одну песню и ничего больше не делая. А тут соберись да играй перед людьми.

Артем Черепанов, «Буерак»: В ранних «Вхоре» Гена еще басистку изображал, выходил на сцену в розовом парике и в платье. Похоже было больше на Кобейна или Ариэля Пинка, правда. Нам тогда показалось, что группа собрана просто ради тусовок.

Дырова: Бывало так, что одну песню под музыку от другой исполняем, в середине понимаешь, что как-то текст не ложится, но что делать — надо петь.

Казаченко: Когда мы первый раз приехали в Москву, перед нами стояли тридцать человек, которые вообще не знали, кто мы такие. А мы привыкли, что когда в Томске, Новосибирске выступаем, там по десять рядов мальчиков, которые слэмятся и смотрят с обожанием.

Казанцева: Зато когда мы уже осенью играли в Москве на шоу-кейсе в «Смене», произошло то, ради чего все это затевалось. Во время саундчека днем в зале никого не было, только техничка пол мыла. Она нас послушала и большой палец показывает, типа молодцы, девчонки, класс!

ВХОРЕ

Степан Казарьян, промоутер: У них, безусловно, есть потенциал. Но им тяжелее, чем другим, так как опыта игры на инструментах у них почти нет. Как я понимаю, «Вхоре» планировался как своего рода арт-проект, но у вокалистки открылись незаурядные способности писать емкие и хитовые вещи, что вкупе с их эпатажностью и самоиронией привело к тому, что слава опередила их возможности.

Дырова: Я не знаю, ради чего это все. Не считаю, что у нас есть какой-то образ или концепция. То, что происходит с «Вхоре», это то, какие мы есть. Специально мы не красились!

Казанцева: Конечно же, была и есть стратегия, я все очень осознанно делаю. Цель — это народничество. Мне важно нести некую образовательную миссию. В наших текстах много имен, названий, разных непонятных отсылок и всего-всего. Мне хочется, чтобы когда-нибудь мы вышли на такой уровень популярности, что нас будет слушать простой народ — и из десяти послушавших один загуглит Борхеса и поступит в университет.

Казаченко: Что до феминизма… А я на своем опыте столкнулась с притеснением. Я же технарь, математик, всегда была на работе с мужиками. И мне говорили что-нибудь в духе: Наташа, порежь тортик, ты же девушка. Очень бесило. У меня диплом специалиста по компьютерной безопасности, а вы просите меня сделать какую-нибудь … [чепуху], типа отсканировать 80 листов ненужной макулатуры!

Китаева: А я считаю, что если женщина хочет сидеть дома и варить борщ, то пусть она это делает. Хотя раздражает, что в Томске многие говорят, что если у тебя нет … [пениса], то ты вообще не музыкант.

Казанцева: На наш концерт в Москве пришел Иван Букварский, который нас записал пиратским образом и издал на кассетах. Первые двадцать экземпляров разошлись за несколько часов по предзаказу. Потом была допечатка. Для Томска это, наверное, платиновый статус. Хотя нелепо, конечно, вышло, я смеялась все выступление, потому что наш товарищ очень смешно танцевал. Видела отзыв, мол, так классно вокалистка смеется, только поэтому и купил. Блин, я могу еще на две кассеты насмеяться!

Дырова: В Москве в нашем шоу-кейсе я вообще трезвой не была. Вообще ни разу, как мы поехали. У нас же еще три выступления было, везде полно людей… А мы добрались до номера, купили бутылку шампанского — и понеслось. Я и к самолету не протрезвела.

Казаченко: Концерты в Москве вообще штурмовые были. На одном Митрошин из Slackers так отчаянно рубился, что в итоге блеванул нам на монитор.

Квитков: Хайп вокруг «Вхоре» мне понятен — так уж совпало, что они меметичны и мимимишны одновременно. Это убойное сочетание. Конечно, у меня пригорело от такой их популярности. Я вообще ревнивый человек.

Цайзер: Один мой товарищ сказал, что «Вхоре» — это копипаста, наложенная на музыку. Ну а с другой стороны, энергетика-то есть, люди на концертах прыгают. Чуть больше внимания музыке они бы еще уделяли. Хотя раньше у меня похожая позиция была — кто не врубается, что мы на сцене делаем, это их проблемы. Потом пришло понимание, что надо все же какой-то уровень держать.

Казаченко: Лоуфай — это термин, который придуман привилегированными людьми, у которых до фига денег, чтобы записаться в студии, и они выпендриваются, записываясь дома. А у нас это не выбор, а необходимость.

Казанцева: Мы не хотим делать музыку для стейка, чтобы его съесть, или для секса, чтобы им заняться. Мы хотим делать музыку, от которой неприятно, которая выводит за границы привычного и комфортного — и ты начинаешь думать.

У нас реальные заварухи с мужиками. Только томские кончились хорошие. Думаем в Москву поехать

Казаченко: Проходил муниципальный фестиваль в пригороде Кемерово. Думаю, можно представить, что там происходит. В один день были кокошники и хороводы, а на второй неожиданно сделали рок-программу. Но местное население нас приняло на ура. Там еще Яна отцензурировала программу, вырезала из текстов мат — а между песнями крыла звукаря и световика нецензурщиной в микрофон дико, забыв о первоначальном плане.

Квитков: Я стараюсь, чтобы со стороны наша корпорация сибирская выглядела монолитно. Хотя насчет «Звезд» мне иногда кажется, что, может быть, нам с этой всей новейшей «русской волной» даже не совсем по пути. Почему? Да в основном вся эта «русская волна» — это прикол. У «Буерака» юмористический постпанк, у «Убийц» тоже много сарказма и сатиры, про «Вхоре» молчу уж, и только у «Звезд» серьезная, пафосная музыка.

Казанцева: Благодаря «Вхоре» я узнала все глубины ненависти и любви. И поняла, что при всем этом я могу любить людей. Даже тех, кто нас ненавидит. Причем в период, когда я жила с мужем, путешествовала, я была жуткой снобкой и мизантропкой, ненавидела вообще все, презирала всех. Но переехала, жизнь изменилась, пришло осознание, стала филантропом.

Казарьян: Я делал в рамках Moscow Music Week сольный концерт «Вхоре» в арт-пространстве Adidas Super Star Moscow. Пространство небольшое, и я решил не устраивать давку, но так как ненавижу фейсконтроли и считаю их фашизмом, мне пришла в голову идея ограничить вход по половому признаку. Естественно, это было шуткой, но многие напряглись и стали искать скрытый феминистский смысл, что сделало происходящее еще смешнее. За несколько дней до мероприятия в Adidas начали поступать письма от других девчачьих групп с предложением выступить вместо «Вхоре», а врагини сибирячек клеймили их и придумывали байки про то, что у них в составе играют работники Nike, которые славят проклятый американский бренд в своих песнях. Слава богу, все только посмеялись над этим, а девчонки ради угара исполнили песню «Мальчик в найках, поставь мне лайки», поменяв слова на «адидас» и «класс», но я этого не видел, ведь я мальчик — и мне вход туда был воспрещен.

Казанцева: Первый хайп случился, когда про нас написала «Афиша-Говна», причем написала, что пою я, как будто меня … [трахают] в кустах. Что, в принципе, неплохо, потому что почему бы и нет… Но в итоге был срач на 600 комментариев, где на сотом вступила я. Потому что вдруг поняла, что не могу так это просто оставить. И провела ночь, разговаривая с людьми. Это была моя инициация.

Казаченко: Потом все там написали: «Ладно, мы сдаемся, Яна, ты крутая».

Казанцева: Мне человек 15 в день пишут про «Вхоре» с намерением поговорить о жизни, любви, вселенной и вообще.

Казаченко: Мне хочется верить, что мужчины любят меня не из-за того, что я играю в «Вхоре», а из-за того, что я просто классная. Но я не уверена, что это всегда так. А вообще, как корабль назовешь, так он и поплывет. У нас реальные заварухи с мужиками. Только томские кончились хорошие. Думаем в Москву поехать, там объем работы больше.

Дырова: Я поняла, что мы популярны, когда нас стали использовать как готовый мем в комментариях. Как будто все уже в курсе, кто мы такие. Это льстит, конечно, потому что всех остальных обычно в мемах гнобят, а про нас очень аккуратные шутки были.

Казаченко: Кто-то писал: «Хорошая группа, но почему название такое сложное?» И некоторые действительно читают его как «Биксоуп», типа большое мыло!

Казанцева: Да, я каждый день ввожу в поиск — «Вхоре».

ВХОРЕ

На странице слева: Яна Калинина; на странице справа: слева — Ангелина [illegible], Наталья Казначеева

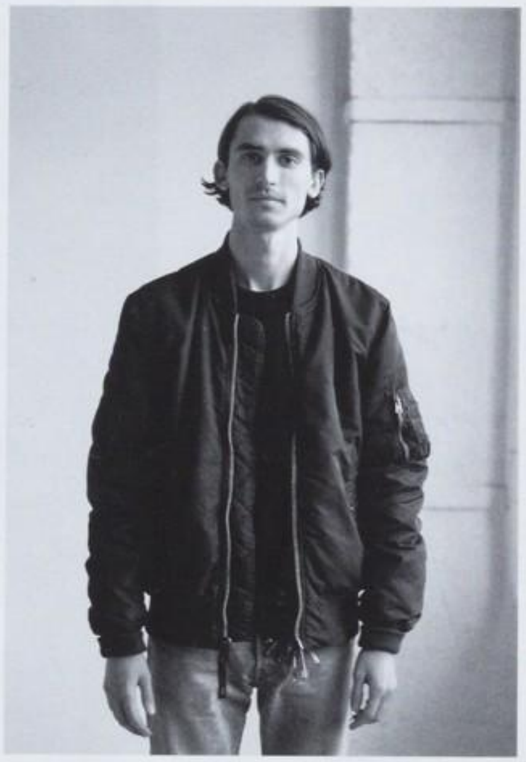
ВХОРЕ

Hellspin

На странице слева: слева направо Павел Русаков, Юрий Тетерев; на странице справа: Людмила Шилова

Hellspin

Hellspin

Брутальный звук, созданные для хорового исполнения песни про «джихад сердца», femme fatale у микрофона, от которой не отвести глаз, — это Hellspin. Неудивительно, что их распаляющее кровь и разум шоу пользуется все большим и большим спросом в сексуально репрессируемой стране, — Феликс Сандалов встретился с участниками группы и расспросил их про это.

Люся, образование театрального режиссера помогает тебе продумывать сценографию выступлений?
Людмила Шилова: Жизнь научила меня, что музыка слишком непредсказуема, чтобы строить планы. Поэтому я заранее ничего не продумываю и каждый раз словно в клетку с тигром вхожу.

Тогда как появилась ваша фирменная подача: с раздеванием, буйным поведением на публике и элементами сексуального доминирования?
Юрий Тетерев: Мне кажется, она выработалась у нас на первом концерте…
Павел Русаков: …или даже на первой репетиции.

Ты осталась в одном белье на первой же репетиции?
Шилова: Ну да! Станиславский ведь учил, что все начинается с вешалки, поэтому я всегда сразу раздеваюсь. Заранее заготовленного образа не было, просто я прикинула, что у меня дома висит много одежды, которая мне нравится, а возможности носить ее на людях нет. Решила, что хоть на концертах буду ее надевать.

Тебе музыка это подсказала?
Шилова: Безусловно. В моих предыдущих проектах я себя настолько раскованно не чувствовала. Но вообще, мне кажется, рок-музыка апеллирует к высшим космическим сферам и светлым сторонам души, но делает это через обращение к земному началу и низким потребностям. Меня так воспитали, что я не вижу в сексе ничего постыдного и, наоборот, нахожу сексуальность прекрасной. И я не про шаблонную сексуальность говорю — работая в клинике пластической хирургии, я ежедневно убеждаюсь, что каждый человек прекрасен.
Русаков: Секс — такая же потребность, как и пища, но только намного легче и тоньше. В случае с сексуальностью, мне кажется, не бывает «переедания», она лишь поднимает тебя выше и выше.

А чулки, фуражки и подтяжки откуда появились? Тебе нравится БДСМ?
Шилова: Я питаю определенный интерес к садомазохистской эстетике, но это мой личный фетиш. Мое сексуальное поведение к Hellspin не имеет никакого отношения: у меня в спальне есть игрушки, о которых никто не узнает, пока в ней не побывает. Но люди хотят видеть во мне властную женщину, ищут свою «Венеру в мехах». Все по-своему интерпретируют знаки. Например, когда я надела фашистскую фуражку, меня начали спрашивать: «Как ты могла, у меня дед Берлин освобождал». И я понимаю, что люди в этой фуражке жгли людей в печах, но, когда ты выходишь на сцену, правила должны меняться. К сожалению, сейчас у людей нет ощущения сцены как священного пространства, как это было у греков. Вот как ехал в трамвае, так и поиграл на сцене. Но на сцене я служу искусству: там я настоящая, не надеваю маски и не культивирую

Станиславский учил, что все начинается с вешалки, поэтому я всегда сразу раздеваюсь

какой-то образ. Поэтому фуражку я надела, чтобы люди меня восприняли всерьез. И это сработало.

Выходя на сцену полуобнаженной, ты переступаешь через себя?
Шилова: Всему свое время и место. Например, я не поддерживаю Pussy Riot, так как считаю их действия несвоевременными и неуместными: люди привыкли молиться определенным образом и не заслуживают к себе неуважительного отношения. Вот панки молятся в других местах, но и они хотят, чтобы к ним уважительно относились, хотя им вроде как и … [плевать] на остальных. На своих концертах я приказываю всем раздеться, потому что там это нормально. Наши концерты — это как бы панк-баня, где мы можем помыться, потолкаться, может, немного обидеть друг друга, чтоб не обижать друг друга дома и на работе. Это сублимация. У меня поэтому нет ощущения, что я переступаю через себя. У известного театрального режиссер Питера Брука есть теория о первоначальном сговоре — это как теория общественного договора Гоббса или Локка, только между зрителем и артистом. Брук считал, что всегда есть человек, который хочет быть на сцене, и люди, которые хотят на это смотреть. Пока будет один, будет и другой. Это базовое взаимодействие энергий, как «+» и «–» на батарейке. Господь создал меня тем, кто выходит на сцену, и есть люди, кто будет приходить и смотреть.

Hellspin ближе к эротике или к порнографии?
Русаков: Ближе к эротике, конечно.
Тетерев: Не, эротика отстой. Лучше порнография.
Русаков: Когда я был маленький, я нашел у дедушки фотожурналы, там было много эротических фотографий. И вот они, чувак, находились на самой грани и именно поэтому торкали.
Шилова: Если мы говорим о музыке, то вокруг нас столько выхолощенных и искусственных музыкальных групп, которые косплеят настолько неблизкие для них образы, что для меня это еще большая порнография, чем что-то откровенное. С другой стороны, многих знаменитых людей в свое время обвиняли в том, что их творчество неприлично.

В России мало кто из рок-музыкантов эксплуатировал тему секса так, чтобы это не выглядело дико. Для вас существуют какие-либо группы, на которые вы ориентируетесь?
Русаков: Мне на ум приходит старая фотография Юрия Шевчука, где он на концерте, одетый в полосатые штаны, показывает бицепсы. Это вот сильный образ. Шевчук … [очень круто] раздевался, кстати.
Шилова: Самый крутой концерт, на котором я была, — в конце 90-х «Неприкасаемые» с Гариком Сукачевым. Я тогда еще в школе училась. У него был приступ астмы, лицо страшно наливалось кровью, он периодически уходил со сцены… Чувствовалось, что человек как будто в последний раз играет, но энергетика была просто сокрушительная. Наверное, я внутренне к такому поведению на сцене и стремлюсь: играть — как в последний раз.

Вопрос к мужской части Hellspin — как вы не теряетесь на фоне Люси? Вы как-нибудь прихорашиваетесь специально?
Тетерев: К сожалению, в России девочки редко ходят на рок-музыку. Честно говоря, я плохо представляю, куда они вообще ходят. К року же отношение в обществе однозначное: он ассоциируется, увы, не с сексуальностью — мужской или женской, — а с чем-то очень маргинальным. Поэтому мы с Пашей находимся на втором плане.
Русаков: Я во время выступлений стою боком или спиной к зрителям, в зал почти не смотрю, все мое внимание направлено на группу. Я кайфую от нашего треугольника, от того, как мы заряжаем друг друга энергией.
Шилова: Это парадокс. Ребята говорят, что они на втором плане, но без них невозможно представить Hellspin. Если бы это было мое пение а капелла, то в нем не было бы и десятой доли той энергии и сексуальности, что дает их музыка. Даже когда мы репетируем без посторонних, наша репточка превращается в вулкан, в невероятную коллективную эякуляцию.

Вы когда-нибудь задумывались, что кумулятивная сексуальная энергия, которая высвобождается из тебя и людей в зале, помогает достигать каких-то новых вершин во время выступлений?
Шилова: Ну вообще, еще Ницше писал в «Рождении трагедии из духа музыки», что есть дионисийское начало и аполлонистическое. Аполлонистическое — это космическое начало, самое чистое и духовное, которое несут мужчины из космоса в землю. Но оно не может существовать без дионисийского начала, земного. Так сексуальная энергия позволяет пробудить через животное во мне человека. Безусловно, на подсознательном уровне я разговариваю с публикой на языке сексуальной энергии, но поет мое сердце, поет мой разум. Мы никогда не претендовали на какую-то академичность, на какую-то бесконечную духовность, мы всегда апеллировали к животной энергии, к безумным танцам.

Собственно, это вам и принесло славу группы, на чьих концертах происходят всякие бесчинства.
Тетерев: Что до поведения поклонников, то я считаю нормальным разрушение сцены и носовых перегородок, но это не может быть основной целью! Ты не должен приходить на концерт с желанием что-то сломать, разве что только внутри себя. Да, когда тебя переполняют эмоции и вокруг тебя еще несколько людей, которых тоже переполняют эмоции, что-то может сломаться. Но главное — это все-таки наслаждаться энергией.
Русаков: Важно, чтобы в этот момент никто мою гитару не хватал, потому что тогда я начинаю лажать, а я не хочу играть херню. Все остальное — пожалуйста. Пусть вокруг меня летают доски, копья, ядра и взрываются гранаты, но мои пальцы должны быть целы.
Шилова: Был удивительный случай на концерте в Обнинске. Неудачно выпущенный файер просвистел буквально в двух сантиметрах от головы Паши, который, не отрываясь от игры, прописал «одессу» (удар головой в переносицу. — *Прим. ред.*) стрелку и продолжил свое дело.

Каково тебе быть сверхжеланной?
Шилова: Я так себя не ощущаю. И никогда в жизни себя не ощущала.

Даже во время выступлений?
Шилова: Именно в моменты выступлений я чувствую какой-то невероятный трепет со стороны мужчин. Никто меня не хватает за какие-то места и не говорит непристойности. Я думаю, что их привлекает что-то другое, поскольку ничего негативного в сексуальном плане я от мужчин не чувствую. Мой внешний вид говорит «бери меня здесь и сейчас», но я на самом деле чувствую себя неприкосновенной женщиной. Меня все время спрашивают: «Как тебя еще не разорвали на концертах?» А мне, наоборот, всегда дают коридор, словно я папа римский.

Пусть вокруг меня летают копья и ядра, взрываются гранаты, но мои пальцы должны быть целы

Что-то изменилось в ваших выступлениях за время существования Hellspin?
Шилова: У меня появился мужчина, и я теперь немного иначе все воспринимаю. Раньше, когда его не было, моим выступлениям была присуща другая энергия, а теперь я более гармоничная личность. Естественно, люди это замечают. Мы разговаривали недавно с одним человеком из модного клуба, и он мне сказал: «Ты перестала возвращать сексуальность в панк-рок». Думаю, это не так. Энергетика концертов действительно несколько изменилась, но она не стала хуже. Она стала другой.

Как он реагирует на происходящее?
Шилова: Потому он и мой мужчина, что с уважением к этому относится и поддерживает меня. Он видит в этом какие-то позитивные веяния, и ему это доставляет удовольствие. Но не извращенное удовольствие, словно ему нравится, когда с его женщиной что-то такое делают, а удовольствие от искусства. Он понимает, что я делаю и зачем.

Кстати, а зачем вам все это вообще?
Тетерев: Банальный ответ — «чтобы все … [охренели], как мы можем». Но на самом деле я хочу, чтобы людям было хоть иногда не все равно и не наплевать. Это дорогого стоит.
Шилова: Я давно ощущаю мир вокруг как театр абсурда, в котором мы все, такие классные, интеллигентные, взрослые и мыслящие люди, почему-то допускаем, чтобы с нами происходило столько странного. Поэтому я перестала заниматься театром. Внутренне я пришла к пониманию, что сверхзадача — это, как учил Станиславский, воспитывать в человеке что-то хорошее. Каждый раз я выхожу на сцену, чтобы люди хотя бы на тридцать минут расслабились в моем присутствии; чтобы они почувствовали себя красивыми, смелыми, желанными, могущественными и пафосными — в хорошем смысле слова; чтобы у них пропала тревога; чтобы они поняли, что они не одни. И не важно, что для этого нужно сделать. «Как» — не имеет значения. Одетый ты или раздетый. (*Плачет от избытка чувств.*)

Ic3peak

Слева направо Николай Костылев, Настя N3rdy

Смешивайте оперу и эстраду

Герои московских витч-хаус-вечеринок выглядят так: девушка с косой, которая заливается дельфиньими переливами, будто бы из картины «Пятый элемент», и самурайского вида азиат за пультом, который выжимает из ноутбука мрачный бас. Все это озаряется обязательным видеоартом. Артем Макарский расспросил Ic3peak о музыке, на которой они выросли.

1.

Джакомо Пуччини, ария Чио-Чио-сан (из оперы «Мадам Баттерфляй»)

Настя N3rdy: У меня тетя — скрипачка, мама — оперная певица. Первое воспоминание о музыке достаточно размытое, но мне мама рассказывала, как в 4 года повела меня на первую оперу — это была «Тоска» Пуччини. Я спокойно высидела 3 часа, потому что она все время рассказывала мне о том, что происходит на сцене, хотя у оперы не очень детский, трагический сюжет. Сейчас мне больше нравится «Мадам Баттерфляй» — она тоже меня впечатлила еще в детстве, и сюжет у нее не отстает от истории в «Тоске». У нас дома хранилась видеоколлекция оперных фильмов и записей зарубежных исполнителей, в том числе кассета с экранизацией этой оперы. Я ее часто пересматривала. Ария Чио-Чио-сан — завершающая в опере и очень эмоциональная, в ней поется про любовь и честь, и, конечно же, героиня убивает себя под конец.

2.

Людвиг ван Бетховен, Соната для фортепиано №14

Николай Костылев: Мама постоянно играла мне «Лунную сонату», а вот остальной музыки, которой было вокруг много, почти не помню. Только, может быть, Юрия Антонова. В более сознательном возрасте я спрашивал родителей, почему они это мне включали в детстве, а они пытались доказать, что это хорошая музыка. А вообще, я же родился в Ташкенте — вокруг меня было много восточной музыки; постоянно на заднем плане играли какие-то композиции без конкретного автора.

3.

Валерий Меладзе и «ВИА Гра» «Притяжения больше нет (Сто шагов назад)»

Костылев: У меня музыкальная семья — и из-за того, что в доме все время играли на фортепиано, я слушал классическую музыку. Ну и конечно, меня не обошла стороной поп-музыка Валерия Меладзе.

N3rdy: Особенно хорошо я помню видео «Сто шагов назад». Этот клип про непростую жизнь звезд все время крутили по телевизору. Трек в памяти осел прочно — даже сейчас я могу напеть его куплет.

4.

Рихард Вагнер, ария Эльзы (из оперы «Лоэнгрин»)

N3rdy: Опера для меня вся особенная. Но до определенного возраста я даже не различала, что это за музыка такая: просто слушала, как мама распевается. В основном это были арии, конечно: сначала меццовые, затем сопрановые. От агрессивных роковых женщин к страдающим. Когда я пошла в театр, мне понравился Вагнер. Я люблю «Лоэнгрина» и арию Эльзы. Помню, что в детстве мне хотелось попробовать спеть арию Царицы ночи из «Волшебной флейты», но ничего не получалось — это достаточно сложное все-таки произведение. И арию «Il dolce suono» из оперы «Лючия ди Ламмермур», которую пела Плавалагуна в «Пятом элементе». Помню, я спорила с подругами, может ли на самом деле так петь человек.

5.

Сергей Рахманинов, Концерт для фортепиано с оркестром №2

Костылев: У меня отец постоянно играл Рахманинова, и мне казалось тогда, что это вообще нереальная музыка. Очень сложные партии, все очень быстро — я просто не понимал эту музыку, и этим она мне была интересна. Сейчас неинтересна вовсе, не слушаю практически такую музыку, сейчас идет пора нелюбви к ней. Впрочем, время от времени я включаю Этюд-картину ми-бемоль минор и Прелюдию соч. 32 №12 (соль-диез минор) в исполнении Луганского и Ботвинова.

6.

Децл «Кто? Ты»

N3rdy: Позже были Децл и Эминем — просто я росла с двоюродным братом, и он, как и все мальчики тогда, слушал пацанскую музыку; но мне тоже нравилось. Децл был воплощением свободы и независимости от взрослых, голосом юного поколения. Да и прикид у него тоже был что надо, именно любви к нему я обязана появлением своих первых «труб».

7.

Spice Girls «Spice Up Your Life»

Костылев: А я рос со старшей сестрой, поэтому слушал не пацанскую, а девчачью музыку, такой вот у нас баланс. Я помню, что на меня большое впечатление произвел фильм «Спайс Уорлд». После я стал играть на гитаре — у меня была книжка с табулатурами. И вообще музыкой я стал серьезно заниматься именно благодаря гитаре. Раньше меня пытались научить в прогимназии (это школа плюс начальная музыкалка), и все прилежные детки учили сольфеджио, а я просто запоминал, как нажимать на клавиши. Кстати, первое, что я научился играть на гитаре, — тема из «Призрака оперы».

8.

Маркус Шмиклер «particle/matter-wave/energy»

N3rdy: Уже в зрелом возрасте мы столкнулись с авангардом и академом — четыре года назад попали в Риге на фестиваль Skaņu mežs, и там выступал Маркус Шмиклер. По кругу были расставлены восемь колонок, он стоял позади, и мы смотрели на компьютер. Было громко, с дикими частотами, болевой порог был пройден. Коля сидел и кричал, что не будет это слушать, потому что его перепонки лопнут и он не сможет писать музыку. Но я его успокоила, объяснив, что Шмиклер явно все продумал.

Костылев: Когда я все это принял, то, конечно, … [остался под впечатлением] немного. Потом, как оказалось, за этим всем стоял крутой концепт: все звуковые дорожки в композиции были записаны с помощью математического пересчета траекторий движения галактик. Звук самой природы, обволакивающий.

9.

Анна Мередит «Heal You»

Костылев: Если говорить об академе, то у меня к нему особое отношение. Сначала я его ненавидел, затем начал изучать и полюбил, а затем снова возненавидел. Сейчас мне просто не нравится эта система. Мне академизм в принципе не нравится, он подавляет художника. Но мне нравятся несколько современных композиторов, например Анна Мередит.

N3rdy: Я тоже ее когда-то слушала. Мне по душе, что у нее есть произведения, полностью построенные на голосе или на дыхании. Меня всегда, в отличие от Коли, интересует вокал, поэтому мне такие эксперименты близки.

Нейро-монах Феофан

На странице слева: Феофан; на странице: слева напрано Николаи, Медведь

Нейро-монах Феофан

Нейро-Феофан

Слава «Нейромонаха Феофана» пока неравномерна: он выступает на фестивале Kubana и собирает большие клубы, но музыкальная индустрия видит в нем всего лишь удачный мем. На концертах разодетые в народные рубахи и венки зрители пляшут под драм-н-бейс, подложенный под баладаечные мотивы. Наиля Гольман встретилась с исполнителем, чтобы проверить его образ на прочность.

Первое интервью в истории группы проходит в Петербурге. Феофан — высокий, задумчивый, с широкими плечами и звучным голосом. Его диджей Никодим — пониже, повеселее и с большим удовольствием разговаривает про практические стороны дела. У обоих на лицах пышные накладные бороды, оба заказывают чай с чабрецом и отдельно — мед (который спустя полтора часа разговора останется почти нетронутым). С ними — медведь, которого в материале описывать запретили.

Словарь Феофана

Анонимность
принципиальное решение. Музыканты не показывают лиц и не называют имен, чтобы не отвлекать слушателей от собственной музыки.

Асмодей
злой демон, покровитель блуда, разврата и мести. Впервые встречается в Талмуде, впоследствии — в средневековой и современной литературе. Феофан противостоит Асмодеям. «Понимаете, это образ собирательный. Мы не тыкаем пальцем на какие-то конкретные вещи. Асмодеи — это и люди, и явления. То есть все негативное. Если послушать эту песню («Асмодеев на кол», один из главных хитов «Нейромонаха». — *Прим. ред.*), то вы не найдете там конкретных указаний, кто эти и что это. По сути — это то, что противостоит свету (см. Свет)».

Зело
очень. «Давайте это слово в словарь вставим. Мы его в текстах используем — люди спрашивают».

Лапти
обувь, в которой стоит плясать под старорусский драм. (Слушайте песню «Лапти разбить об пол». — *Прим. ред.*) Некоторые посетители концертов это знали и изначально ходили на концерты в лаптях — они и попали в клип «Поле притоптать», после того как группа связалась с ними в «ВКонтакте».

Накладные бороды
одна из трех вещей, которые Феофан и Никодим принципиально не обсуждают. Остальные две — религия и политика.

Свет
то, что Феофан несет своим творчеством. «Есть люди, которые несут позитив. Это другое. Позитив — это конкретно «ха-ха». А свет — наполнение энергией. Не чтобы рассмешить, а чтобы вдохновить и порадовать. Это и счастье, и позитив в том числе, но свет — более емкое понятие. И оно абсолютно точно не означает «покой». Свет — это движение».

Сергей Шнуров
человек, чей пост про Феофана в инстаграме этим летом набрал 20 000 лайков и прибавил группе популярности. Вот подпись, которая его сопровождала: «Наконец-то появилось то, что достойно внимания. Актуальный, как ламинат, имитирующий дерево, музыкальный проект — «Нейромонах Феофан». Вижу, чувствую потенциал чего-то невообразимо большого. Словно ядерный гриб, выращенный на садовом участке в зоне рискованного земледелия садоводом-любителем, «Нейромонах», надеюсь, прорвет парниковый полиэтилен настоящего. Аминь».

Ядреность
образ жизни. «Это нам проще показать на концертах, объяснить труднее — слово такое емкое, что можно научную диссертацию писать. Ядреность — состояние, в котором человек полон через край позитивной энергии. Синонимы — задор, бодрость, прыткость. Проявляться может в абсолютно любом деле.

У вас есть легенда?

Никодим: Есть. Могу рассказать про себя. Вернее, про Никодима. Городской житель, который утомился от происходящего. Занимался музыкой довольно долго и умело. Но немножко устал и решил обратиться к природе. Ушел в лес. Иду, вдруг слышу — музыка доносится чудесная. Ритм такой, что энергия начинает сочиться. Прям тянет туда. Подхожу — и как раз встретил Феофана. А там и медведь чуть позже подтянулся. Посидели, выпили меду, чаю. Я послушал песни Феофановы, которые он уже к тому моменту написал, предложил какие-то свои идеи, познания музыкальные вложил, и вот что получилось, то и видим на концертах-то на наших первых.

Природа вдохновляет. Сидишь на пне, смотришь в небо. Вдруг раз — пришла идея. И мы нашли такой выход — соединить балалайку и драм. По энергетике они схожи. По посылу

А у Феофана какая история? Когда он попал в лес и как написал там песни?
Феофан: История попадания в лес — тайна покрытая. Никому не рассказываю. Но можно догадаться — разобщение с людьми в социуме, как это обычно в жизни и бывает. Я вообще человек нелюдимый, были периоды, когда подолгу не видел людей. Это не значит, что общения совсем не было, — лес я обожаю как раз за то, что там нет никого, но общение все равно происходит. С каждым деревом свои взаимоотношения. Оно может тебе что-то подарить, может сделать тебе плохо. И там, в этой тишине, когда нету никакой спешки, когда никто не гонит никуда, чувствуется единение со всей планетой. Собственно, за счет этого и родилась моя идея. На бегу она бы не родилась. Потому что быстрый городской ритм от тебя что-то требует. А когда от тебя требуют, творчества обычно не очень много. В спокойном же состоянии — тогда, конечно, совсем по-другому.
Никодим: Природа вдохновляет. Сидишь на пне, смотришь в небо. Вдруг раз — и пришла идея. И все, и как это объяснить. Да никак это, наверное, не объяснишь. Так что конкретной причины не было: просто делать то, что уже делали, — неинтересно. Мы нашли такой выход — соединить балалайку и драм. По энергетике они схожи. По посылу.

А где именно точка соприкосновения?
Феофан: В сочетании красоты и энергии. Если бы была в древнее время возможность сделать такие рваные громкие биты, то, что мы делаем, появилось бы именно тогда. Тогда ритм, конечно, не считали, но разницы мало. Посмотрите на танец драм-степ. На YouTube очень любят накладывать народные русские танцы на эту музыку. Несведущий человек может не сразу и отличить: правда это или не правда. Все корнями оттуда идет. Вот есть балалайка — струнный инструмент, на ней часто играют динамичную музыку. То же самое — драм-н-бейс. Он несет просто колоссальную энергетику. Если попробовать постоять у нас на концерте рядом со сценой, вы почувствуете…
Никодим: Если попробовать там постоять, то постоять у вас не получится, вот что я скажу. Народная музыка обладает большой энергией, она сама по себе очень энергична. А когда эта энергия усилена драм-н-бейсом, тут уж держите меня семеро. Я на первом концерте пробовал стоять за диджейской установкой, не выдержал, сорвался в пляс, побежал на край сцены, так с тех пор и делаю. Можно сказать, что музыка изначально всем управляет — и нами в том числе.

В каком-то смысле драм-н-бейс — тоже народная музыка. Приводит людей в зале к общему знаменателю.
Феофан: Есть люди, которые почти не смотрят на сцену на концерте, просто танцуют. А есть люди, которым важно посмотреть, что там происходит. Поэтому мы стараемся насытить соразмерно музыкальную составляющую и визуальную. Многие вот выступают на фоне баннера, а мы стараемся сделать как-то поинтереснее. Так мы проявляем свое уважение к слушателям. Мы понимаем, что стоять на сцене с микрофоном, не шевелясь, на темном фоне и просто играть музыку в нашем случае мало. Не потрудиться, чтобы передать всю мощь придуманного образа, — это неуважительно. Поэтому мы стараемся захватить на концерте все чувства.
Никодим: У нас витражи, пляски, визуализации, посох с лазерными лучами, мóлодцы с топориками. Медведь. Мóлодцы, кстати, сами к нам пришли однажды на концерт, мы их и взяли. Мы свою программу постоянно дорабатываем и к публике прислушиваемся очень внимательно. Ходим, бывает, перед концертом без костюмов в толпе — слушаем, кто что рассказывает.

Вы много говорите про концерты, но начали ведь далеко не с них. Когда вы увидели впервые, как зал под вас пляшет?
Феофан: В этом году. До этого я сам записывал песни, еще с 2009 года. Года полтора назад Никодим в лес забрел — мы все старые песни перезаписали (альбом почти целиком состоит из них), написали и несколько новых. А вот потом уже и стали выступать.

Что почувствовали?
Феофан и Никодим (одновременно): Поняли, что делали все правильно!

Вам пишут люди? Много?
Никодим: Люди просят новых песен.
Медведь: Очень много непрочитанных сообщений, к сожалению, на все ответить нет возможности. Там несколько десятков тысяч висят. Мы и решились-то на первый концерт только потому, что люди просили.

Для вас с самого начала было важно сохранять инкогнито. Почему так?
Феофан: Потому что главное , что мы доносим, — эмоции и музыка. Персонализировать эти вещи смысла никакого нет. Вот как в стихотворении, знаешь? «Не стоит лезть за декорации». Мы очень любим то, что делаем. И видим, что людям тоже нравится. Иногда, конечно, спрашивают… но большинству не нужно это. Смысл в том, чтобы не рассеивать внимание. Понятно, что, если кто-то очень сильно захочет, он про нас больше узнает. Но даже если узнает и напишет у себя на странице в социальной сети, опять-таки большинству будет наплевать. Есть образ, он людям нравится. Это как сложно написанный стих. Каждый читает — и свой смысл находит. Зачем отнимать этот смысл у того, кто его нашел. Мы сознательно избегаем конкретики, потому что конкретика для кого-то верна, а для кого-то нет. Она сбивает с истинного смысла. Общее понятие и является самым правильным.

Мы стараемся захватить на концерте все чувства. У нас витражи, пляски, визуализации, посох с лазерными лучами, мóлодцы с топориками, Медведь

Трудно сохранить анонимность, когда становишься популярным.
Феофан: Ну жизнь-то, в принципе, все время течет и меняется. Мы не знаем, как оно там будет. Мы можем акцентировать внимание только на настоящем. Сегодня — анонимность. А через год, глядишь, будем бегать везде, раздавать интервью, со всеми фотографироваться и целовать в уста сахарные.

Не могу не спросить: на сколько концертов хватает одной пары лаптей?

Никодим: Есть лапти разных мануфактур!
Феофан: Есть лыковые, есть берестяные. Берестяных хватило на восемь концертов. А лыковые живы по сей день. Мы же не бутафорские покупаем, а у мастеров заказываем.

Сами не присылают еще — в качестве сувенира?
Медведь: Не. Иван-чай присылают зато. А вот лапти покупать — очень большая морока. Мы в Москве и Петербурге уже все скупили, какие нашли. Очень мало мастеров. Сейчас вот мне идут лапти из Томска, парную заказали. Знаете, что здорово? Люди на концерты стали в лаптях ходить. В группах у мастеров перед концертом шквал сообщений: «Куплю лапти». Очень большой спрос. Думаю, это большая проблема для наших слушателей — трудно лапти раздобыть.

Надо прокат лаптей устроить.
Медведь: Хорошая идея.

Антоха МС

Антон Кузнецов иногда берет в руки трубу и расхаживает по району в зеленом пальто с меховым воротником, размышляя, как уничтожить все компьютеры на планете, а ее население облачить в спецодежду, чтобы наконец-то мы обратили внимание на действительно важные дела — дружбу и любовь, например. Михаил Левин отправился на юго-восток Москвы, чтобы познакомиться с хип-хоп-проповедником спальных районов.

Вот уже двадцать пять лет сквозь единственное окно в комнате Антона Кузнецова на него смотрят десятки тысяч людей, крепко застрявших, как и он, в кубиках бесконечных многоэтажек московского района Зябликово. Но в день, когда я с ним познакомился, вид за стеклом вселял нечто вроде надежды: облака — своим отсутствием, деревья — желтизной, дома — идеальным прямоугольником. Типовой пейзаж массовой застройки настраивает Антона на созидательный лад, хотя недавно у него появились вопросы непосредственно к самому окну — оно, по его словам, загрязняется и всячески худится, а самое досадное — из него дует. Однако Антон задумал апгрейд. Купленный утром в универсаме поролон лежит разрезанным на тонкие оранжевые полоски, которые скоро разбухнут в фурнитурных щелях. Квартирные реновации! Про них Антон говорит охотно и без запинки, как и про любое «дело» — будь то плотничество, скейтбординг или объединение человечества в едином продуктивном порыве. Что он не считает «делом»? Все, что, на его взгляд, неконструктивно, негативно и лишено светлой цели. Мои вопросы, например.

«Почему тебе не нравятся компьютеры?» — спросил я в нашу первую встречу, откинувшись в аквамариновом кресле на колесиках, собранном Антоном из обломков старой мебели. Старый массивный монитор, таинственным способом прибитый к неотесанной деревянной доске, с жалостью глядел на меня из угла комнаты. «По этому поводу желаю сказать следующее. Ты когда-нибудь встречал людей, которые приходили бы к тебе в гости со словами: «Привет, знакомься, это мой любимый компьютер Кеша»?» — сказал Антон, выдав резким поворотом туловища легкое нетерпение.

— Строго говоря, да, приходилось.

— Лучше бы спросил, хочу ли я уничтожить все компьютеры и телефоны на Земле. Вот это было бы интересно.

— А ты хочешь?

Антон замолчал, а я заерзал, раздумывая, насколько мои вопросы были глупыми. Прежде чем вступить с ним в диалог, важно знать одну деталь — иногда он притворяется, что вы ему ничего не говорили. Это раздражение, эпатаж или рассеянность? Неизвестно. Но в такие моменты он безмятежно отворачивается в сторону, а вы внимательно разглядываете его впалые щеки, перегородку треугольных усов, немного хитрую улыбку, незамысловато подстриженные каштановые волосы. Потом вдруг Антон посмотрит на вас голубыми глазами с небольшими перпендикулярными морщинками в уголках и выдаст что-нибудь максимально не связанное с обсуждаемой темой. Скажем, предложит совместно заняться гимнастикой. Ведь зарядка — это дело.

Но главное дело Антона — это музыка.

Антоха МС, одетый в синюю строительную спецодежду, ловко запрыгивает

В руках труба — отличительный знак Антохи МС и лучший музыкальный компаньон

на стоящий на сцене «Китайского летчика Джао Да» крошечный столик. Это наша вторая с ним встреча, и она проходит в одностороннем режиме — так ему явно удобнее. Под уютный хип-хоповый ритм Антоху МС обволакивает разношерстная толпа: молодая художница из Лос-Анджелеса, не опускающая видеокамеру отчаянная фанатка из Петербурга, несовершеннолетний андрогин с длинными ресницами из Москвы, тинейджер-переросток из Видного. Когда Антон начинает танцевать, скованные в обычной жизни конечности обретают странную свободу, превращаясь в гуттаперчевое облако жестов, из которого в разные стороны периодически вылетают кроссовки и кисти рук.

Из темноты зала на Антона серыми глазами смотрит его девушка Марианна: светлые волосы едва прикрывают плечи, на широком лице сложный набор эмоциональных ингредиентов — теплота, ирония, усталость. «На сцене он свободнее, чем в жизни. Вообще никогда не волнуется перед выступлением», — говорит она. Если считать перерывы, Марианна встречается с Антоном четыре года, фактически с начала его музыкальной карьеры, когда он еще выступал в небольших арбатских клубах вместе с другими русскими рэперами и тусовался с граффитчиками. Совместные песни и друзей-приятелей из тех времен Антон тоже обсуждает с неохотой. Не дело, чепуха.

Сегодняшний концерт Антохи МС больше напоминает христианский госпел. «Выше, выше, руки вверх подними! Музыкой, музыкой улыбку на лице получив, ты посмотри, а как прекрасен этот мир», — под разные аранжировки, на разный лад поет он. В руках труба — его отличительный знак и лучший музыкальный компаньон. Иногда он под бит отправляется в зал танцевать с людьми, где настолько забывается, что промоутеру приходится его отлавливать: «У тебя еще две песни». Как хороший стэндап-комик, он общается с залом и даже выводит фанатов на сцену танцевать вместе с ним. Это тщательно срежиссированное выступление, а не просто презентация песен. Шоу, которое блестяще играет на эмоциях, не хуже бизнес-тренингов и речей сайентологов.

Удачи, если захотите поставить музыку Антохи МС в современный российский или иностранный музыкальный контекст. Он не скрывает своей любви к Михею, но в остальном кажется полностью автономным.

— Что из современной музыки тебе нравится?

— Из современной… У нас есть на районе гитарист Семен. Вот он неплохой музыкант.

Затейливая улыбка как будто скрывает подвох. Его концерт — это не только танцы на табуретке, труба и простые жизнеутверждающие истины. Это фанковый звук, как у группы Jungle, это мрачный гулкий бас, как на последнем альбом Jamie xx. Но Антоха создает герметичный мир, где источник главного знания — только он. И, как у любого хорошего проповедника, у него есть своя драма.

Всю жизнь Антон живет в десятиметровой комнате большой квартиры. У него шесть братьев и сестер, но в общем пространстве он старается появляться редко: у себя он не только спит, но и готовит, и стирает, и сушит белье. Тесные стены кельи педантично увешаны инструментами: зеленая дрель, две трубы, желтый шу-

Антоха МС

руповерт, синтезатор, стамеска, черный аккордеон, напильник, балалайка. Все книги в шкафу перевернуты корешками внутрь, пряча от читателей свои названия, так чтобы, по словам Антона, «заставлять тебя брать их в руки». Пианино одновременно играет роль и лестницы, ведущей на самодельную двухэтажную кровать, и разделочной доски для еды, и подставки для толстого самовара. Все здесь подчинено необычным инструкциям и подробному расписанию, которые Антон старательно записывает на листы бумаги, пришпиленные к канцелярскому планшету цитрусового цвета. Главным символом его изоляционизма является белый контейнер из пенопласта, чтобы переносить скоропортящиеся продукты в общий холодильник.

Про отношения с близкими Антон предпочитает не распространяться. По словам Марианны — кажется, единственного по-настоящему близкого человека Антона, — родственники не одобряют его профессиональный выбор. Последний раз мама Антона, Надежда Викторовна, была на его концерте около года назад. Она собиралась прийти на последний, чтобы оценить «прогресс» сына, но в результате так и не появилась.

Надежде Викторовне, как и любой маме, наверное, хотелось, чтобы сын не бросал второй курс медицинского лицея и получил диплом. Но Антон не занимается тем, что хочется другим, — так как другие не всегда знают, что есть «дело». Может быть, поэтому после выхода оптимистичной пластинки «От всей души» Антон на три года замолчал. Нужно было разобраться, структурировать любовь и интерес слушателей, записать все в цитрусовый планшет. Появившийся минувшей весной альбом «Все пройдет» хоть и несет добро, как и первая запись, но с признанием, что жить все-таки совсем непросто.

Через несколько дней после концерта Антон предлагает прогуляться по району. Перед выходом он кладет конфеты и другие угощения к себе в карман, из которого затем подкармливает собеседника. Пожевывая крошечные крекеры в форме рыбок, я продолжаю задавать вопросы. Про дело так про дело: «Почему тебе так нравится спецодежда?» Антон рассеяно отвечает: «Она простая. В ней много карманов. Это настраивает на продуктивность и на порядок. Я думаю, было бы здорово, если бы все ходили в спецодежде».

— Тогда все будут выглядеть одинаково, нет? Разве не круто выражать себя с помощью одежды? Носить яркие шарфы и шляпы? Быть эксцентричным?

— Надо провести эксперимент, походить всем немного в одинаковой одежде, а потом посмотреть. Тогда и станет ясно. Пока не очень понятно, как нам помогла вся эта эксцентричность.

Опять неловкость. Как может в 2015 году критиковать инаковость технофоб, играющий на трубе и называющий окрестности вокруг своего дома местностью? «Местность» Антона состоит из старой школы, потрепанной футбольной коробки, парка с утками, библиотеки и банка, в котором он исправно меняет рубли на доллары. Главная достопримечательность — памятник татарскому поэту Мусе Джалилю.

Из выложенного вокруг монумента мрамора колеса выбивают искру. Радикально сменив направление, скейтборд Антона бензопилой вспарывает площадь по диагонали. В глазах пары тинейджеров, собственников доски, одолживших ее на несколько минут, — легкая подозрительность. Но, как и на сцене во время концерта, суставы Антона избавлены от повседневной заржавелости. Несколько месяцев назад эстетичность его катания не оценила компания подвыпивших мужчин. «Им не понравилось, что он катается рядом с памятником. Завязался конфликт, они выкинули его скейт за парапет», — вспоминает Марианна. Когда я прошу Антона рассказать об этом случае поподробнее, он впервые за наше знакомство злится: «Я не буду комментировать. Это плохой сказ. Хороший сказ должен быть объединяющий, про дело. А ты приехал ко мне и про дело не говоришь. Поэтому нет и понимания между нами. Мы не находимся на одной волне и не кипим в едином русле».

Антон кладет угощения к себе в карман, из которого затем подкармливает собеседника

— А что такое дело, Антон?

— Веточки давать, плоды выращивать. Нужно формулировать цели — благородные, дельные, доступные, желанные, возможные. Нужно жить идеей. Задавать идею. А идея простая. Если прыгать, то не выше головы, а четко. Если прыгать, то соседу не мешать. Если прыгать, то энергию вырабатывать и соседу добавлять. Если прыгать, то вместе с соседом. Если сосед тебе при прыжках на голову наступил, то и от этого учиться пользу приобретать.

Он говорит монологами. Настоящий диалог случается только посредством телепатии — как на концертах с публикой или как с Марианной, когда они случайно забывают обо мне и начинают молча друг другу улыбаться и хихикать. А сейчас мы с ним сидим в тишине на лавочке в парке и, пытаясь нащупать точки соприкосновения, говорим о сходствах между музыкой и текстом. «Я хотел играть на каком-нибудь музыкальном инструменте, но всегда стеснялся. Если со словами тебе необходимо быть очень четким, постоянно формулировать, то музыка позволяет интуитивно воздействовать на самые неожиданные чувства, — сказал я и, поежившись несколько секунд от неловкой тишины, бесхитростно добавил: — Что скажешь?»

Антон прищурился мимо меня, обдумывая что-то важное. «Я устал, — и приподнялся с лавочки. — Хочу пойти на турнике повисеть, если ты не против». Забор из многоэтажек серии И-700А мешал садящемуся солнцу полностью осветить детскую площадку. На облезлой перекладине маятником раскачивался проповедник от хип-хопа спальных районов, постепенно уменьшая амплитуду, словно сорвавшаяся с часового механизма минутная стрелка. Влево-вправо, влево-вправо, влево-вправо, влево-вправо, влево-вправо. Наконец, проиграв гравитации, он спрыгнул на землю. «Попробуй. Помогает», — сказал он.

Forestеppe

Играйте на странных инструментах

Егор Клочихин из Бердска, он же Forestеppe, успешно возвращает фолк в фолктронику — помогают историческое образование и бережное отношение к старым вещам, поломанным игрушкам и прочему бесполезному в глазах остальных скарбу, который в руках Клочихина оживает и поет. Феликс Сандалов узнал, из чего сделана музыка Forestеppe.

За последний год для меня стала важной тема детства. Причем веселье и наивность, присущие этому периоду жизни, мне кажутся свойствами побочными, а главное — это искренность. Если вспоминать евангельские слова «Будьте как дети», то это вот та этика и эстетика — а для меня это одно и то же, ведь что морально, то и красиво, — это то, чего мне хочется достигнуть в Forestеppe. Когда я пошел учиться на историка, я думал одно — что они занимаются благим делом. Я увидел, что там куча везде всяких дрязг и ничего не спасает вообще от этого всего. Соответственно, если во взрослом мире в любом случае есть какая-то такая ерунда, то лучший способ — это оглядываться на свой детский опыт и стараться его не потерять. Это не о том, чтобы строить из себя ребенка, а о том, чтобы не притворяться, а быть тем самым человеком, который говорит, как в сказке Андерсена: «А король-то голый», только не про короля, а про себя. Главное в искренности — это умение сбросить все маски и ощутить свою суть.

Катушечный магнитофон

Я очень хотел себе такой магнитофон, и когда наконец его купил, то расстроился, потому что прислали мне его не в лучшем виде. Но разочарование улетучилось, когда на катушках, которые мне прислали как бонус, оказались записи семьи Косичкиных 1970–1980-х годов. Я все это оцифровал. Там были в первую очередь стихи и песни на разные праздники: дни рождения, 8 Марта, Новый год. Они жили в ГДР, и эта тема тоже проскальзывает: к примеру, Виталик, старший сын, оставляет аудиописьмо своему другу, где говорит, что купит ему немецких жвачек. Писались песни с радио, была еще катушка концерта с большого застолья, начиная с Галича и заканчивая каким-то, похоже, сочиненным ими самими полушансоном. Как историку мне это показалось любопытным, и я сделал из восьми часов записей получасовой микстейп. Получилась брежневская сказка о детстве и взрослении.

Кассетник

У меня был похожий кассетник, но этот я специально заказывал из Америки. В итоге он оказался большим и довольно бестолковым. Тем не менее я его переделал так, чтобы использовать как домашний фидбэк. С кассетами меня давняя история связывает, я с детства делал самодельные микстейпы «Клочихинрекордс». Конечно, винил круче, потому что в теории может работать вообще без электричества, но пленка подкупает своей одновременной хрупкостью и пластичностью. Да и сам формат максимально демократичный, что не может не нравиться.

Шарманка

Шарманка в виде мандолины. Если ее прокрутить, то она неожиданно начинает играть совершенно дескоровый диссонансный риф, запредельно жуткий. Очень странная вещь, похожая на те, что были у меня в детстве, но тогда они такими дикими не казались. Мне многие пишут и спрашивают, почему я не использую современные инструменты, почему я плагины не качаю из интернета. А вот именно по этой причине, потому что все живое — оно ненадежное и поэтому может удивлять.

Свистулька

Ее привезла моя подруга-филолог из Самары. Я на ней играю на концертах, а еще использовал в совместном с группой «231» альбоме сайд-проекта Mars 96, ребят, которые собрались для того, чтобы 96 альбомов записать и распасться. А в «231» есть маленькая девочка, дочка одного из ребят, она придумала свои стихи «А девочка в больнице как маленькая птица». Ну я на ходу птичкой насвистел и зациклил — получилось неожиданное включение. А вообще она для музыки не предназначается, это сувенир. То есть я победил ее дискурс.

Снегурочка

Это костромская снегурочка. Я купил ее, когда был в Костроме у Аполлона из «Комба БАКХ». Причем я купил две, а надо было три, потому что даже две звучали по-разному. Хоть это и заводская работа, их колокольчики отличаются на полтона, понятно, что никаким камертоном их не проверяют. И это очень здорово, потому что можно добиваться разного звучания. У меня в детстве были похожие по устройству неваляшки, да и у всех, я думаю, такие были. Для меня важно, что эти инструменты, сделанные в России, так или иначе близки нашему русскому слуху. Это естественно, для меня было бы странно ехать в Индию и покупать там какие-нибудь гамеланы, хоть мне по душе их звук. А вообще музыку часто находишь там, где вообще не ожидаешь: я вот недавно сидел дома, сочинял музыку, а рабочие стали чинить крышу, выбивать чистый фьюче-гэридж — такой, что даже Burial и не снился. Я, конечно, тут же диктофон включил и записал — вдруг пригодится?

Диапроектор

Мои бабушка и дедушка жили в Бердске, и я часто к ним приезжал смотреть диафильмы. Наверное, поэтому у меня и от города, и от диафильмов осталось ощущение праздника. А в этом году я сделал проект «Diafilms», где написал музыку для старых диалект. К слову, были же звуковые диафильмы советские — к ним в нагрузку шли пластинки, которые надо было включать, но, честно говоря, мне они не нравятся, там неприятная звуковая метка для синхронизации, как будильник. А названия я смешно переводил на английский: «You Should Know Where You're Going To» — это, на самом деле, сказка «Иди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что». Конечно, эта работа не была в чистом виде таперством, но все равно, если по сюжету звучала дудочка, то и мне важно, чтобы она была в треке. Звук шелестящей пленки я тоже для композиций записывал. Но вообще мысль сделать этот альбом у меня появилась тогда, когда мы собирались с друзьями и смотрели диафильмы под случайный аккомпанемент — просто ставили на вертушку какой-нибудь эмбиент и внезапно понимали, что он местами круто соответствует происходящему на простыне.

Forestеppe

Дудочка

Это дудочка из Вифлеема за один евро, которая непонятно что поет. Важно, что она именно из Вифлеема — Христос, пастухи, ясли. Как и многие мои инструменты, она не предназначена для игры, но и я не профессиональный музыкант, а единственный инструмент, на котором действительно могу играть, — это гитара. Что до подтекста, то да, я верующий человек, но напрямую, считаю, показывать это не обязательно. Это больной вопрос о том, как нас всех сейчас пытаются привести к Богу и что из этого выходит — как специалист по истории церкви могу сказать, что ничего хорошего. Но вместе с тем есть и такие прекрасные группы, как, например, «Комба БАКХ», в которых играет мой костромской друг Аполлон. Мы с ним совпадаем в том, чтобы показать веру не как инструмент пропаганды идей, а как способ раскрыть собственный потенциал.

Гусли

Это цитра, немецкий вариант гуслей с приделанным звукоснимателем. Купил на «Авито» рублей за восемьсот. Струны заводские, еще с 1970-х годов стоят, я ничего не менял. Одна, правда, уже порвалась — но это неплохо: вот чем ведь Уилльям Басински прославился? С одной стороны, тем, что запись его альбомов «Disintegration Loops» совпала с террористическими атаками 11 сентября 2001 года, а с другой — тем, что там все строится на бесконечных повторах и в процессе пленки буквально рассыпались у Басински в руках. Здесь есть похожий момент: инструменты проявляют человечность, постепенно приходя в негодность. Они умирают, потому что они живые.

Игрушечное пианино

Инструмент из серии тех, что продают с круглыми глазами и вопросом — вы что, правда будете на этом играть? В смысле — это чисто старьевщический товар, для интерьера. Тут очень странные интервалы, так что «Собачий вальс» на нем не сыграешь. Но он все равно полезен — и вообще здорово, когда инструмент тебе бросает вызов. Другая сложность в том, что я не умею играть музыку, которую придумываю, поэтому, принимая этот факт как технологическую данность, я просто клею из звуков то, чего хочу достичь. По факту, я занимаюсь самосемплированием, то есть работаю с акустическими инструментами как электронный музыкант. Если говорить о конкретном исполнителе, в плане метода на меня повлиял Caribou, причем даже не этот его проект, а раннее творчество, когда он еще назывался Manitoba. Это электронная музыка с совершенно живым звучанием — то, на что я ориентировался.

ЖИФФ

Слева направо сверху вниз: Андрей Жильцов, Дмитрий Митюгов, Александр Сизас

ЖИФФ

«Журналист из Фурфура», The Cold Dicks, «Секс на репточке» — жителю Обнинска Андрею Жильцову удается не только выдумывать для своих групп самые нелепые названия на свете, но и бескомпромиссно творить собственную биографию. Нина Назарова съездила к Жильцову в Обнинск и записала его монолог.

Мы изначально выбрали такую стратегию, что говорим про себя исключительно в превосходной степени. Это мы у «Соломенных енотов» позаимствовали — их лидер Борис Усов в каждой строчке сообщал, что они лучшая группа России. Ну и мы в молодецком угаре стали говорить, что The Cold Dicks — гениальный ансамбль и больше, чем музыка. Я всегда подчеркивал, что я играю в The Cold Dicks, с акцентом на The, понимаете? Публика через три года очухалась, и все стали писать, что «из хип-хопа, конечно, самое крутое — The Cold Dicks и «Ленина пакет», хотя по первости мало кто врубался.

У The Cold Dicks ни одного концерта трезвого не было, даже приблизительно. В какой-то момент уже азарт взял играть хуже и хуже. «Журналист из Фурфура» на более профессиональные рельсы поставлен. Наш гитарист Дмитрий Митюгов меня очень дисциплинирует в плане алкоголя. Мы сейчас ездили в Сибирь на гастроли, и он в туре мне разрешал пить до двенадцати дня, но я обычно не просыпался так рано, а потом до концерта только ноль пять коктейля, например джин-тоника. Чувство ответственности появилось, чего не было в The Cold Dicks никогда.

Помню концерт The Cold Dicks в Клубе имени Джерри Рубина, когда все вышли из зала, ноль людей был, реально. Даже звукарь подошел. «Ой, …», — говорит. Вот это крутанский гиг был. Еще как-то концерт на 29-й минуте прекратил бармен со словами «Не прошли цензуру бара», когда очень пьяный нойзер Артем Анипко снял штаны и играл на неподключенной электрогитаре. Когда мы как «Журналист из Фурфура» выступаем, мы, в принципе, нормальную программу делаем. А The Cold Dicks — это маргинальщина и упадничество. Еще один наш проект — «Секс на репточке» — угар. У нас на записи сыграл барабанщик Женя Позняков, а на лайвах его супруга выступает, которая учится играть только, но зато она по концепции школьного бэкграунда поддает. Такая очароваша, когда ее видят, всем … [чихать] на сбивки.

Отчеты с концертов мы шариковой ручкой в блокнот пописываем. Кстати, на самом деле большая проблема купить нормальный блокнот, чтобы он был величественный немного и не на один день. Я дико заморочился, но приобрел: не кожаная обложечка, но и не пролетарская. Социальные сети изжили себя, там все просят трэша и угара, а самому с собой надо где-то общаться. Вот и пришел к блокноту.

Накопившуюся информацию мы выплескиваем на страницах самиздат-журналов с названиями вроде «Вперед, быдло, вперед!» или «Семь причин для секса в подъезде». Я когда-то даже представлялся как издатель первого гейзина в России «Тромб Грибунина», он еще был с антифашистским четким месседжем. Помню, мы были в Самаре в туре, я дико набухался, опухший был, не влезал в зеркало. И пришло время из Тольятти уезжать домой. К нам подходят на вокзале мусора: «Откуда такие красивые едете?» — «Мы, вообще, хотели бы в Москву попасть». — «Ну пройдемте, пожалуйста». Они нас обыскали и нашли сначала книжку Д'Аннунцио, раритетное издание, мне наша поклонница Лена из НБП подарила. Мент смотрит: «Да, да, хорошо. Вот это сам читаю иногда». А потом достает фэнзин наш: «А это что за … [ерунда]?» Полистал, а там «Я начал ему отсасывать в ванной», такие темы. Он заинтересовался очень, говорит: «Братан, не по протоколу, дай почитать». Пошел, еще девулю какую-то из ментовской тусы позвал, и они начали изучать это спонтанно. Но я решил обставиться такой типа: «Мне подарили, я еще не читал, … [черт] знает, что за литература». Он нас дальше обыскивает, говорит: «Если у тебя и в трусах сейчас мерзавчик обнаружится, начну уважать тебя». А рядом стоял второй мент, он даже не в форме был. Спрашивает: «Ты полностью их проверил?» — «Раздевал, но типа так не досматривал». — «Я хочу этих лошков полностью проверить, выйдите все из зала». Он некий полный досмотр совершил, так что мы тогда даже вспомнили про группу «ПКМН» — «… какой мент неприятный» — и в полном объеме ощутили мощь названия. Да, дни сиротские были. Очень сиротские.

Если у тебя и в трусах мерзавчик обнаружится, начну уважать тебя

Содержанию мы отводим очень большую роль, не побоюсь этого слова — главенствующую. Мы просто не можем позволить себе размытые тексты непонятно о чем. Антикапиталистический, антибуржуазный настрой очень важен: музыка не для всех. При этом не обязательно упираться в избитые лозунги, политическая или социальная песня может быть изящной. Наша песня про ритуальное бюро — реальная история о моем знакомом, который в соответствующем учреждении работал, и в ней как раз есть антибуржуазный посыл, который заключается в том, что отрицание карьерной лестницы и успешной работы — это нормально! Полюби свое ритуальное бюро или отделение почтовой связи, научись выстраивать гармонию хотя бы там, и мир засияет новыми красками! Попробуйте найти что-нибудь похожее в песнях Motorama. О классовом разделении я вспомнил, столкнувшись в реальной жизни с вопросом, продолжать ли общение с людьми, у которых были проблемы криминального характера, наркозависимость или шизофрения? Я тогда совершенно четко осознал, что не вижу смысла существовать в обществе, где бы, например, неизлечимо больных списывали со счетов. И я думаю, что если бы каждый владелец трехкомнатной квартиры обращал внимание на тех, кто живет в общаге с престарелой мамой, наша жизнь складывалась бы по-другому.

Нас в Омске позвали на местное студенческое радио, и ребята решили а капелла исполнить композицию из проекта «Секс на репточке». Так ведущая не постеснялась в прямом эфире сказать: «Полный кал. Ублюдочное говно». Ну, кстати, после этого она дичайше следит за нами, пишет сообщения. Она такая: «К нам Mujuice приезжал, неплохо сыграл». Mujuice — вообще группа, которую мы презираем, ну петушиный стол. Мы с Дмитрием умеем себя поставить, сказать, что все говно, одни мы нормально играем. А в Обнинске нас старательно игнорят. Нет признания, так сказать, когда идешь по родной земле.

Кого мы любим? Dottie Danger, «Соломенных енотов», «Министерство любви», «Банду четырех». И «Химеру». И «Аквариум». Мы даже хотели сделать фотосессию — как на альбоме «Радио Африка», где стоит Гребенщиков, а позади две голые женщины, с нашей музой Наташей Фельдшер. Это моя бывшая любовь, она на скорой работала, я даже уточнял, в каком именно районе Москвы надо, чтобы тебя отмудохали, чтобы точно она приехала. А вместо БГ музыкальный журналист Максим Динкевич должен был стоять. Но не дошло как-то до воплощения. Ладно, все, мы сейчас отделение милиции пройдем, и там кафе будет.

Убийцы

Слева направо: Виктория Чехова, Алексей Перваков

Убийцы

Не расстраивайтесь из-за мелочей

Быть молодым музыкантом накладно. В упрек группам охотно ставят разрушения, которые они несут своим появлением на сцене, но мало кто принимает во внимание потери, которые терпят сами артисты. «Афиша» провела учет доходов и расходов электропанк-группы «Убийцы», сыгравшей за три квартала 2015 года около 30 концертов. Цифры приблизительные.

Доходы

Заработали на Boomstarter (после уплаты налогов) ..... 42 000 р.

Продажа скейтборда с портретом вокалистки Вики Чеховой. ..... 5000 р.

Продажа компакт-дисков с ручным оформлением. ..... 5000 р

Продажа кассет. ..... 5000 р.

Гонорар за концерт (около 30 концертов за отчетный период). ... 5000–15 000 р.

Итого: 357 000р.

Расходы

Новый грувбокс ..... 30 000 р.

Порвал штаны ..... 3000 р.

Потеряли ботинки Ecco ..... 8000 р.

Разорвали футболку ..... 1000 р.

Забыли зимние ботинки в автобусе ..... 5000 р.

Утратили две карточки Сбербанка ..... 300 р.

Парка Mango ..... 7000 р.

Блокнот Moleskine ..... 1000 р.

Две золотые цепочки ..... 100 000 р.

Потеряли три зарядки от айфона ..... 6000 р.

Ветровка из секонд-хенда ..... 500 р.

Блок питания Korg EMX 1, ломался два раза ..... 1600 р.

Ветровка из секонд-хенда ..... 500 р.

Шарф ..... 400 р.

Итого: 164 300р.

Над номером работали

Авторы

Наиля Гольман
Михаил Левин
Артем Макарский
Нина Назарова
Андрей Никитин
Феликс Сандалов
Даниил Трабун

Экспертный совет

Борис Барабанов
Георгий Биргер
Александр Горбачев
Юрий Катовский
Глеб Лисичкин
Николай Редькин
Максим Степаков
Александр Тимарцев

Фотографы

Мария Демьянова
(Pharaoh, Андрей Митрошин)
Иван Кайдаш
(Mana Island, Hellspin)
Игорь Мухин
(«ЖИФФ»)
Эрик Панов
(Ic3peak, «Убийцы»)
Евгений Петрушанский
(«Нейромонах Феофан»)
Гоша Рубчинский
(Антоха МС)
Феликс Сандалов
(Foresteppe)
Богдан Словягин
(«ЛСП»)
Саша Mademoiselle
(«Буерак», «Вхоре», Foresteppe)

Стилист

Настя Баташова

Ассистент стилиста

София Долина

Визажисты

Александра Агапова
Мария Ефременко

Вещи

Asos
Casadei
H&M
Items
KM20
Monki
Walk of Shame

РЕКЛАМА 16+

Harper's BAZAAR

МОДА BAZAAR ART КРАСОТА ШОПИНГ СВЕТСКАЯ ХРОНИКА СТИЛЬ ЖИЗНИ

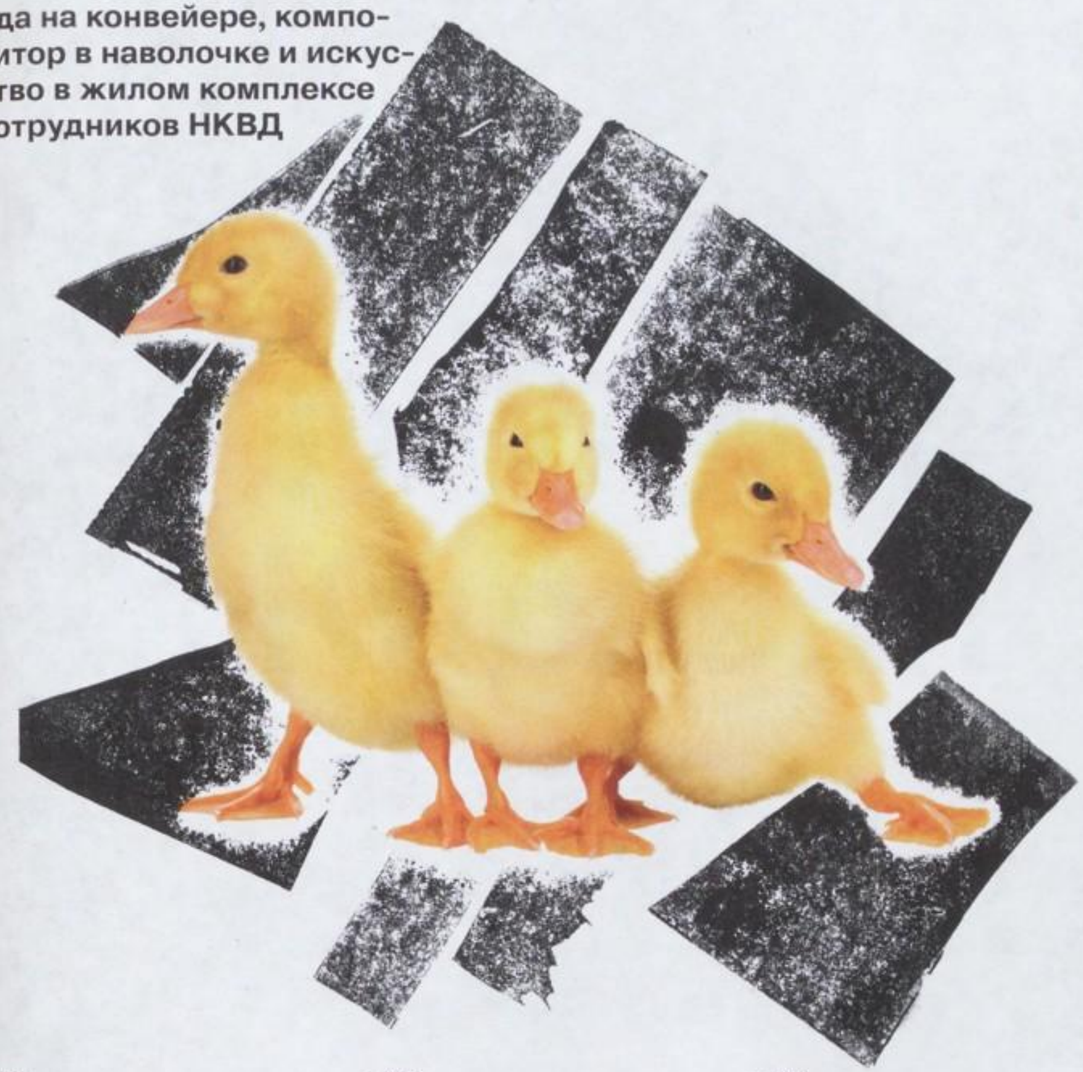
ГЛАВНЫЙ САЙТ О МОДЕ

www.bazaar.ru

/ HarpersBAZAARRussia @harpersbazaar_ru /harpers_bazaar /harpersbazaarr

Еда на конвейере, композитор в наволочке и искусство в жилом комплексе сотрудников НКВД

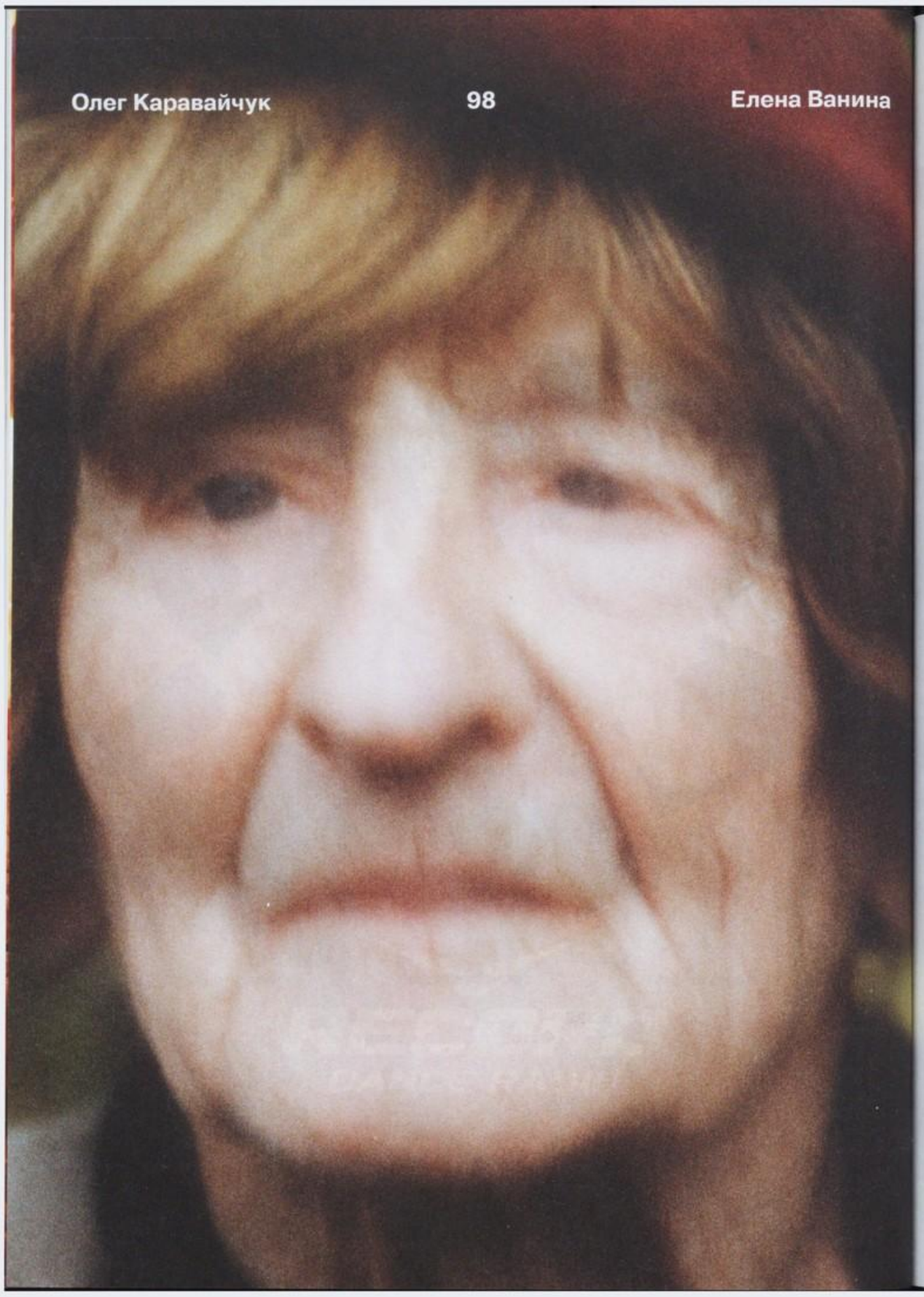
с. 98 — Побег из Каравайчука

с. 110 — ЧК this out

с. 120 — Пророчество майо

с. 128 — Фотоистория. А я томат

с. 144 — Как это было

Побег из Каравайчука

Фотографии
Анна Шиллер

Продюсер
Алла Мельникова

Композитор, затворник, энциклопедист, человек со скверным характером, импровизатор, городской сумасшедший, миф. Олег Каравайчук — одна из самых загадочных фигур музыкального мира, хотя он никогда не считался великим новатором. Елена Ванина провела с ним несколько дней и попыталась разобраться, как устроена его вселенная.

Обычный петербургский день. Разве что слишком солнечный. За столами ресторана «Полет» на улице Пестеля редкие посетители доедают свой ланч. Мужчина за тарелкой с салатом кричит в трубку что-то о срочной сделке. Блондинка в голубом наряде рассказывает подруге о том, что звонить первой — это признак слабости. Массивные черные столы, белые скатерти, по стенам — шкафы с винными бутылками. В глубине помещения величественный черный рояль, даже сквозь закрытую крышку которого звучит история.

— Я здесь играть не буду. Это что такое? Я? Посреди бутылок?

Певучий голос разрезает ресторанный гул, как тонкое лезвие. Напротив рояля в пятне света стоит крошечный человек. Такой маленький и хрупкий, что кажется, это статуэтка или ребенок, который ради смеха напялил на себя одежду на пару размеров больше. Бесформенная куртка, под ней вязаный коричневый жилет, черные брезентовые штаны, бордовый берет, из-под которого выбиваются длинные рыжие волосы. Композитора Олега Каравайчука последние тридцать лет на улицах постоянно принимают за старушку. Еще про него часто с придыханием говорят — «гений». Но даже большинство из тех, кто слышал его фамилию не раз, знают его как экспрессивного композитора, который играет на рояле в наволочке на голове, выглядит как пожилой андрогин и часто кричит на публику. Какую именно музыку он играет, разбираются немногие.

«Это все нужно убрать,— указывает Каравайчук на столы, стоящие рядом с роялем.— Иначе я просто встану и всех убью». Посетители косятся на странное бесполое существо, затем на сотрудников ресторана. Те делают вид, что ничего не происходит. «Ну вы хотя бы попробуйте. Сядьте за рояль,— аккуратно уговаривает Каравайчука его звукорежиссер Борис, без которого не проходит ни один концерт.— Не понравится — уйдете». Руки скрещены за спиной, походка стремительная. Через секунду Каравайчук уже начинает играть и тут же забывает и о кафе, и о гремящей на барной стойке кофемашине, и о людях, которые снимают его на мобильные телефоны. Кажется, в этом теле сейчас живут только пальцы, которые легко и свободно летают по клавишам. Постепенно вслед за Каравайчуком замирает и публика. Как будто от этого крошечного человека исходит такая сила, что музыка незаметно захватывает тебя изнутри.

Биография композитора Олега Каравайчука — почти что сборник «Мифов и легенд Древней Греции», хотя и в них, кажется, больше исторической правды. Родился в 1927 году в Киеве, первое произведение написал в два года, когда отца арестовали и отправили в лагерь, ребенком снялся в фильме «Волга-Волга», играл перед Сталиным, который якобы так растрогался, что подарил малышу белый рояль, дружил с Шостаковичем и учился у Рихтера. Позднее устроил скандал на выпускном экзамене в консерватории и потом на десятилетия лишился доступа к большой сцене, дружил

с Курехиным и Параджановым, написал музыку для ста пятидесяти фильмов.

«Я обычно писал картину за два дня до ее сдачи в худсовет. Садился за рояль и прямо сразу — раз. Некоторые фильмы даже до этого не смотрел»,— рассказывает Каравайчук. Сейчас он любит говорить, что работал в кино только ради денег, чтобы была возможность дома заниматься своей музыкой. После нескольких скандальных выходок в консерватории и на концертах Каравайчука перестали пускать на большую сцену.

«Ленконцерт» был очень бюрократической и очень выстроенной структурой»,— рассказывает композитор и музыкант Владимир Волков. Он познакомился с Каравайчуком через Сергея Курехина, а потом работал с ним на фильме «Дикие лебеди»: «Если ты вне этой машины, тебе не на что рассчитывать. Ты должен быть концертирующим артистом, у тебя должна быть тарификация, ты должен пройти несколько комиссий в концертных организациях. А Каравайчук явно находится вне социальной системы».

Каравайчук оказался запертым на киностудиях почти на 30 лет. Это была целая эпоха. «Короткие встречи» и «Долгие проводы» Киры Муратовой невозможно представить без его музыкального ряда, порой рассказывающего даже больше, чем люди на экране. Ради такого эффекта Каравайчук готов был пойти на неочевидные для многих советских музыкантов шаги.

«Я их учил импровизировать,— Олег Каравайчук размахивает руками в воздухе, будто и сейчас продолжает дирижировать.— У них были ноты, но я показывал им интервалы, паузы. Они играли по моим рукам. Поэтому моя музыка для кино — очень свободная».

«Фрагмент с моим участием создавался поэтапно,— вспоминает Волков.— У меня была импровизационная часть, а контрабасисты академического оркестра филармонии были вынуждены раз за разом играть одну фразу, написанную схематически Каравайчуком. Он при этом просил их принимать некие гимнастические позы, чтобы добиться нужного звука».

Все потому, что Каравайчук стремился добиться в музыке какой-то новой эмоциональности. Убрать голову и включить сердце, точнее — даже не сердце, а энергию, которую ты способен уловить. «От головы» — всегда было самым худшим эпитетом для Каравайчука. В привычном смысле слова он никогда не хотел быть новатором, потому что новатор отрицает старую систему координат и создает новую. Каравайчук же пытался доказать, что можно действовать без опор, без ритма, без четко уловимых границ.

«Мне часто говорят, что это не я играю, а мой стул. Потому что моя музыка сочиняется сама по себе, я только даю ей выйти наружу. Это же такая вещь, ее трогать нельзя. А те, кто считает, что знают, как надо,— у них в голове полиомиелит. Я просто делаю так (*Каравайчук взмахивает пальцем*) — и рояль сам играет»,— рассказывает композитор с улыбкой, по-детски радуясь своей речи.

«При этом каким-то магическим образом на «Ленфильме» Олег Николаевич обладал безусловным авторитетом. Было абсолютно непонятно, как он этого добивался. Но там выполнялись все его прихоти»,— говорит Волков. Открыто враждебному отношению бюрократов мешал миф о сумасшедшем композиторе, который все более плотной пеленой накрывал Каравайчука. Он всеми силами этому способствовал. «Все анекдоты о его способах работы позволяли ему, да и позволяют до сих пор комфортно существовать в нише, которую он выбрал»,— добавляет Волков.

«Олег Николаевич, мы вашу музыку вывели на улицу»,— говорит, наклонившись к Каравайчуку, Борис. «А, ясно»,— не реагирует композитор. Рояль, на котором он играет,— его собственный. Инструмент специально привезли для концерта из Комарово. Но поставь этот рояль на вокзальной площади — Каравайчук сыграл бы и там. Внезапно он отрывается от инструмента и смотрит перед собой: «Сложно тут играть. Везде тарелки дохлые. И люди дохлые. Или скоро будут дохлые. Живет только искусство и вымысел. Все».

До концерта остается несколько часов, и никто, включая самого Каравайчука, не знает, состоится ли он. «Олег Николаевич, если что, я на всякий случай взял наволочку»,— говорит Борис. «Нет! Наволочку не надо»,— резко парирует Каравайчук. Несколько лет назад он придумал играть в наволочке, чтобы не обращать внимания на мешающую ему сосредоточиться публику. В итоге наволочку запоминали гораздо лучше музыки.

«Выйдите хотя бы ненадолго. В городе слышно, как вы звучите»,— не сдается Борис. Каравайчук встает и выплывает на улицу. Солнце прыгает по окнам домов, прохожие оглядываются, пытаясь понять, откуда несутся мощные звуки рояля, в которых как будто бы слышны и скрипки, и виолончель. Каравайчук улыбается: «Я нарушаю ритм. Раз-раз. И в итоге меняется все: улица, время». «Все, теперь я поехал домой. Мне нужно отдохнуть»,— резко обрывается он и стремительно исчезает. Побег — один из главных лейтмотивов его публичного поведения.

«Я когда-то для себя сформулировал, что Каравайчук — это человек отказа. Не прийти

на концерт. Прийти и не сыграть,— рассказывает музыкант и музыкальный критик Дмитрий Ухов.— Лет двадцать назад его попросили написать музыку для балета. Он не успел, пришлось нанять другого автора. В последний момент Каравайчук позвонил и попросил снять его имя с афиш. Когда с ним стали спорить, он сказал: «Хорошо, тогда мой псевдоним — Федор Отказов». Так вот, отказ — это его цель. И в этом смысле Каравайчук — человек контркультуры». Если понимать контркультуру как отрицание норм, то Каравайчук, кажется, принадлежал к ней с самого детства. Вундеркинд, без проблем поступивший в консерваторию по классу фортепиано, почти сразу перестал там появляться. «Понимаете, я мог учиться только до тринадцати-четырнадцати лет. Потом я даже к профессору по роялю не ходил,— вспоминает Каравайчук.— Видно, Сальери точно заметил про Шуберта, когда тот поступил к нему в ученики: «Ему Бог дал все, чему мы учим. Зачем я буду это портить?» Но если в советское время поведение композитора воспринималось как сумасшествие или странный каприз, то с предчувствием перестройки отношение к нему резко изменилось.

«Наступило время, когда реальность начала собираться из новых составляющих. И в этом времени он стал плавать — как рыба в воде. Он нашел себя, свое естество. Стал легендой»,— рассказывает композитор Владимир Раннев.

На смену высеченным в камне ценностям Советского Союза пришла тотальная полифония. Чем сильнее художник отличался от окружающих, тем больше он был интересен. Каравайчук наконец стал героем своего времени. Фигурой, которая воплощала эти перемены чуть ли не ярче всего. Недаром его постоянно сравнивают с Курехиным — другим символом той эпохи. Курехин невероятно ценил Каравайчука, учился у него и сам учил его новому — предлагал, например, перейти на электронные инструменты. Рассказывают, что Курехин считал Каравайчука «своим гением».

Концерты Каравайчука — это всегда спектакль. Схема повторяется, как сюжет волшебной сказки: сумасшедший гений раз за разом удивляет публику. То сыграет, лежа на кушетке, то навалится на рояль, как пьяный на стол в баре, то вскочит и продолжит играть с закрытыми глазами. Или вдруг станцует вальс со шваброй, отобранной у уборщицы. «Если спросить тех музыкантов, которые обожают Каравайчука, за что именно они любят его музыку, думаю, никто не сможет сказать конкретно. Обычно это как бывает: «О, помнишь вот это место, так никто до Шенберга не сочинял». Вот с ним такого не бывает. Но у него есть важная роль — это возрождение процесса музыки как средства духовного общения»,— рассказывает Ухов.

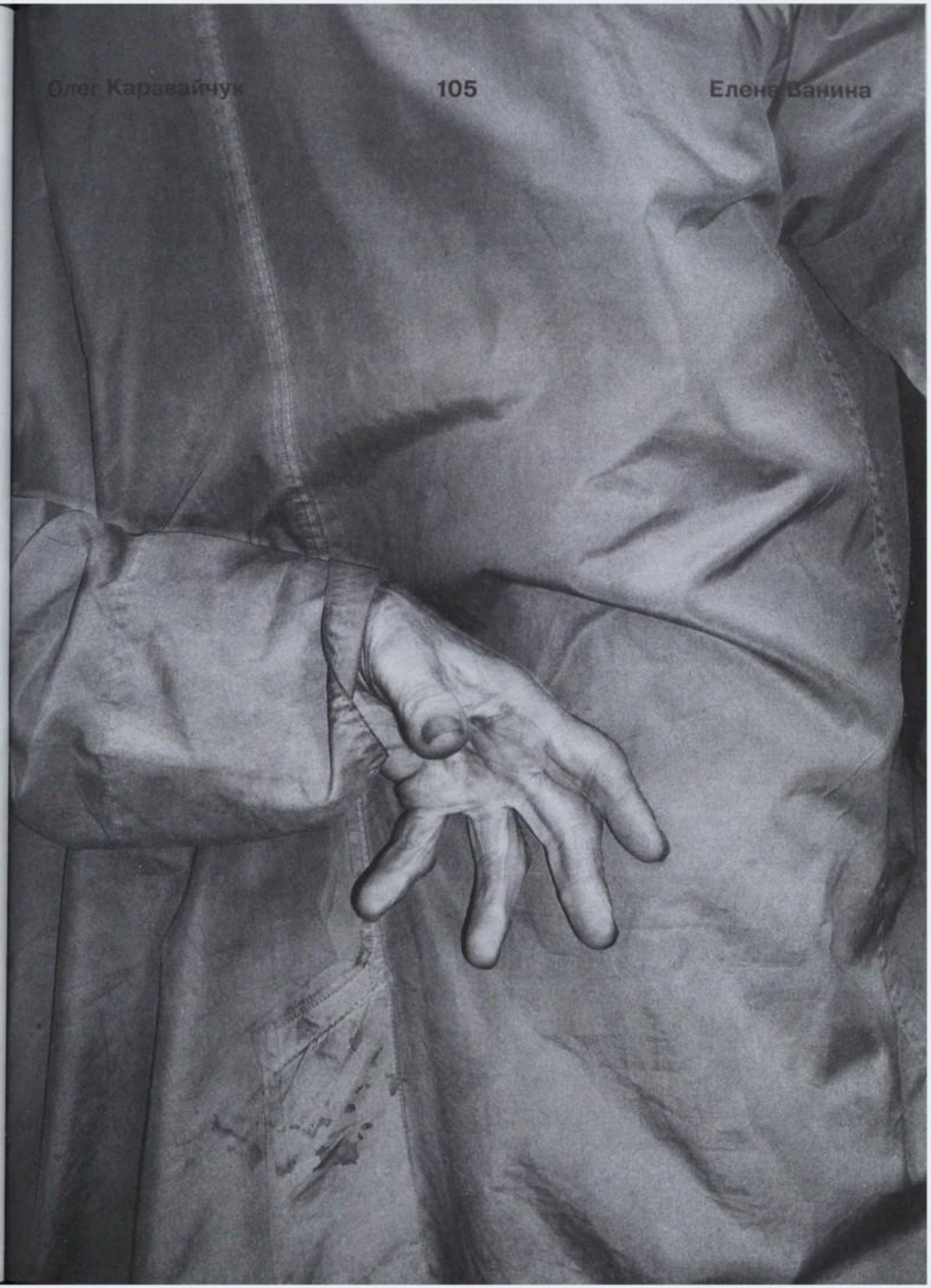
Став одним из героев контркультуры, Каравайчук не смог, да и не захотел удерживать этот статус. «Стравинский менялся, Шостакович — тоже, они чувствовали, что мир меняется, а значит, должен меняться и их язык. Каравайчук продолжает существовать в мире-монастыре, который он вокруг себя выстраивает. Его концерты — это уже почти спиритические сеансы. Он замкнутая на себе структура. Кому-то она близка, и тогда человек попадает в интровертный и очень локализованный мир композитора»,— говорит Раннев.

Сам Каравайчук из-за этого не переживает. Кажется, если бы у него остался один слушатель, он и им не был бы доволен. «Я по Пушкину живу: «Боже, избави меня от друзей. От врагов я и сам избавлюсь»,— смеется Каравайчук. Публика во все глаза смотрит на крошечную фигурку, которая то замолкает, то вдруг начинает быстро говорить или напевать мелодии любимых композиторов: «Так, ну ладно, хватит, нужно побренчать еще что-нибудь легкое. Сложное вы не хотите. Шопена сыграю».

Разговоры Каравайчука с публикой важны для представления так же, как и сама музыка. «Зачем я играю? Да потому что в каждом из вас заложен гений. Только затоптан. Я когда играю, в вас что-то начинает прорастать. Я играю, а вы слышите мир. Но вот я сдохну — и что?» — чем дальше, тем голос Каравайчука становится все сильнее, он снова уже почти поет. Вдруг резко прерывается на середине фразы, и снова живут только руки. Сильные, крепкие — руки ремесленника, а не руки художника. Неясно, откуда в хрупком, почти девяностолетнем старике столько силы и мощи.

Даже самое опытное ухо часто неспособно различить, где заканчивается Вагнер, а начинается Каравайчук, где вступает Шопен, а его подхватывает Гайдн. Каравайчук плетет из любимых произведений и собственных импровизаций одно полотно, постоянно путая зрителя. То сделает Вагнера нежным и почти воздушным, то сыграет Шопена с такой страстью, будто это Гайдн. «Все. Хватит,— и крышка рояля с грохотом опускается на клавиши.— Сколько можно тут бренчать». Каравайчук надевает жилетку, и его окружают поклонники. Мужчина протягивает кирпич: «Олег Николаевич, это вам». «Что это?» — с ужасом в глазах смотрит на кирпич Каравайчук. «Это, Олег Николаевич, камень! С вашим именем. Потому что вы, Олег Николаевич, глыба!»

Бросившегося в бегство музыканта вдруг окликает невысокая женщина с короткой

Позы Олега Каравайчука

Концерты Олега Николаевича Каравайчука — всегда спектакль. Выйти, сесть за рояль и сыграть — схема почти невозможная. Композитор гуляет, спит в зрительном зале, убегает, ругается с публикой, танцует и поет. «Афиша» составила словарь его главных концертных поз.

Не играя
Часто Каравайчук просто наблюдает за собственной записью на большом экране, объясняя публике, почему она ничего не понимает в его музыке.

Стоя
Каравайчуку не сидится на месте, и он постоянно убегает от рояля — но всегда возвращается. И тогда начинает играть стоя.

В наволочке
Для многих Каравайчук и есть эта наволочка. Трюк придуман давно для повышения концентрации, но сейчас к наволочке композитор охладел.

Полулежа
Иногда кажется, что руки Каравайчука разнесут рояль — столько в них силы, а иногда композитор как будто засыпает прямо во время игры.

В танце
Во время одного из концертов Каравайчук отобрал у уборщицы швабру. И станцевал с ней нежнейший танец под свой вальс, который играл в записи.

В очках
Долгое время Каравайчук везде носил темные очки. В СССР из-за них и берета его часто принимали за шпиона и пытались сдать в милицию.

Лежа
Каравайчук любит думать лежа: «Захотел подумать про Гоголя и прилег». На концертах такое тоже случается.

Сидя
Каравайчук всегда играет с закрытыми глазами для максимального погружения в себя. Чтобы жил только палец, а еще лучше — только стул.

стрижкой. Он не слышит. Женщина бережно похлопывает его плечу и окликает еще раз. Каравайчук бросает на ходу: «Здравствуйте». И уже собирается пройти мимо, но вдруг глаза его начинают светиться: «Ой, да это же вы!» Каравайчук, обнимая ее, поворачивается к зрителям: «Это мой самый лучший слушатель!» Он снова звонко, как мальчик, смеется. Его подруга — искусствовед Наталья Козырева.

Они с Каравайчуком познакомились больше двадцати лет назад на выставке, которую организовывала Наталья. «Сначала он позвал меня на концерт, а потом мои родители снимали дачу в Комарово, и там мы с ним встретились. Он меня пригласил домой. Это был невероятно милый контраст — такая ненадежная дачка, шатающаяся, заросшая во дворе лебедой и крапивой. А внутри рояль, дощатый пол, яблоки на полу»,— рассказывает Наталья Михайловна. «Для него никогда не было различия между работой и жизнью. Потому что музыка для него и есть эта самая жизнь,— добавляет она.— И вот за это я его безмерно уважаю».

На протяжении почти двадцати лет они общались в основном по телефону, поскольку, говорит Наталья Михайловна, Каравайчуку нужна не компания, а слушатель, готовый воспринять его мысли про музыку или культуру: никаких бытовых обстоятельств они никогда не обсуждают.

Каравайчук постоянно обвиняет публику в том, что они не умеют слышать и слушать. На одном из последних своих концертов он сказал залу, что единственный человек, который по-настоящему понимает его музыку,— это она, Наталья Козырева. Натальи Михайловны на концерте не было, слова Каравайчука ей передали коллеги, но она до сих пор вспоминает о том случае с улыбкой: «Он меня придумал как исключительного слушателя. Он очень остро чувствует, что в современном мире слишком много бытового шума. Звук — это не просто частоты, это наполнение, к которому нужно быть готовым. И вот он возвращает слушателей к изначальным понятиям — к тому, что значит звук, что он несет в себе».

«Женское начало в моей музыке очень сильно. Но я не гомосексуалист»,— говорит Каравайчук, сидя на переднем сиденье такси по пути в Комарово. Вот уже несколько месяцев Каравайчук ездит с одним и тем же водителем, полюбившим общение со странным стариком, про которого долгое время не понимал совсем ничего. «Просто один раз заказали машину, так и пошло. Мне интересно было общаться. Естественно, он гений. Он очень умные вещи говорит — то, что у тебя в голове, но ты не знаешь, как это выразить»,— рассказывает водитель.

Машина сворачивает на набережную. Каравайчук смотрит на залитую светом фонарей Неву. Он не раз говорил, что в другом городе не стал бы тем, кем стал. И это чистая правда — сложно представить более точное человеческое воплощение понятия «петербургский текст». Такое ощущение, что он одновременно герой и Достоевского, и Пушкина, и Гоголя. Последний для Каравайчука вообще один из самых важных людей в жизни:«Мне кажется, мы с ним чувствуем одинаково». «Понимаете, я всегда думал, что настоящая женщина должна быть безумна. В ней должен быть посыл журавля, абсурдный посыл. Иначе она не женщина»,— размышляет вслух Каравайчук, глядя вдаль. «А сейчас женщину погружают в канцелярщину. Женщина-Чичиков! Да это как возможно? Женщина не пойдет покупать мертвые души. А если пойдет, то будет совокупляться там с мертвыми»,— хитро смеется он.

Про личную жизнь Каравайчука известно очень мало. Он никогда не был женат, полжизни жил с матерью на Васильевском острове, после ее смерти — затворником в Комарово. Есть огромное количество баек о несчастных поклонницах, которые тщетно добивались внимания композитора, но в самый ответственный момент он придумывал какую-нибудь отговорку вроде: «Вы прекрасны, но у меня невеста в Риге» — и исчезал. Одна из них якобы сказала, что КГБ могло бы придумать для Каравайчука специальную пытку — вместо следователя пускать к нему в камеру женщину. Каравайчук любит рассказывать о женщинах, в которых он был сильно влюблен,— Лени Рифеншталь, Екатерина II. Последней, по его собственному признанию, он посвятил множество из своих вальсов. «Вы знаете, у меня с женщинами странные отношения,— на несколько секунд Каравайчук замолкает, а потом продолжает: — Женщины же сейчас очень изменились. В молодости я видел настоящих русских девок. Это были совсем другие ноги. А сейчас не ноги идут по улице, а смесь лапши с солитером».

На секунду в машине становится удивительно тихо. Неожиданно раздается резкий свист тормозов и, прежде чем кто-то успевает сказать хоть слово, оглушительно-громкий удар в багажник автомобиля. Крошечная, почти невесомая фигурка композитора летит по направлению к лобовому стеклу. Громкие крики — и мертвая тишина. Бывают такие моменты, когда от страха невозможно открыть глаза. Каравайчук сидит с повисшей вниз головой. «Олег Николаевич, вы в порядке?» — спрашивает перепуганный до смерти водитель. Через пару секунд Каравайчук медленно поднимает голову: «Слава богу, сотрясения нет.

Я не сильно ударился. Что произошло?» — «Сзади ударил нас мужик. На ровном месте. Откуда он вообще взялся, не пойму». Виновник аварии даже не подходит к машине. Каравайчук оглядывается: «Вот зараза! Арестовать его надо. Я мог так ударить затылок, что поехал бы в больницу. Или вообще умер. Но, значит, Бог меня еще любит». Он тихо постанывает и потирает рукой шею. У всех в машине сердце сжимается до горошины. Каравайчук добавляет: «А я ведь с самого утра знал, что попаду в аварию. Просто знал, что это случится, и все». Еще через несколько секунд выясняется, что, садясь в машину, про аварию думали все. И в этот момент обретают смысл слова Владимира Раннева про концерты Каравайчука как спиритические сеансы. Последний то ли начался, то ли закончился мгновение назад.

«Голова только чуть-чуть гудит»,— говорит Каравайчук на следующий день, быстро сворачивая с одной улицы Комарово на другую. Здесь почему-то чувствуется, что он дома. Хотя в последнее время один из любимых рассказов Каравайчука — о том, как эпоха путинской стабильности испортила лучшее место на земле. Каравайчук идет мимо огромных кирпичных махин, которые глядят из-за заборов. «Все стали покупать дома в трех местах: Париж, Италия и Комарово. Посмотрите, что это за ужас? — Каравайчук указывает на огромный бордовый дом, стоящий на пустынном, как поле для гольфа, участке.— Они рубят деревья. Деревья им мешают. Мой сосед залез на участок, пока меня не было, и срубил пять берез, а другой залез и срубил любимую сосну моей мамы. Они убили это место. Это же мертвечина». Он на секунду останавливается у какого-то забора, но через мгновение снова бежит дальше. Снова и снова. Вперед и вперед. Как будто в этом вечном движении для него и есть жизнь. «Красивее всего сейчас у меня на участке. Самое дикое место этого поселка,— говорит композитор, открывая калитку.— Только внутрь, в мою помоечку, нельзя. Тут погуляйте».

Крошечный покосившийся дом в глубине глухих, почти лесных зарослей. Ржавая тачка на дороге, болотце, величественные ели, несколько берез. Кажется, если придумывать декорации для фильма о сбежавшем от мира художнике, лучше и вообразить невозможно. «Мне все говорят, руби-руби эти деревья, а мне жалко. Зачем? Ведь ко мне ежики прибегают, зайцы. А больше их почти нигде и нет. А ведь в зверях больше правды. Желания жить в муравье, в лягушке — гораздо больше, чем в человеке»,— задумчиво говорит Каравайчук. «Вот я тут иногда замру и как будто растворяюсь,— продолжает он, стоя между двух елей.— А для меня ничего лучше этого нет. Когда нет ни мыслей, ни снов. Нет ничего лучше пустоты. Тогда выходит самая лучшая музыка»,— нараспев произносит он. Невероятный музыкальный энциклопедист, Каравайчук знает наизусть столько произведений, что даже самые большие знатоки приходят в недоумение. И все же главным для себя он считает вовсе не технику, не мастерство. Он словно раз за разом превращает себя в максимально чувствительный приемник, улавливающий энергию и передающий ее в мир. И это, пожалуй, и есть главное в его музыке. Ради этого он пожертвовал и большой карьерой, и жизнью. Впрочем, слово «пожертвовал» в его случае не совсем верное. К Каравайчуку очень сложно применить термин «современник», кажется, в каком бы времени он ни жил — по-настоящему он был только наедине с собой. И все, что физически осталось от его многолетней композиторской работы, если не брать в расчет фильмы,— это два компакт-диска и два DVD. Говорят, у него дома хранится целый ящик бобин с его записями. С записями, которые, кроме него, никто не будет в состоянии повторить.

«Просто Каравайчук — шире, чем композитор. И то, что он делает,— это шире, чем музыка. Быть тем, кем он является,— это быть больше, чем номинально композитором. Это не его стезя. Это человечище. Он маленький, но при этом он — человечище»,— говорит Раннев.

«Мне никогда в жизни не было интересно заниматься новаторством. Вначале я находился под влиянием Шостаковича. Это была моя юность,— быстро-быстро говорит Каравайчук.— А потом я почувствовал стандартизацию. Понял, что набрел на какой-то удобный путь для производства формы. И это плохо. Ты попробуй поймай что-нибудь. Ну все, пока!» И крошечная фигурка удаляется по участку по направлению к деревянной избушке. Сложно представить себе другого человека, который был бы настолько же замкнут на самом себе и на своей работе. Когда его силуэт становится еле различим, он вдруг снова оборачивается и машет рукой: «Ну все, идите уже! Уходите! Пока». А затем пропевает еще несколько нот на прощание, резко оборачивается и скрывается из вида. Как будто никого никогда здесь и не было.

Департамент культуры города Москвы
XXV СЕЗОН 2015 2016
МОСКОВСКИЙ ТЕАТР НОВАЯ ОПЕРА ИМ. Е.В. КОЛОБОВА
ДЖ. ПУЧЧИНИ
БОГЕМА
ОПЕРА В ТРЕХ ДЕЙСТВИЯХ / 12+
ПРЕМЬЕРА
4 ДЕКАБРЯ / ПЯТНИЦА / 19:00
5 ДЕКАБРЯ / СУББОТА / 19:00
6 ДЕКАБРЯ / ВОСКРЕСЕНЬЕ / 19:00
МУЗЫКАЛЬНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ ФАБИО МАСТРАНЖЕЛО
ДИРИЖЕРЫ: ФАБИО МАСТРАНЖЕЛО (4, 5), АНДРЕЙ ЛЕБЕДЕВ (6)
РЕЖИССЕР ГЕОРГИЙ ИСААКЯН
СЦЕНОГРАФИЯ И КОСТЮМЫ ХАРТМУТ ШОРГХОФЕР
ХУДОЖНИК ПО СВЕТУ СЕРГЕЙ СКОРНЕЦКИЙ
ХОРМЕЙСТЕРЫ: НАТАЛЬЯ ПОПОВИЧ, АНДРЕЙ ЛАЗАРЕВ
СОЛИСТЫ, ХОР И ОРКЕСТР ТЕАТРА НОВАЯ ОПЕРА
БИЛЕТЫ ONLINE: www.novayaopera.ru
реклама

«Белоярская АЭС» Федора Телкова — комната сотрудника АЭС. Уютный кабинет того, кто каждую секунду жизни помнит, что все может кончиться

ЧК this out

Фотографии
Алексей Пономарчук

В Екатеринбурге проходит III Уральская индустриальная биеннале современного искусства. Художественный проект под лозунгом «Мобилизация» размещается в бывшем Городке чекистов, половина художников — из Китая. Дмитрий Безуглов разобрался в том, как кураторы выгоняют злых духов из бывших квартир сотрудников НКВД.

«А-а-а, все искусством пробавляетесь», — щерит рот крепкий и низкий мужчина в черной футболке. На кисти, в которой зажат дотлевающий окурок «Донского табака», расплывается старая синяя татуировка. Мужчина — начальник охраны гостиницы «Исеть» в центре Екатеринбурга, конструктивистского памятника в виде гигантской подковы. Его зовут Виктор, и он на «этой вашей биеннале» с самого первого дня: следил за монтажом работ, каждым движением художников и кураторов. Виктор устал.

«Нет, искусство внутри», — обиженно говорит Никита; комментарий застиг его за вколачиванием деревянной рейки в рыхлую клумбу. Никита по профессии копирайтер, как и любой молодой екатеринбуржец с головой и руками, он решил сделать что-нибудь для биеннале, проглатывающей все городские таланты: неважно зачем, все пригодятся. Никита вешает кепку на забитую рейку и переходит к следующей. Виктор, бормоча и шлепая сланцами по красной ковровой дорожке, возвращается в гостиницу.

Проект Никиты можно назвать городской интервенцией, но до крайности деликатной: по периметру «Исети» Никита растягивает красно-белую строительную ленту, заклеенную объявлениями: «Предупреждение! Это не современное искусство, а дерево! Современное искусство на Уральской индустриальной биеннале в гостинице «Исеть», 1–9 этажи». Надпись дублируется на английском и китайском языках. Ее плохо видно — проходящий мимо дедушка вынужден опереться на трость и скрючиться вдвое, чтобы прочитать ее. Дедушка хмыкает и спешит дальше по своим делам; он не бывал в гостинице «Исеть» и явно не хочет изменять традиции.

До биеннале как минимум пятнадцать лет в ней редко кто-то оказывался; разве что печальные командированные, ежевечерне поглощавшие водку и «уральские пельмени» в одноименном ресторане. Одна из городских легенд гласит: немецкий специалист, затянутый в Екатеринбург по металлургическим делам, на третий день возлияний жалобно попросил коллег перестать потчевать его «этими мокрыми пирожками». Поздней весной за пирожками вытянулась целая очередь художников; в марте стало известно, что для проведения биеннале уральскому филиалу ГЦСИ предоставили часть легендарного жилого комплекса Городок чекистов, о котором рядовой екатеринбуржец достоверно знал только одно: он существует.

«А-а-а, Городок чекистов. Там в подвале пыточные, да?», «Группа такая есть» — вот и все, что жители Екатеринбурга могли сказать о мрачном месте. В нулевых Городок существовал только на ментальных картах архитекторов и прекраснодушных студентов, проникавших во двор, чтобы выпить пива и обсудить последний роман Ника Кейва. Вдохновлялись местом единицы, вспоминается только очень точное описание уральского поэта Тараса Трофимова: «Безумный городок, известный многим. Один одичавший

Зеркальная собака из цикла работ **«Стая» Натальи Пастуховой** стоит в ванной комнате одного из номеров гостиницы «Исеть»

«Социальная ботаника» Сюй Таня. В разложенных на столах и полках предметах быта с непривычки можно не разглядеть современное искусство. Многие посетители биеннале на этом

«Кабинет — Екатеринбург» Ли Ляо — это 8-часовой фильм о пустом кабинете Евгения Ройзмана, куда периодически приносят новые бумаги на подпись

Видеоарт **«Сити-менеджер» Чэнь Цюлиня** показывают в уютной комнате, устланной матрасами

конструктивист в тридцатые годы замыслил построить микрорайон для аппарата госбезопасности. В квартирах не было кухни: предполагалась общая столовая. Не было ванн: общая баня. И целые подвалы-катакомбы. Хотя без пыточных — чекисты все-таки разделяли дом и работу. Двор был чудесный. Масса скамеек, углов, кустов. <...> Во дворе находился опорный пункт милиции. Мусора были немного похожи на чекистов. Работали они по другим улицам, а в опорнике отдыхали». И вот в 2015 году даже те, кого искусство совсем не волнует и для кого история осталась нелюбимым школьным уроком, вынуждены соотносить в уме название выставки с геоточкой «гостиница «Исеть».

Уже пять лет биеннале работает как система оповещений, постоянно напоминающая горожанам о вычеркнутых из памяти местах. В начале был другой памятник конструктивизма — типография «Уральский рабочий». До арт-интервенции о нем говорили лишь как о площадке девелоперских войн. В январе 2010 года под давлением «Эксмо», желавшего разместить свой «Читай-город» на месте старого книжного, принадлежавшего типографии, владельцев вытеснили изящным трюком: федеральное Агентство по управлению и использованию памятников культуры напомнило, что в 2008 году «Уральский рабочий» был признан памятником архитектуры, на территории которого действующая типография работать не может. Владельцам насчитали долг за аренду памятника в 56 миллионов рублей, типография и книжный магазин освободили исконно принадлежавшее им пространство. По редакциям городских газет поползли нервные слухи о том, что красивое историческое здание трансформируют в торгово-развлекательный центр. Они не оправдались.

В сентябре 2010 года в здании типографии прошла первая Уральская индустриальная биеннале современного искусства, где екатеринбуржцы узнали слова «ревитализация» и «джентрификация»: здесь же в 2012 году прошла вторая, а после открылись клуб «Дом печати», несколько ресторанов и даже трогательный зоопарк. Биеннале встала на паузу.

«Осенью 2014 года со мной связалась Алиса Прудникова (директор и комиссар биеннале.— *Прим. ред.*) и предложила тему «Мобилизация». Место еще не было утверждено; до самого последнего момента мы не знали, где она пройдет. Я составила приблизительный список художников, но на заявку это все похоже не было»,— серьезно заявляет Бильяна Чирич, куратор основного проекта биеннале. У нее напевный европейский английский, но внутри фраз странно гуляют ударения: Бильяна родилась в Сербии, но уже более 10 лет живет и работает в Шанхае, куда вернулась сразу после открытия биеннале.— Когда я узнала, что буду работать в «Исети», проект обрел контекст».

Бильяна готовила основной проект экспозиции вместе с куратором Ли Чжэньхуа из Пекина; оба — специалисты по китайскому современному искусству. В год, когда отношения России со Старым Светом стали индеветь, дирекция биеннале сделала политически актуальный выбор, обратившись к Востоку: на выставке собрали больше 40 китайских художников.

Площадку подтвердили в марте: команда уральского филиала ГЦСИ случайно узнала, что гостиница «Исеть» закрыта, и решила воспользоваться возможностью, успев заявить свои права за несколько месяцев до начала реконструкции. Гостиница была передана ГЦСИ как есть, с номерами, укомплектованными по последнему слову начала девяностых: со шкафами цвета растворимого кофе с молоком, узкими ваннами и громоздкими плюшевыми креслами, в которых хочется провалиться в летаргический сон. Бильяне эта замороженная постсоветская реальность пришлась по душе: «Принципиальная неподготовленность гостиницы к экспозиции задала внутреннюю драматургию. Мне нужно было сделать так, чтобы зритель двигался по определенному набору сцен».

«Сюда заходить не надо»,— рычит Виктор на группу заплутавших студентов, ворвавшихся в его каморку. Дверь заклеена старыми стикерами: выцветающие женщины разной степени одетости соблазнительно смотрят на непрошеных гостей; на рабочем столе старого компьютера ожидаемо открыт пасьянс. «Тут искусства нет,— Виктор коротко взмахивает рукой.— Вам наверх».

Проект Бильяны, названный «Место для маневра», располагается с первого по третий этаж гостиницы; на втором — ловушка для любителей громких имен. Здесь находится работа Йоко Оно «Прикосновение». Мерцающая комната заполнена пульсирующим светом. Он накаляется добела, а потом пропадает совсем, постепенно возвращается и начинает мелко мигать; движения посетителей распадаются на последовательность кадров.

Шестьдесят лет назад на этом этаже обедали службисты; до того как стать гостиницей, здание было общежитием молодых сотрудников НКВД. «Одичавший конструктивист» Иван Антонов, автор проекта Городка чекистов, установил на втором этаже фабрику-кухню, чтобы служители родины могли тратить все время на защиту Урала, не отвлекаясь на готовку. Он же первым был вынужден воспользоваться «местом для маневра». Сразу после запуска Городка в эксплуатацию

в 1933 году Антонова сдали непосредственным заказчикам. Его обвинили в религиозной пропаганде: дескать, в генеральном плане Свердловска его работы зашифрован христианский крест. От неминуемого расстрела архитектора спасла лишь нехарактерная для службистов человечность. Чекисты, сдружившиеся с ним за годы работы, подарили Антонову сутки на побег — он кое-как собрал семью и спешно уехал в Финляндию, променяв мегаломанские планы по перестройке столицы Урала на преподавание в художественной школе. Несмотря на случившееся, веры в советский быт он не потерял.

«Мой проект посвящен исследованию коллективных утопий: как они создаются, воспроизводятся, искажаются и ведут себя внутри бóльших социальных групп, — перечисляет Бильяна. — Работы показывают, как и во имя чего мы можем мобилизоваться и собраться вместе». У Бильяны больше шансов на успех, чем у идеологов Страны Советов. Мастера агитпропа строили медиапланы на десятилетия вперед, проект Бильяны имеет конкретные границы — биеннале закроется в ноябре. Художники, приглашенные ею, изучают, как искусство выживает в условиях тотальной цензуры и набирает политическую силу. Групповое шоу «Поговорим о деньгах» повествует о шанхайских кураторах, в 1996 году собиравших работы зарубежных коллег по факсу, использование которого цензоры не могли запретить. Художник Ли Ляо снимает на видео пустой кабинет Евгения Ройзмана, мэра Екатеринбурга. Камера зафиксирована на столе, туда периодически кладут бумаги на подпись. Мэра нет — бюрократия не требует его присутствия. «Я знаю, в фейсбуке горячо обсуждают, можно ли считать такую видеодокументацию искусством, — резко бросает Бильяна. — Я также знаю, что это екатеринбургский мэр, к которому у горожан особенное отношение; значит, для них работа имеет смысл».

Чирич отказывается признавать, что работы, отобранные ею, — это в первую очередь уроки политической борьбы и социальной сознательности: «Я была удивлена, когда узнала, что для русских мобилизация значит подготовка к военным действиям; для меня это один из законов организации сообществ. Местный контекст меня удивил».

На перекрестке напротив «Исети» дуэт в хаки исполняет песни Трофима — низенький расслабленно постукивает по дешевому синтезатору, напарник воет в микрофон: «Мама, я вернулся живой».

В трех шагах от гостиницы, у входа в ресторан «Фабрика-кухня», курят отобедавшие седые дядья в камуфляже и одобрительно кивают в такт. «Ве-е-ернулся-я» рассекает пространство и эхом отражается в коридорах «Исети», ненадолго обезвреживая кураторское прочтение «мобилизации».

Экскурсовод ведет группу детей по седьмому этажу гостиницы. Улыбчивый толстячок лет десяти отбивается от процессии и забегает в комнату; секунду спустя раздается вопль, полный радости: «Совсем как у меня дома!» Мальчик зашел в «Зону комфорта», обустроенную арт-группой «Злые»: кресло, стол, напольная лампа и телевизор, сплетенные из колючей проволоки, передают скрытую историческую реальность пространства. Экскурсовод вытягивает мальчика обратно; у нее сложное выражение лица — местный контекст удивляет не только Бильяну.

Куратор Ли Чжэньхуа фыркает, услышав вопрос о духе места. Он координирует проект «Нет реального тела» на этажах с четвертого по шестой. Ли улыбается так, словно только что отыграл заключительный концерт на «Гластонбери», и выглядит соответствующе: Levi's старого фасона, черная кожаная куртка, простая хлопковая футболка. У Ли пружинистые черные волосы и внимательный взгляд; он двигается с кошачьей грацией, экономя движения. За время подготовки биеннале он успел влюбить в себя всех, кроме Виктора; но ключ к сердцу начальника охраны непросто заполучить.

Ли воспринимает прошлое как призрак, который можно допросить с пристрастием. «Когда я формулировал кураторскую заявку, понял — будем вытягивать ответы из самого места. Попросил художников уместить все нужные инструменты в ручной багаж и проявить смекалку в поиске материалов внутри «Исети», — улыбается он. Ли, живущий на два города, Пекин и Цюрих, собрал более двадцати швейцарских и китайских художников. Некоторые привезли с собой диски с видеоартом. Художнику Ляо Вэньфэну хватило одной тарелки.

Пятый этаж. Красивая блондинка, несколько минут назад тянувшая недоуменное «Э-э-э», заглядывая в комнаты с белыми открытками, нафталиновыми шариками и видеолайтбоксами, сосредоточенно крутит яйцо на тарелке Вэньфэна. Яйцо отвечает либо «да», либо «нет» на запросы посетителей. «Ничего не поняла, — сообщает девушка, — оно никуда не указывает». На стене висит подробное руководство: во внимание надо принимать направление яйца, положение блюда и стола. Причин доверять его ответу немного, но блокноты, лежащие на столе рядом с тарелкой, испещрены записями: «Да, мы с Колей будем вместе! Нет, мы не отдохнем в Европе в этом году. Да, современное искусство — отстой». В соседнем

номере на столе — кипа бумажек; на одном аккуратно, в самом центре маленькими печатными буквами уставшего следователя выведено «вандализм». Ли одобряет диалог посетителей и художников: «Это и есть контекстуализация искусства; без него биеннале не имеет смысла. Меня волнует только история «сейчас». С прошлым мы просто должны разобраться».

В соответствии с китайской традицией куратор переименовывает четвертый этаж в нулевой. «Четыре — значит смерть», — суровеет Ли. На борьбу с ней он бросает уральских художников; Слава ПТРК делает самый резкий выпад.

Его комната «Дом тысячи лиц» заполнена десятками улыбающихся Игорей Николаевых, Рейнарсов Кауперсов, Лолит, Ирин Аллегровых и других знаменитостей; их лица вырезаны из городских афиш и увезены в известном направлении. Слава планомерно оставлял зияющие пустоты на гигантских билбордах в течение трех месяцев; паника, которую пережили посетители («Дорогой, сфотографируй меня побыстрее, голова кружится»), несравнима с ужасом сотрудников гастрольных агентств. Некоторые из них решились допечатывать лица отдельно, чтобы закрыть страшные дыры. Другие собирались подать на Славу в суд, но дело замяли; зачерканные воронки на афишах продолжают гипнотизировать прохожих.

«Работы подобны хорошим стихотворениям, — говорит Ли, — они побеждают призраков. История лишь один из них». Но некоторых не победить, даже если вытащить на дневной свет, — рана видна, но не затягивается. Четвертый этаж хранит память о смерти: 24 мая 1937 года в городке состоялась большая «показательная акция». Десять фургонов, отмеченных надписью «Хлеб», увезли из Городка чекистов 120 жителей. Чистка, проведенная по приказу московского начальства, должна была разобщить сотрудников НКВД, чтобы человеческие отношения не мешали планомерному движению в будущее. Будущее наступило — в нем художники и горожане с трудом пытаются друг друга понять. Трактуя мобилизацию как личный подвиг, умение собрать силы в кулак и поддержать стоящих рядом, кураторы на время пытаются очистить термин от привычного нам набора смыслов.

Но этого недостаточно, чтобы вернуть гостиницу из мира призраков в мир живых. Ее историю нужно обратить в рассказ, который можно перечитывать снова и снова. Прошлое необходимо обезвредить, а для этого придется докопаться до самых глубоких тайн.

В подвале гостиницы, по документам — затопленному, скрыта секретная работа Стефана Тиде. Ее нельзя увидеть, просто прогуливаясь по гостинице; к ней может привести только экскурсовод, да и то не всегда. Сейчас дверь подвала заперта. Полоска света дрожит на кирпичных стенах. Над подернутыми рябью сточными водами медленно кружится гигантская коса. «Вам сюда нельзя», — тихо говорит Виктор. Лезвие свистит, разрезая воздух.

Уральская индустриальная биеннале по этажам

10–11-й этажи	В аварийном состоянии
9-й этаж	Исследовательский проект, книжный, кафе, сувенирная лавка
7–8-й этажи	Программа арт-резиденций «Стратегии мобилизации»
3–6-й этажи	Основной проект, куратор Ли Чжэньхуа, «Нет реального тела»
1–3-й этажи	Основной проект, куратор Бильяна Чирич, «Пространства для маневра: между абстракцией и аккумуляцией»
Подвал	Стефан Тиде «Коса» (секретная работа, не включена в путеводитель по биеннале)

Один набор **CheeseBox** позволяет приготовить около 20 кг сыра. В комплект входят пищевой термометр и набор мерных ложечек

Пророчество майо

Текст
Ника Махлина

Фотографии
Анастасия Пожидаева

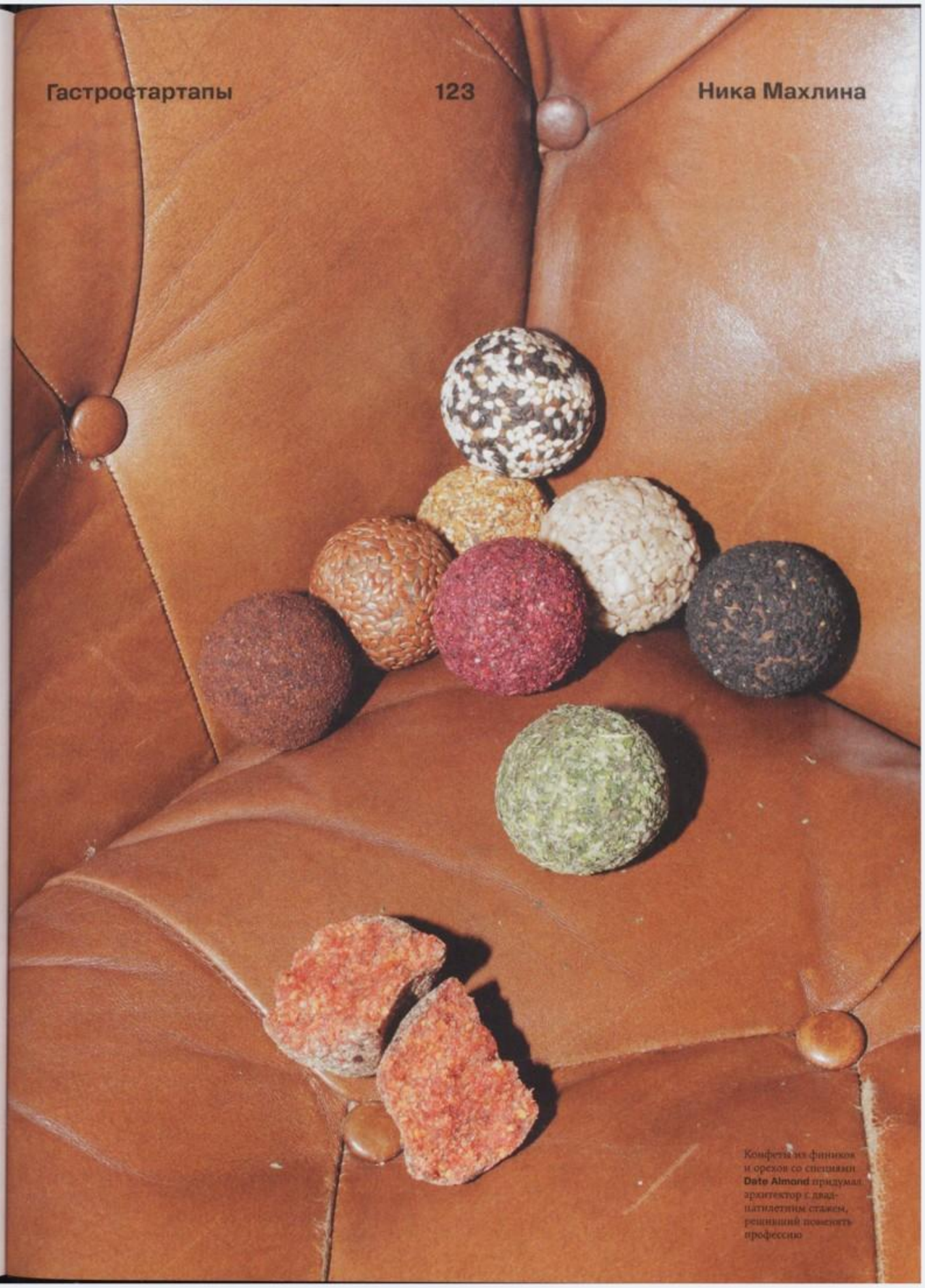
Развитие городских маркетов еды того и гляди выйдет на новый уровень: в Москве открылся центр кулинарных стартапов Mabius, задача которого — отыскать среди кулинаров-любителей потенциальных гениев и инвестировать в производство. «Афиша» выяснила, как устроен Mabius, кто дает деньги и зачем все это нужно.

Бритый наголо совладелец Нижегородского масложирового комбината Иван Сидорок угощает чипсами из конопли. Не самый удачный эксперимент центра кулинарных стартапов Mabius на вид и на вкус — как корм для собак-вегетарианцев. «Конопля техническая, в ней нет того, что все ищут, зато есть много полезного», — поясняет Сидорок. Его коллега добавляет: «С предложением производить из галлюциногенной конопли все подряд нам ежедневно названивал ростовчанин, но в итоге так и не составил бизнес-план».

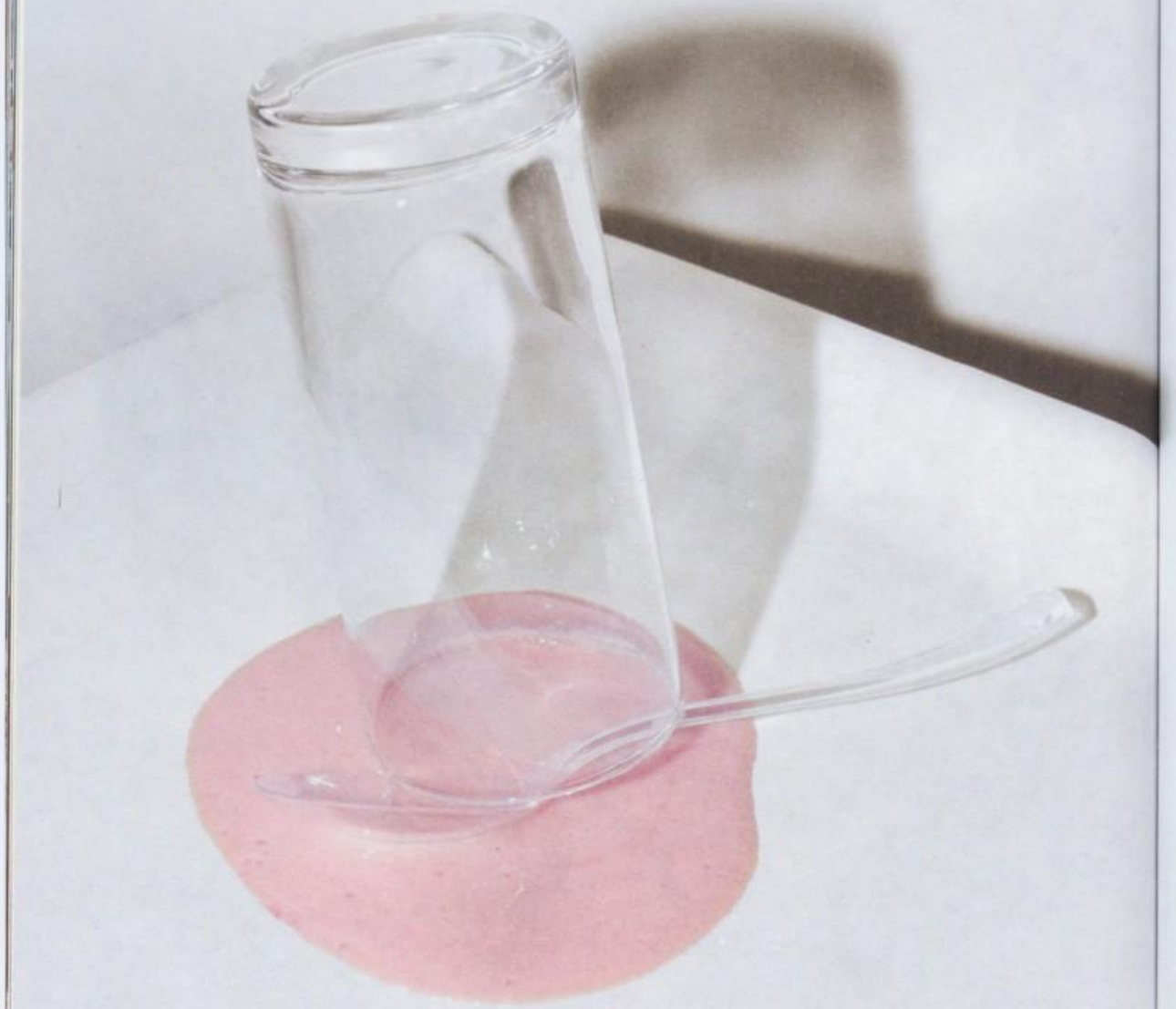
Иван Сидорок — Дуэйн Джонсон в галактике майонезов. Он молод и весел; не таким представляешь себе человека, отягощенного управлением комбината по производству майонеза «Ряба». Недавно Иван запустил бизнес-акселератор Mabius и пообещал до конца года вложить миллиард рублей НМЖК в гастрономические стартапы. Для сравнения: столько же просили Михалков с Кончаловским на создание национального «Макдоналдса».

Mabius — это привезенная Иваном из-за границы в наши края, как картофель Петром I, история. Как и в России, в Европе и Америке производство дома еды на продажу нелегально. Поэтому на волне интереса к нефабричным и нишевым продуктам питания стали возникать так называемые коммерческие кухни — где есть все, чтобы сутки напролет печь маффины и засовывать фарш в кишку, а потом продавать. Там же начинающие предприниматели могут получить консультации старших коллег и протестировать рецепт, до того как вкладывать в стартап деньги. Union Kitchen, Organic Food Incubator, Rutgers New Jersey — в одной Америке таких кухонь больше пятисот.

Лаборатория Mabius расположилась за красными воротами завода «Кристалл». Идет первый набор, осенняя инкубация. Сначала гастростартаперы заполняют заявку на сайте. Из 96 человек отбор прошли 66, и следующим шагом их попросили составить бизнес-план. Это сделали только 33 участника; к 24 из них Mabius присматривается, перед тем как взять на инкубацию. Отбор прошли творожное пирожное на основе сырников и гранолы, придуманное филологом-германистом; линейка соусов от женщины-маркетолога; ореховые конфеты профессионального архитектора; русско-французский дуэт Barca Churros с испанскими чуррос; крем из меда, собранного пожилыми жителями деревни Малый Турыш. Бывало ли такое, что человека отсекали за дикость идеи? «Как правило, стартапы отпадают не потому, что они странные, — объясняет пиар-директор Mabius Анна Карабаш. — А потому что люди на заполнении бизнес-плана сломались. Или, например, вместо плана прислали стишок». Кому бизнес-план удается, тот приезжает в лабораторию и готовит прототип. «Лаборатория, — продолжает Анна, — это экспериментальная площадка, где можно тестировать маленькие партии заводского качества. Там есть мой любимый экструдер». — «Почему любимый?» — «Ну слово такое, как будто из порно. И сублиматор — тоже красивое...»

Конфеты из фиников и орехов со специями **Date Almond** придумал архитектор с двадцатилетним стажем, решивший поменять профессию

По словам создателей энергетика **iMousse**, на разработку формулы потребовалось пять лет

На пятидесяти квадратных метрах лаборатории хозяйничает директор проекта Андрей Рывкин — аксакал фестиваля Omnivore и владелец кочевого бистро United Kitchen. Его интерес — найти людей, которые делают по десять необычных котлеток в месяц, помочь им сформировать бренд и масштабировать производство так, чтобы делать уже по десять тысяч котлет и положить их во все магазинные сети и рестораны. Параллельно, чтобы пропитаться эмпатией к стартаперам, Андрей и сам проходит в Mabius инкубацию: делает серию майонезов — «трюфельный, васаби, а дальше будем играть», которые продаются в кулинарии при United Kitchen на Даниловском рынке.

Еще один проект, который уже используется для сэндвичей United Kitchen, — наборы для приготовления сыра CheeseBox. Его придумала Валерия Опанасюк, классический гастростартапер: работала в офисе, устала, захотела открыть свое дело. Момент совпал с введением продовольственного эмбарго. «Тогда у меня не было представления, как делается сыр: думала, есть машина, куда все засыпаешь, заливаешь, кнопочку нажимаешь — вылезает готовый кусок. Стала гуглить и поняла, что сыр можно сделать дома в кастрюле». Вместе с мужем они изучили ролики на ютьюбе и адаптировали американские методы сыроделания к нашему молоку. Среди первых клиентов были знакомые, но потом про CheeseBox вышла статья Варламова на «Эхе» — и посыпались заказы. Сейчас Опанасюк продвигает наборы для моцареллы и рикотты, греческого халуми, козьего шевра и филадельфии. Самый быстрый готовится за полтора часа, самый долгий надо ждать сутки. Заказы доставляют во все крупные города страны до Урала — оказалось, в регионах к сыру интерес не меньше. Скоро сделают «коробку» для камамбера и сыров с плесенью. «Наш месседж такой — если мы квасим дома капусту, давайте и сыр делать».

По периметру лаборатория Mabius заставлена старомодными агрегатами: духовой шкаф, соусная установка, тот самый секси-экструдер, резак и другие циклопические установки из прошлого — футуристические идеи тестируют на мощностях Советского Союза. «Это называется pilot plan — имитация промышленного производства, — рассказывает Иван Сидорок. — Ты производишь меньшее количество продукции, но такого же качества, как на заводе, а не такого, как если бы взбивал соус дома вручную». Оборудование на «Кристалле» раньше принадлежало Институту питания, вместе с которым Mabius создал малое предприятие: с одних техника, с других ремонт. На таких экструдерах, которых в России всего пара штук, можно готовить все, начиная от воздушной кукурузы и заканчивая

Гастрономические стартапы

Список стартапов, которые прошли первый этап конкурса в центре Mabius, довольно пестрый — тут встречаются и сладости, и полуфабрикаты, и соусы, и здоровая еда.

Syrnique Unique

Творожное пирожное на основе рецепта сырников и гранолы. Выглядит как капкейк с пышной шапкой крема и кусочками ягод.

Barbara Ann

Бананы в глазури из бельгийского шоколада на палочках, продаются охлажденными. Выполнены в самой разной форме, например — пингвина.

Royal Soufflé

Низкокалорийный мусс, придуманный для спортсменов-сладкоежек. Создатели — бывший танцор, участник Ансамбля имени Игоря Моисеева, и выпускник лондонского филиала Le Cordon Bleu.

Baker-Maker

Капкейки, украшенные сахарными цветами. По форме похожи на маффины, по вкусу — на бисквит с вкраплениями бананов, яблок или шоколада.

Орешки

Новый проект создательницы «Дашиных пирожков» — всем известные орешки с наполнителями, но теперь они будут разных цветов и начинок. Российский ответ французским макаронам.

Churros Russia

Испанские пончики чуррос в формате полуфабрикатов — так же, как пиццу или буррито, их нужно только разогреть.

Cocco Bello

Крем-мед с ягодами, медовые муссы и травяные чаи. Созданы для тех, кто не любит мед: технология взбивания не дает продукту засахариваться, а ягоды смягчают вкус.

NAKED Raw Sweets & More

Десерты, при приготовлении которых не используются сахар, яйца, молочные продукты, а также компоненты животного происхождения.

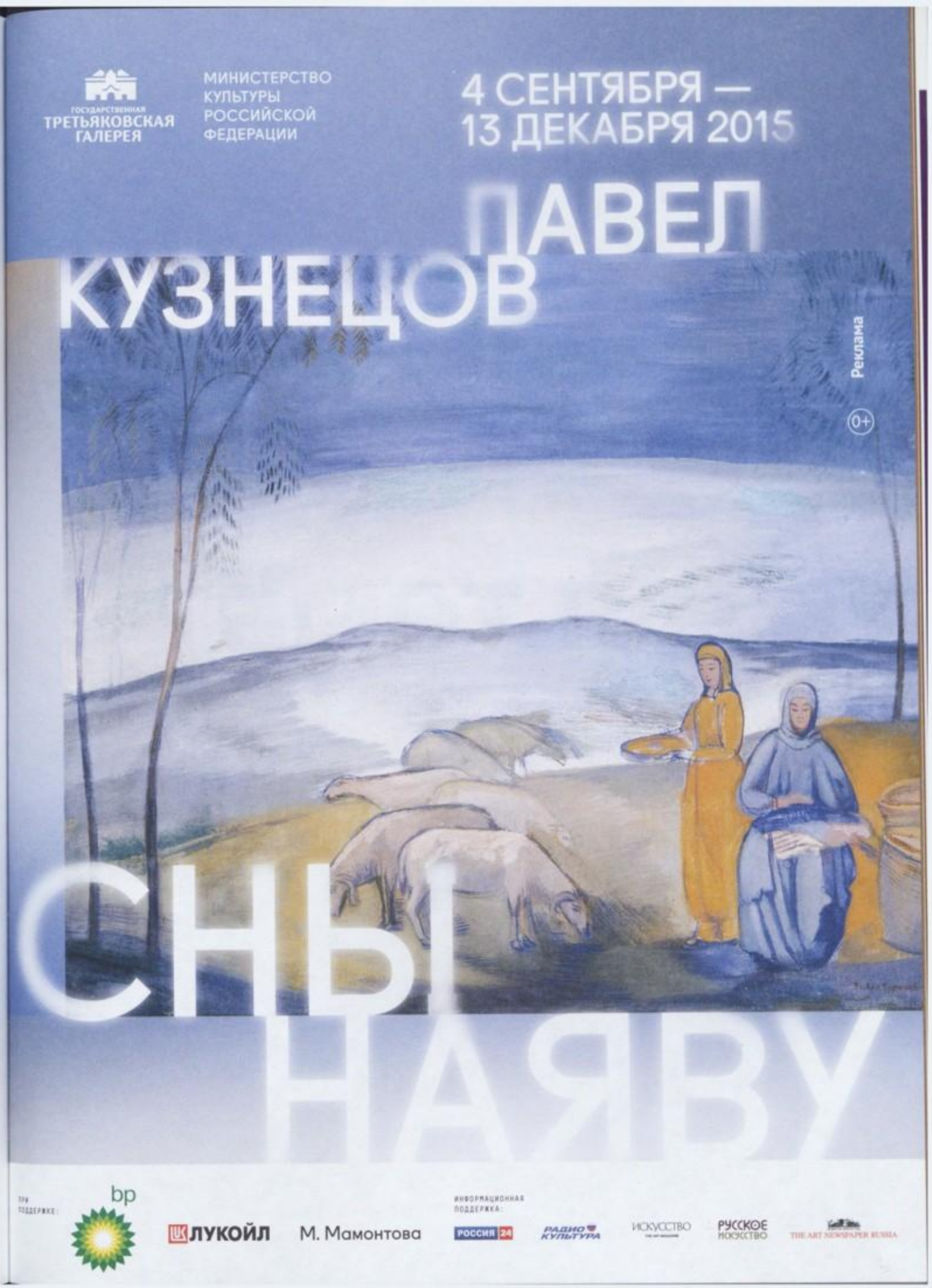
собачьим кормом; на нем же делали чипсы из конопляной муки. «Слушай, а ведь с помощью экструдера делают деньги, какой-то у нас неправильный стартап! Почему мы не печатаем сразу банкноты?» — в лаборатории материализуется пищевой технолог, рыжий Антон Шариков, кандидат наук и один из ученых, который пришел в Mabius как раз из Института питания. Теперь он помогает стартаперам: например, они говорят, из каких ингредиентов хотят получить батончик, а он отвечает, в каких пропорциях эти ингредиенты нужно смешать, и следит за кислотно-щелочным балансом белков, жиров и углеводов.

Далеко не всем, кто подал заявку в Mabius, нужна помощь с рецептурой. Алексей Самоделкин, бодрый мужчина из Нижнего Новгорода, с крестом на груди и борсеткой через плечо, готовит свои конфеты под брендом «Карамельное чудо» по ГОСТу. Ювелир по образованию, в 1990-е он стал торговать продуктами питания, а год назад увидел статью в Forbes про девушку, которая купила франшизу испанских карамелек. «Я прочитал и подумал: прикольно, но я бы это делал по-другому. Состав карамели ей, видимо, посоветовали в Европе, а там нет патоки — они используют ингредиенты, которые не тают на солнце. Но не может же натуральная карамель не таять под прямыми лучами!» Алексей нашел профессиональных карамельщиков, которые по двадцать лет проработали на обанкротившейся ныне фабрике «1 Мая». Потом на конфетах появились надписи: «От души», «От мамы», «От папы», «Подруге». «Я оформил авторское право на написание этих фраз карамелью. А в Mabius обратился, потому что нужна помощь, например, с упаковкой. Кроме того, со Службой занятости я договорился о приеме на работу людей с ограниченными возможностями, включая глухонемых, — ведь на вкус они могут попробовать. Если Mabius согласится взять меня под крыло, проект будет к тому же социально направленным».

Будущих партнеров Mabius разделяет на два типа: предприниматели и изобретатели. Если ты предприниматель и хочешь масштабировать свой проект, с тобой заключают партнерство — и при достижении реперных точек ты получаешь акции. А если ты изобретатель и управлять бизнесом не в состоянии — это берут на себя, а ты получаешь лицензионные отчисления. Стартаперы часто боятся, что большая компания украдет их идею. «Приходят и говорят: «Я придумал гранолы. Какие? Не скажу. Почему? Вы украдете идею, — рассказывает Иван. — Но сегодня конкуренция идет не на уровне технологий, мы же говорим не про атомную энергетику, а про еду. Наш оливковый майонез через полгода стали копировать все, но несколько месяцев мы получали прибыль». Компаниям сегодня важно обеспечить непрерывный поток продуктов, в этом и есть смысл краудсорсинга — внутренними силами невозможно сделать так, чтобы каждые полгода появлялся новый товар.

Есть, правда, инновационный проект, о котором в Mabius говорить стесняются. Инфернальную историю про энергетические батончики для спецназа придумали братья Кирилл и Валерьян Кузнецовы из компании iMousse. Решив заняться бизнесом, они задумались: что в мире самое востребованное? «На первых местах, понятно, наркотики, оружие, проститутки. — рассказывает Кирилл. — Мы решили посмотреть, что идет следом; оказалось, продукты питания с энергетическими свойствами. Мы подумали, что нужно создать невредный энергетик без кофеина». Братья решили использовать афродизиаки: мол, те не только повышают сексуальную активность, но и улучшают настроение, а значит, повышают работоспособность. «Аналогов этому нет. Министерство обороны проводит раз в год выставку инноваций — наша продукция прошла отборочный комитет, мы единственные в России, кому разрешили участвовать в этой выставке с продуктом питания. Но мы сами не продавцы, поэтому и обратились в Mabius: вот, изобрели новую технологию и можем доказать, что Россия не только в области балета впереди планеты всей, но и в пищевых технологиях. Это же еще и патриотично: российские ученые осуществили прорыв! Я не знаю — у вас насколько тема патриотизма развита в газете?..»

Иван Сидорок, построивший состояние на русской привязанности к майонезу, тоже горазд порассуждать об особом пути России. «Есть теория зависимости этноса от злака, который он выращивает. Например, рис требует ухода 365 дней в году, поэтому китайцы привыкли к монотонному труду. Южная Америка выросла на кукурузе, и у них уровень интеллекта ниже среднего, ведь кукуруза — сорняк. Мы же живем в условиях рискового земледелия — человеку за короткий период нужно произвести что-то необычайное, противопоставить интеллект тяжести среды. С другой стороны, мы выживаем сообща, а когда социальная ткань плотная, она противится проявлениям индивидуализма. Получается, что у нас благоприятная среда, чтобы появлялись таланты, но неблагоприятная, чтобы их развивать». Задача Mabius — это исправить, поместив чьи-то конопляные чипсы на полку супермаркета. Даже инкубатор гастростартапов в России больше, чем инкубатор гастростартапов.

А я томат

Фотографии
Эрик Панов

Стилист
Настя Баташова

Макияж/волосы
Настя Кириллова

Ассистент фотографа
Стас Хегай

Ассистент стилиста
София Долина

Модели
Даня, Матео, Оливия, Dopingirl Olya

Свитер **Simone Rocha**, брюки **Tigran Avetisyan**, футболка **August Institute**, джинсы **Levi's**, ремень **Liu Jo**

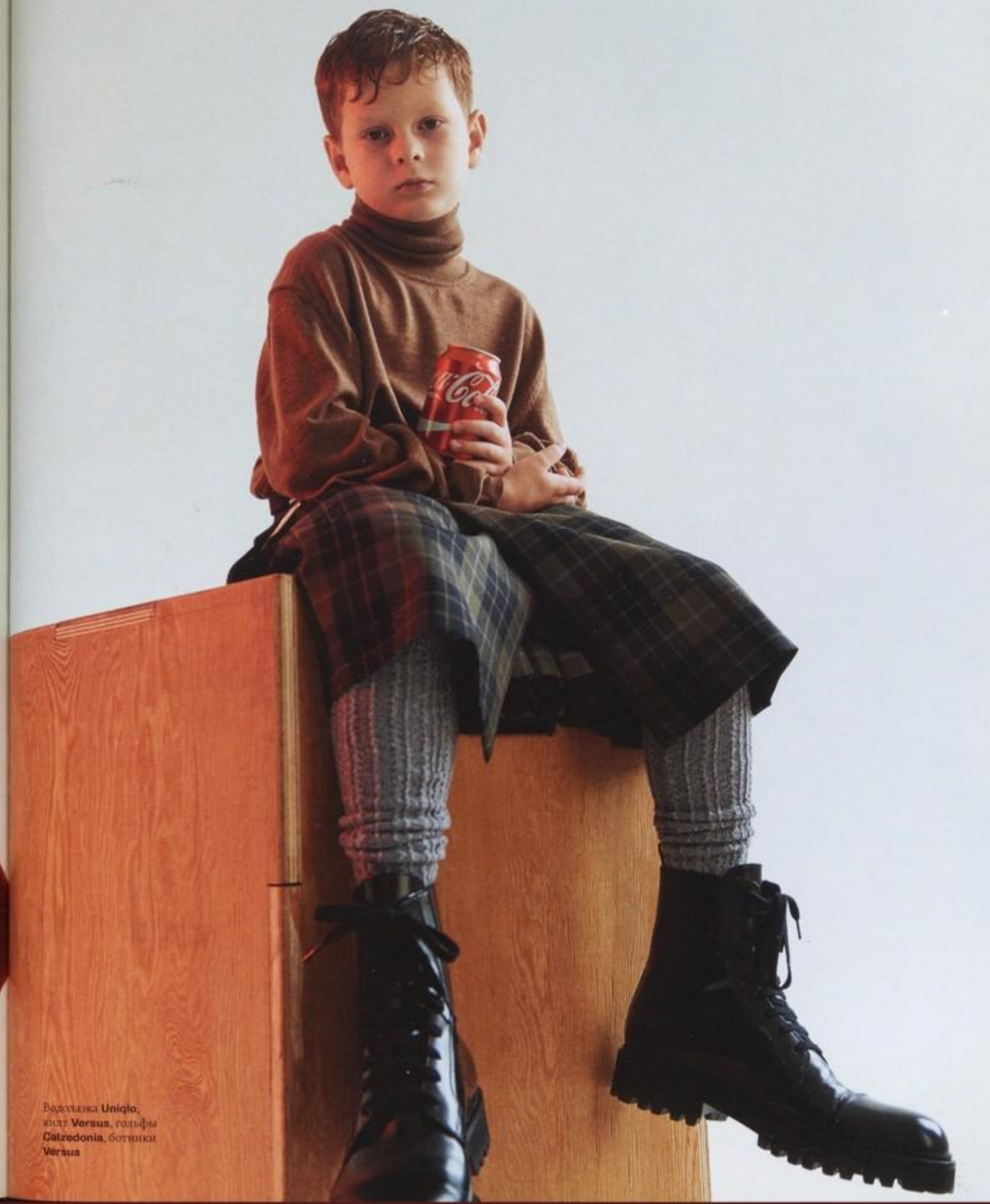
Рубашка **Prada**, куртка **Hugo Boss**, очки **«Смешные цены»**

Платье **J.W.Anderson**, колготки **Calzedonia**, тапочки **Gucci**, серьги **«Смешные цены»**

Пальто **Delpozo**,
сумка **Louis Vuitton**,
воротник **Versace**

Водолазка **Uniqlo**,
килт **Versus**, гольфы
Calzedonia, ботинки
Versus

Футболка **Gosha Rubchinskiy**

Платье **A.W.A.K.E.**, топ **Wood Wood**, клипсы **Kormelitz**

Юбка и туфли **Gucci**,
носки **Uniqlo**

Слева: пальто **Dior**,
блузка **Zara** клипсы
Wales Bonner, колготки
Calzedonia, туфли
Céline.
Справа: пальто **Liu Jo**,
серьги **Versace**, платье
Zara, перчатки **Hugo
Boss** гольфы **Calzedonia**,
обувь **Miu Miu**

ПРИ ПОДДЕРЖКЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА МОСКВЫ
Фонд Михаила Прохорова | СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ПАРТНЕР ФЕСТИВАЛЯ
МОСКИНО
REALD
НА ПРАВАХ РЕКЛАМЫ

Большой фестиваль мультфильмов

30 октября – 8 ноября

10 дней, 15 кинотеатров,
400 мультфильмов

WWW.MULTFEST.RU

18+

САТИРИКОН

ПРЕМЬЕРА 2, 3, 16, 17 НОЯБРЯ
на сцене «Планеты КВН»

Иван Шмелёв

ЧЕЛОВЕКЪ ИЗ РЕСТОРАНА

Постановка ЕГОРА ПЕРЕГУДОВА
Художник ВЛАДИМИР АРЕФЬЕВ
Композитор ПЁТР АЙДУ

12+ реклама

В главной роли КОНСТАНТИН РАЙКИН

Дорогие зрители!
ЗДАНИЕ НАШЕГО ТЕАТРА ЗАКРЫТО НА ДОЛГОЖДАННУЮ РЕКОНСТРУКЦИЮ.
С ОКТЯБРЯ 2015 ГОДА СПЕКТАКЛИ «САТИРИКОНА» ИДУТ НА СЦЕНЕ «ПЛАНЕТЫ КВН»
ЭТО РЯДОМ:
ул. Шереметьевская, 2
м. «Марьина Роща»
последний вагон из центра

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ ТЕАТРА НАРОДНЫЙ АРТИСТ РОССИИ, ЛАУРЕАТ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРЕМИЙ РОССИИ КОНСТАНТИН РАЙКИН
www.satirikon.ru, (495) 602-6577, 602-6583, 689-7885, 689-7844
Театр «Сатирикон» имени Аркадия Райкина, 129594, г. Москва, Шереметьевская ул., д. 8, ОГРН 1027739122510

афиша
Все развлечения рядом с вами
Бесплатное приложение «Афиша» для iOS
16+ Загрузите в App Store
Реклама

ДЕПАРТАМЕНТ КУЛЬТУРЫ ГОРОДА МОСКВЫ
МОСКОВСКИЙ ТЕАТР ЛЕНКОМ
НА МАЛОЙ ДМИТРОВКЕ 6
ПРЕМЬЕРА 3, 11, 19 НОЯБРЯ 2015
ИГОРЬ МИРКУРБАНОВ, ВИКТОР РАКОВ, ВИКТОР ВЕРЖБИЦКИЙ, АЛЕКСАНДРА ЗАХАРОВА, СЕРГЕЙ СТЕПАНЧЕНКО, ДМИТРИЙ ГИЗБРЕХТ, ПОЛИНА ЧЕКАН, АЛЕКСЕЙ СКУРАТОВ, ГЕННАДИЙ КОЗЛОВ и другие
в спектакле МАРКА ЗАХАРОВА
ВАЛЬПУРГИЕВА НОЧЬ
по мотивам произведений ВЕНЕДИКТА ЕРОФЕЕВА
художник-постановщик АЛЕКСЕЙ КОНДРАТЬЕВ
дирижёр ИГОРЬ ФОБИНИ
композитор СЕРГЕЙ РУДНИЦКИЙ
хореограф-постановщик СЕРГЕЙ ГРИГАЛ
художник по костюмам ИРИНА БЕЛОУСОВА
технический директор ДМИТРИЙ КУДРЯШОВ
директор театрального проекта МАРК ВАРШАВЕР
18+ реклама
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ ТЕАТРА МАРК ЗАХАРОВ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ ТЕАТР ИМЕНИ ЕВГЕНИЯ ВАХТАНГОВА
СЦЕНА
ПАРАД ПРЕМЬЕР
13, 14, 25 НОЯБРЯ
Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ
ПОДРОСТОК
Постановка и инсценировка Антона ЯКОВЛЕВА
В ролях:
Алексей ГУСЬКОВ, Владимир ЛОГВИНОВ, Лидия ВЕЛЕЖЕВА, Мария ВОЛКОВА, Ольга ЛЕРМАН, Елена СОТНИКОВА, Лада ЧУРОВСКАЯ, Дмитрий СОЛОМЫКИН, Рубен СИМОНОВ, Анастасия ЛУКЬЯНОВА, Александр ПАВЛОВ, Павел ЮДИН, Юрий ПОЛЯК
16+
Художественный руководитель театра Римас ТУМИНАС
РЕКЛАМА

РЕСТОРАН РУССКОЙ КУХНИ
Старая Башня
МОСКВА, ТЕАТРАЛЬНАЯ ПЛОЩАДЬ, Д.5, СТР.1
8 (495) 698-40-08
РЕКЛАМА

При поддержке Правительства Москвы
V Московский Международный фестиваль классической музыки
CHRISTMAS-FEST
17 ДЕКАБРЯ
Светлановский зал ММДМ / 19.00
«ОДА К РАДОСТИ»
БЕТХОВЕН
СИМФОНИЯ №9
Симфонический оркестр Москвы «РУССКАЯ ФИЛАРМОНИЯ»
дирижер – Дмитрий Юровский
25 ДЕКАБРЯ
Светлановский зал ММДМ / 19.00
НОВОГОДНИЙ КОНЦЕРТ
ШТРАУС ГАЛА
«СКАЗКИ ВЕНСКОГО ЛЕСА»
Симфонический оркестр Москвы «РУССКАЯ ФИЛАРМОНИЯ»
дирижер – Фабио Мастрандже (Италия)
22 ДЕКАБРЯ
Театральный зал ММДМ / 15.00 и 19.00
Детский балетный спектакль
12 месяцев
Государственный ансамбль классического балета «РУССКИЕ СЕЗОНЫ»
Режиссер – Н. Андросов
8 ЯНВАРЯ
Камерный зал ММДМ / 19.30
РОЖДЕСТВЕНСКИЙ ДЖАЗ
«JAZZ-GAMES» Даниила Крамера
специальный гость концерта – А. Саркисян (вокал)
10 ЯНВАРЯ
Светлановский зал ММДМ / 19.00
ВЕЧЕР ОРГАННОЙ МУЗЫКИ
Шедевры органной музыки
Исполнитель – солист Московской государственной филармонии Александр Фисейский
8 ЯНВАРЯ
Светлановский зал ММДМ / 19.00
ГЕОРГ ГЕНДЕЛЬ
«МЕССИЯ»
оратория для солистов, хора и оркестра
Государственный камерный оркестр России
художественный руководитель – А. Уткина
Хор «ИНТРАДА»,
дирижер – Фридер Берниус (Германия)
6+
Театрал
www.orchestra.ru

Загрузите в App Store
16+
Рецепт
Лимонный пирог с меренгой
«Еда» под рукой
более 32 000 рецептов
Книга рецептов, энциклопедия ингредиентов, видеоуроки по самым нужным поварским техникам теперь в вашем айфоне
Еда
реклама

КЕЛЬЯ
РЕСТОРАН БЕЛЬГИЙСКОГО ПИВА
АКЦИЯ ПИВО ЗА ПОЛЦЕНЫ!*
БОЧКОВОЕ ПИВО НА ВЫНОС:
• Роми Пилс 1,5л – 650р
• Квак 1,5л – 800р
• Крик 1,5л – 850р
ТРАППИСТСКИЕ ЭЛИ:
• Вестмалле, бут. 0,33л – от 180р
• Шимей, бут. 0,33л – от 185р
АББАТСКИЕ И СПЕЦИАЛЬНЫЕ ЭЛИ:
• Инейм, бут. 0,33л – от 170р
• Дювель, бут. 0,33л – от 180р
• Трипл Кармелит, бут. 0,33л – от 180р
ГОРЯЧЕЕ ПИВО:
Глюкрик – варится на основе вишневого сорта со специями, подается разогретым
м. Кропоткинская, пер. Сивцев Вражек, д.3, (495) 697-68-41 *Подробности на сайте: www.kelyabar.ru

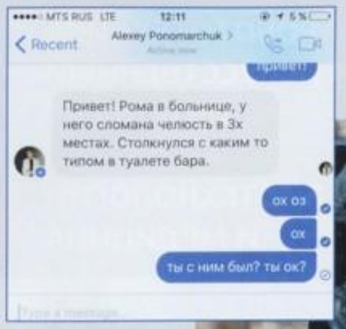

ресторан
БУРГОМИСТР
Отличное место в центре Москвы с видом на Большой Театр
реклама
Москва, Театральная пл., 5/2, (495) 983 00 92, www.burgermeister.ru

Теперь «Афишу» можно купить еще в 50 городах. Журналы продаются у наших хороших друзей в парикмахерских Chop-Chop в России, на Украине, в Казахстане, Белоруссии, Латвии, Литве и Эстонии.

Россия	
Санкт-Петербург	Б.Конюшенная, 4/6/8
	Большой просп. П.С., 71а
	Невский просп., 84
Барнаул	просп. Ленина, 72
Белгород	Свято-Троицкий б-р, 15
Владивосток	Набережная, 5в
Волгоград	Чуйкова, 3
Воронеж	Комиссаржевской, 1
Грозный	просп. В.Путина, 1а
Екатеринбург	Куйбышева, 61
	Мамина-Сибиряка, 70
Иркутск	б-р Гагарина, 68в
Казань	Профсоюзная, 1
Калуга	Театральная, 36
Кемерово	Советский просп., 67
Краснодар	Красная, 137
Красноярск	Красной Армии, 9/11
Липецк	Кузнечная, 10
Нижний Новгород	Ошарская, 1/2
	Рождественская, 12/5
Новокузнецк	Орджоникидзе, 40
Новороссийск	Мира, 35
Новосибирск	Коммунистическая, 35
Омск	Орджоникидзе, 16
Оренбург	Богдана Хмельницкого, 1а
Пенза	Московская, 97
Пермь	Луначарского, 51а
Пятигорск	Малыгина, 23
Ростов-на-Дону	Шаумяна, 94
Самара	Некрасовская, 56
Саратов	Дзержинского, 20/22
Смоленск	Маяковского, 3
Сочи	Роз, 6–6а
Ставрополь	пл. Ленина, 3
Тверь	Жигарева, 44
Томск	просп. Фрунзе, 4
Тула	Учетный пер., 2
Тюмень	Хохрякова, 69
Ульяновск	Ленина, 89
Уфа	Карла Маркса, 33
Челябинск	Сони Кривой, 69
Южно-Сахалинск	Чехова, 37
Ярославль	Революционная, 18
Белоруссия	
Минск	просп. Независимости, 38, помещение 2
Казахстан	
Алма-Ата	Толе Би, 65, угол Желтоксан
Астана	Бараева, 21
Латвия	
Рига	Gertrūdes ielā 10
	Marijas ielā 16–215
Литва	
Вильнюс	J.Jasinskio gatvė 16A
Украина	
Киев	Михайловская, 13
Одесса	Вице-адмирала Жукова, 4
Харьков	Маршала Бажанова, 4
Эстония	
Таллин	Pirita tee 26C

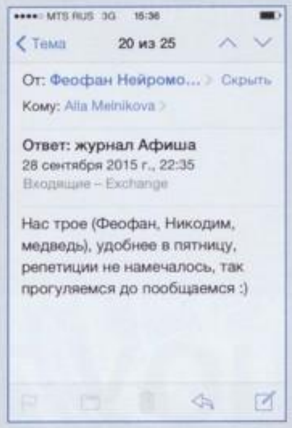

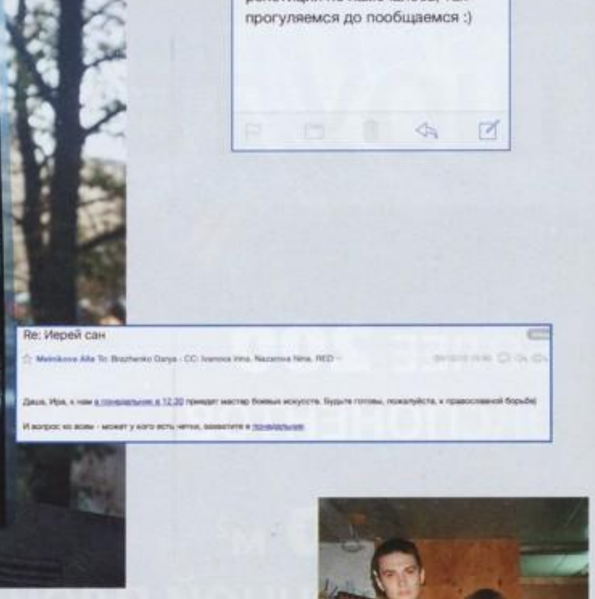

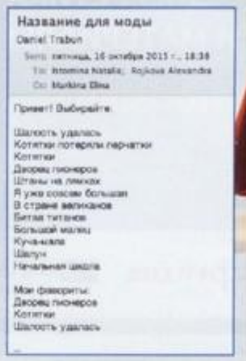
Арт-директору журнала **Роману Горницкому** сломали кастетом челюсть в туалете екатеринбургского бара «Мизантроп». Поводом стал спор о проходившей в городе Индустриальной биеннале современного искусства (стр. 110).

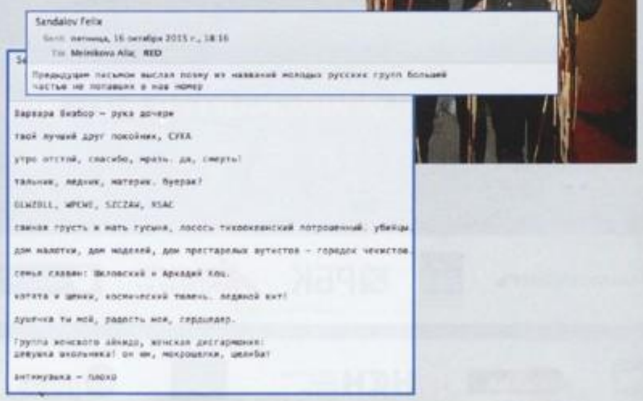

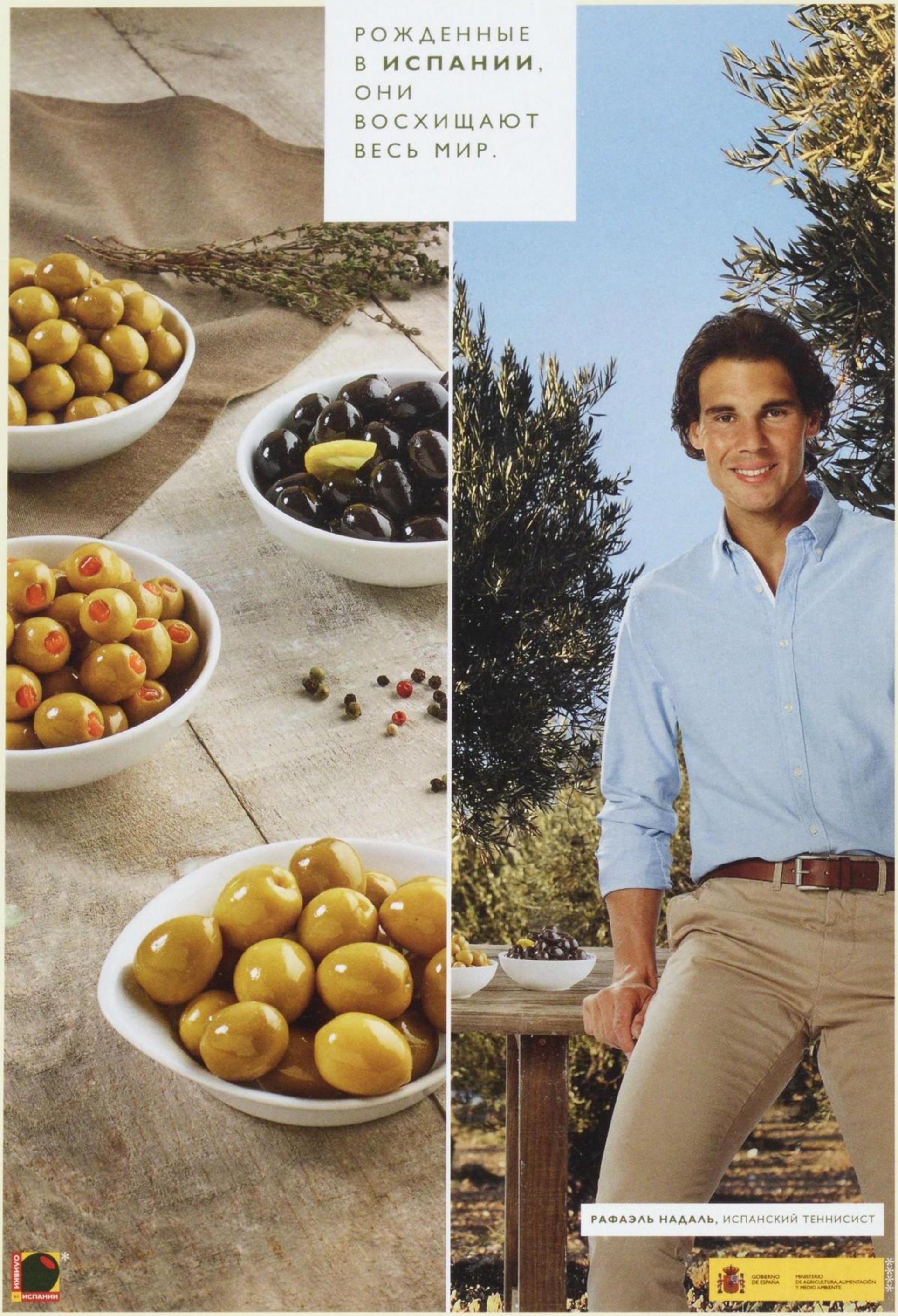

PEREMENA-AVIA
ОПЕРАТИВНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ЧАСТНЫХ ПЕРЕЛЕТОВ В ЛЮБУЮ ТОЧКУ МИРА
КОМФОРТ ПАССАЖИРА
- НАШЕ ПРАВИЛО
«МЫ ЛИЧНО ЗАБОТИМСЯ О КАЖДОМ РЕЙСЕ»
Григорий Иоффе, Управляющий партнер компании «Перемена-Авиа»
+7 (495) 987 18 59
www.peremena-avia.ru
Реклама

РОЖДЕННЫЕ
В **ИСПАНИИ**,
ОНИ
ВОСХИЩАЮТ
ВЕСЬ МИР.

РЕКЛАМА

European Union

JUNTA DE ANDALUCIA

Оливки из Испании

Andalusia
moving forward with Europe

* Оливки консервированные с добавлением уксуса или уксусной кислоты, готовые к употреблению. ** Европейский Союз: Европейский региональный фонд развития. *** Совет Андалусии. **** Правительство Испании. Министерство сельского хозяйства, продовольствия и окружающей среды. ***** Андалусия движется вперед с Европой.